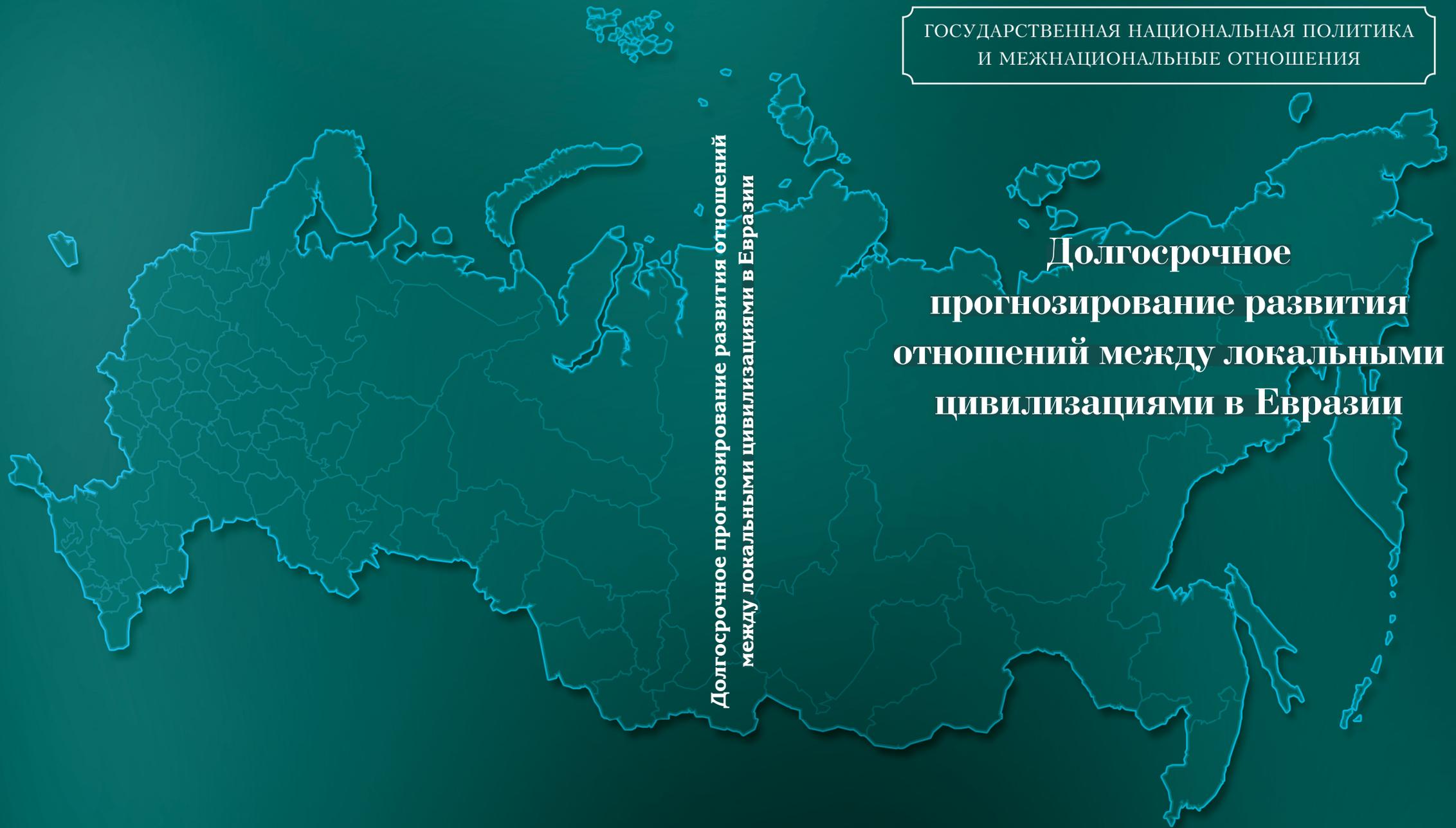

ГОСУДАРСТВЕННАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Долгосрочное прогнозирование развития отношений
между локальными цивилизациями в Евразии

**Долгосрочное
прогнозирование развития
отношений между локальными
цивилизациями в Евразии**

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации»

**Долгосрочное прогнозирование
развития отношений
между локальными цивилизациями
в Евразии**

Монография

Москва
Издательский дом
«Международные отношения»
2017

УДК 327
ББК 66.4
Д64

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
по проекту №15-37-14016, не подлежит продаже

Авторы:

А. И. Подберезкин (руководитель авторского коллектива),
М. В. Харкевич, О. Е. Родионов, О. А. Подберезкина

Д64 **Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии**: монография / [А. И. Подберезкин и др.]. — Москва : Издательский дом «Международные отношения», 2017. — 357 с.

ISBN 978-5-906367-53-2

В монографии разработана авторская методология долгосрочного прогноза развития международных отношений на основании цивилизационного подхода. Применяв данную методологию к анализу отношений между локальными человеческими цивилизациями в Евразии, авторы приходят к выводу, что наиболее вероятным прогнозом этих отношений на долгосрочную перспективу, к сожалению, является силовое противоборство между ними при нарастающем применении невоенных инструментов принуждения. Данный сценарий диктует необходимость перестройки военной организации России как в институциональном, так и в стратегическом отношениях.

Для специалистов в области международной и военной политики.

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978-5-906367-53-2

© Коллектив авторов, 2017
© МГИМО МИД России, 2017

Оглавление

Понятийный аппарат исследования	7
Аббревиатуры	19
Предисловие	23
ГЛАВА 1	
Особенности анализа и долгосрочного прогноза развития современной международной обстановки в Евразии	29
1.1. Характерные особенности развития международной обстановки в XXI веке	34
1.2. Конкретный прогноз развития международной обстановки в Евразии	44
1.3. Прогноз развития отношений между субъектами международной обстановки: локальными человеческими цивилизациями, нациями и государствами до 2025 года в Евразии.....	49
1.4. Факторы столкновения и диалога между локальными человеческими цивилизациями	60
1.4. а). Факторы столкновения и диалога во внутрицивилизационных, трансцивилизационных и межцивилизационных отношениях	65
1.5. Значение прогноза развития отношений между локальными человеческими цивилизациями в Евразии.....	71
1.6. Евразийский ТВД: современное представление о роли экспансии западной локальной человеческой цивилизацией	76
1.7. Соотношение сил между Россией и западной локальной человеческой цивилизацией и реализация ими противоборствующих стратегий	84
ГЛАВА 2	
Модель развития наиболее вероятного долгосрочного сценария международной обстановки и его вариантов в Евразии	93
2.1. Значение относительно постоянных факторов и тенденций для долгосрочного прогноза международной и военно-политической обстановки.....	97
2.2. Основы логико-теоретического стратегического прогноза развития новых парадигм международной обстановки в XXI веке	101
2.3. Социально-политическое конструирование новых парадигм	110

2.4. Новые парадигмы в развитии основных факторов и тенденций в долгосрочном прогнозе развития сценария международной обстановки	118
--	-----

ГЛАВА 3

Стратегия, состояние и перспективы развития западной локальной человеческой цивилизации во главе с США .....

3.1. Базовый сценарий развития западной локальной человеческой цивилизации и США	133
3.2. Модель базового сценария развития западной локальной человеческой цивилизации и США	141
3.3. Силовое противоборство в политике западной локальной человеческой цивилизации.....	144
3.4. Три наиболее вероятных варианта базового сценария развития западной локальной человеческой цивилизации и США до 2025 года.....	152
3.4. а). Вариант №1: «Оптимистический» вариант развития западной локальной человеческой цивилизации и США	153
3.4. б). Вариант №2: «Реалистический» вариант развития западной локальной человеческой цивилизации и США	157
3.4. в). Вариант №3: «Пессимистический» вариант развития западной локальной человеческой цивилизации и США	168
3.5. Сценарии развития западной локальной человеческой цивилизации и США после 2025 года	174

ГЛАВА 4

Китайская локальная человеческая цивилизация в XXI веке .....

4.1. Китайская «концепция глобального доминирования» и инициатива «Один пояс — один путь»	188
4.2. Кризисные районы.....	193
4.3. Экономический пояс Шелкового пути	197

ГЛАВА 5

Развитие российской локальной человеческой цивилизации и России в XXI веке .....

5.1. Место России в мире сегодня и в будущем	205
5.2. Интересы и цели России.....	211
5.3. Влияние будущей международной обстановки на развитие России.....	221
5.4. Формирования долгосрочных целей.....	224
5.5. Угроза инерции развития и будущее России.....	245

5.6. Будущие угрозы национальным интересам и возможности России	258
5.7. Российская локальная человеческая цивилизация и евразийская интеграция	263

ГЛАВА 6

Обоснование развития наиболее вероятного сценария «Военно-силового противоборства ЛЧЦ» в Евразии

в среднесрочной перспективе (до 2025 года)	273
6.1. Основные периоды развития сценария международной обстановки глобального «Военно-силового противоборства ЛЧЦ» до 2025 года	277
6.2. Обоснование периода завершения формирования военно- политической коалиции западной локальной человеческой цивилизации	279
6.3. Обоснование периода завершения военно-технической подготовки для ведения глобальных военных действий западной локальной человеческой цивилизации	286
6.4. Обоснование периода военно-силового использования мощи западной локальной человеческой цивилизации для утверждения норм и правил, соответствующих системе интересов и ценностей этой локальной человеческой цивилизации	292
6.5. Обоснование необходимости превращения современной военной организации России (государства) в военную организацию локальной человеческой цивилизации (общества и нации) до 2025 г.	298

ГЛАВА 7

Сценарии развития международной обстановки в Евразии в стратегической перспективе (до 2050 года) .....

7.1. Наиболее вероятные варианты развития сценария «Военно-силового противоборства ЛЧЦ» до 2050 года (на основе известных парадигм)	312
7.2. Обоснование развития наиболее вероятного варианта сценария «Военно-силового противоборства ЛЧЦ» после 2025 года (на основе новых парадигм)	324

Выводы и предложения, вытекающие из анализа

и долгосрочного прогноза влияния развития отношений между локальными человеческими цивилизациями на международную обстановку в Евразии .....

Литература	351
-------------------------	------------

Понятийный аппарат исследования

Внутренний вооруженный конфликт — высшая форма внутригосударственного конфликта.

Военная организация России — совокупность органов государственного и военного управления, Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, составляющих ее основу и осуществляющих свою деятельность военными методами, а также тех частей производственного и научного комплексов страны, совместная деятельность которых направлена на подготовку к вооруженной защите и саму военную защиту России.

Военная политика — деятельность государства по организации и осуществлению обороны и обеспечению безопасности, а также интересов ее союзников.

Военно-политическая обстановка (ВПО) — состояние мировой военно-политической системы в определенный период времени, характеризующее составом субъектов военной политики, их состоянием и особенностями военно-политических отношений между ними, а также основными тенденциями развития. ВПО оценивается совокупностью результатов действий одних субъектов военно-политических отношений в отношении других.

Военно-политический потенциал — совокупность нематериальных и духовных возможностей, как задействованных в настоящее время, так и тех, которые потенциально могут быть использованы в военных целях.

Военное планирование в Российской Федерации — составная часть военных мер организации обороны Российской Федерации, заключающаяся в определении порядка и способов реализации целей и задач развития военной организации, строительства и развития Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов, их применения и всестороннего обеспечения.

Военно-политические отношения — процесс взаимодействия субъектов военной политики во внешнеполитической, военной, социально-политической, экономической, идеологической и других сферах, в ходе которого проявляются их национальные, государственные, коалиционные и иные интересы. Военно-политические отношения в каждой сфере взаимодействия представляют собой определенную совокупность акций, мероприятий, проводимых субъектами военной политики в целях реализации своих интересов, достижения определенного их баланса, соотношения. Процесс взаимодействия субъектов военной политики имеет определенные фазы (этапы) развития, различающиеся степенью напряженности военно-политических отношений.

Государственное прогнозирование — регламентируемая законодательством Российской Федерации деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления с участием общественных, научных и иных организаций по разработке научно обоснованных представлений о возможных рисках социально-экономического развития и угрозах национальной безопасности Российской Федерации, направлениях и результатах социально-экономического развития Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

Государственное стратегическое планирование — деятельность органов государственной власти с участием общественных, научных и иных организаций направленная на решение стратегических задач.

Государственное стратегическое планирование (стратегическое планирование в Российской Федерации) — регламентируемая законодательством Российской Федерации деятельность федеральных органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, общественных, научных и иных организаций по государственному

прогнозированию, программно-целевому планированию и стратегическому контролю, направленная на решение задач устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации и укрепления национальной безопасности.

Долгосрочные сценарии развития стратегической обстановки, войн и военных конфликтов — описание состояния и последовательности развития условий, событий в военно-стратегической области в долгосрочной перспективе.

Задача социально-экономического развития — ограниченный по времени комплекс взаимосвязанных мероприятий в рамках направления достижения цели социально-экономического развития.

Зона ответственности ОДКБ — территории государств — членов Организации, ограниченные участками государственной границы с другими государствами, не являющимися членами ОДКБ (внешними границами), включая внутренние воды, территориальное море и воздушное пространство над ними, в пределах которых обеспечиваются интересы национальной и коллективной безопасности государств — членов ОДКБ.

Коалиционный потенциал — способность государств/цивилизаций создавать взаимные коалиции, включая военные, политические, экономические и др.

Кризисная ситуация — нарастающее обострение обстановки в одном или нескольких государствах, которое непосредственно угрожает его безопасности, стабильности, территориальной целостности, суверенитету и способно при отсутствии необходимой помощи государств — членов ОДКБ привести к его (их) неспособности выполнять свои функции и/или дестабилизации региона коллективной безопасности.

Критическое (пороговое) значение показателя обеспечения национальной безопасности — количественная характеристика угрозы национальной безопасности.

Международная обстановка (МО) — состояние мировой системы международных отношений в определенный период времени, характеризующее состав субъектов (государственных, международных и негосударственных) мировой политики, ведущими мировыми тенденциями и отношениями между ними. МО оценивается совокупностью результатов действий одних субъектов в отношении других.

Метод оценки критериев и показателей — психофизический метод оценки степени уверенности (5–7) экспертов в правильности того или иного критерия или показателя.

Методическое обеспечение государственного стратегического планирования — требования и рекомендации по разработке документов государственного стратегического планирования.

Методы сценарного прогнозирования — существует два основных — и при этом очень существенно различающихся между собой — метода сценарного прогнозирования. Это:

1) **дедуктивный метод** (от общих альтернатив — к частным сценариям; Основан на анализе факторов, влияющих на поведение объекта прогнозирования);

2) **индуктивный метод** (от конкретных ситуаций и действий акторов к сценариям); Основан на пошаговом анализе поведения акторов в рамках определенной ситуации.

Методологическая база военного планирования в Российской Федерации — разработанная (уточненная) в ходе подготовки к очередному этапу военного планирования совокупность процедурных знаний, применяемых для обоснования (прогнозирования), на определенный временной период, процессов ведения и обеспечения обороны, военного строительства, информационного противоборства и управления обороной Российской Федерации, системы обеспеченных ресурсами мер по подготовке к вооруженной защите и вооруженной защите Российской Федерации.

Мировая военно-политическая система (ВПС) — совокупность субъектов военной политики, взаимосвязь между которыми осуществляется посредством военно-политических отношений. В структуре мировой ВПС могут выделяться региональные ВПС и внутригосударственные ВПС.

Мониторинг реализации документов государственного стратегического планирования — деятельность по комплексной оценке основных показателей, а также бюджетных обязательств.

Национальный человеческий потенциал — демографические, творческие, интеллектуальные и духовные ресурсы нации, являющиеся основной частью национального богатства и мощи государства. В политической и военной области НЧК определяет качество и эффективность управления, боеспособность личного состава ВС, эффективность руководства страны и ВС, а также качество ВВСТ.

Новая парадигма — универсальный образец, совокупность явных и неявных предпосылок, формирующих модель МО, признанных большинством представителей мирового сообщества на данном этапе развития МО.

Облик военной организации государства — совокупность количественных и качественных параметров (показателей), характеризующих возможности, состав, структуру, численность, техническую оснащенность, а также системы управления и всестороннего обеспечения военной организации.

Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на среднесрочный период — документ государственного планирования, определяющий задачи социально-экономического развития Российской Федерации и укрепления национальной безопасности на среднесрочную перспективу.

Отраслевой документ государственного стратегического планирования — документ, в котором определены цели, приоритеты и задачи развития и обеспечения национальной безопасности, в соответствующей отрасли или сфере социально-экономического развития Российской Федерации.

План обороны Российской Федерации — комплекс взаимосвязанных документов военного планирования в Российской Федерации, разрабатываемый в целях обоснования и нормативного, а также правового закрепления системы согласованных по срокам и обеспеченных ресурсами военных, правовых, политических, экономических и иных мер, реализация которых позволит обеспечить оборону и безопасность государства.

Планирование ведения обороны Российской Федерации — процесс определения военной организацией государства системы мер по защите жизненно важных интересов государства от внешних и внутренних угроз.

Планирование военного строительства в Российской Федерации — процесс определения системы мер по строительству и развитию военной организации государства, направленных на перевод органов государственного и военного управления, Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований, органов, привлекаемых к выполнению задач в области обороны частей производственного и научного комплексов страны, в определенные качественные состояния,

позволяющие в условиях планового периода обеспечить оборону и безопасность государства.

Планирование информационного противоборства Российской Федерации — процесс определения и реализации комплекса мер, осуществляемых политической и военной организацией государства в интересах обеспечения национальных интересов Российской Федерации в информационной сфере и достижения политических, экономических, военных и иных целей.

Планирование обеспечения обороны Российской Федерации — процесс выработки решений и разработки на их основе системы мер, определяющих цель, задачи, мероприятия обеспечения деятельности военной организации государства при выполнении ею задач по подготовке к вооруженной защите Российской Федерации.

Планирование управления обороной Российской Федерации — процесс определения основ управления деятельностью военной организации государства при выполнении ею задач обороны в мирное время, в период непосредственной угрозы агрессии и в военное время.

Показатели внутригосударственной военно-политической обстановки — данные, позволяющие оценивать состояние и процессы, происходящие в военно-политической, военно-социальной, военно-экономической, научно-технической, технологической и иных областях жизни страны.

Показатели межгосударственной обстановки — данные, по которым можно судить о состоянии и перспективах развития международной ситуации и положения России в мире.

Потенциал государства — совокупность материальных и духовных сил государства и общества.

Правящая элита — достаточно узкий социальный слой общества, реально влияющий на политику страны.

Принципы стратегического прогнозирования — основные правила, объединяющие в действительности известную совокупность идей, связанных со стратегическим прогнозированием.

Провоцирование международного конфликта — использование частной ситуации или искусственное создание такой ситуации в качестве повода для эскалации конфликта.

Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на долгосрочный период — документ, содержащий

систему научно обоснованных представлений о направлениях и ожидаемых результатах научно-технологического развития РФ и субъектов РФ в долгосрочной перспективе.

Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации — документ, содержащий систему научно обоснованных представлений о направлениях и ожидаемых результатах социально-экономического развития Российской Федерации, в том числе субъектов Российской Федерации, на долгосрочный или среднесрочный период.

Прогнозирование социально-экономического развития — деятельность по разработке научно обоснованных представлений о направлениях и результатах социально-экономического развития Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, определению параметров социально-экономического развития Российской Федерации, достижение которых обеспечивает реализацию целей социально-экономического развития Российской Федерации и приоритетов социально-экономической политики с учетом задач национальной безопасности.

Программа социально-экономического развития субъекта Российской Федерации на среднесрочный период — документ государственного стратегического планирования, определяющий цели деятельности органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации на среднесрочную перспективу и комплекс мероприятий по их достижению.

Программно-целевое планирование — деятельность, направленная на определение целей социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, приоритетов социально-экономической политики и национальной безопасности, а также формирование комплексов, направленных на достижение этих целей и приоритетов мероприятий с указанием источников их финансового обеспечения.

Результат социально-экономического развития — фактическое (достигнутое) состояние экономики, социальной сферы, обороны и безопасности, которое характеризуется количественными и (или) качественными показателями.

Система государственного стратегического планирования — совокупность участников государственного стратегического планирования, взаимоувязанных документов государственного

стратегического планирования, характеризующих приоритеты социально-экономического развития Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности, и нормативно-правового, информационного, научно-методического, финансового и иного ресурсного обеспечения государственного стратегического планирования.

Система документов государственного стратегического планирования — совокупность взаимосвязанных по стратегическим целям, задачам, срокам и источникам ресурсного обеспечения документов государственного стратегического планирования.

Система коллективной безопасности ОДКБ — совокупность органов ОДКБ и национальных органов государственного управления, сил и средств государств — членов ОДКБ, обеспечивающих в соответствии с международным правом и национальным законодательством защиту коллективных интересов, суверенитета и территориальной целостности государств — членов ОДКБ на коллективной основе;

Силы коллективной безопасности ОДКБ — объединения, соединения, воинские части и подразделения национальных вооруженных сил и других войск государств — членов ОДКБ, подразделения специального назначения (группы специалистов) органов внутренних дел (полиции), внутренних войск (национальной гвардии, войск полиции), органов безопасности и специальных служб, формирования органов, уполномоченных в области предупреждения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций государств — членов ОДКБ, подчиненные национальным органам управления и используемые по решению органов ОДКБ, а также коалиционные группировки войск (сил), региональные (объединенные) группировки войск (сил), группировки объединенных (совместных) военных систем и Миротворческие силы ОДКБ;

Совокупный военный потенциал страны — военная мощь государства.

Современная локальная человеческая цивилизация — конкретная часть общества, проживающего на определенной территории в современный период, объединенная общей культурой, системой ценностей, историей, интересами и видением общего будущего.

Средства коллективной безопасности ОДКБ — вооружение, военная и специальная техника, специальные средства, технологии, технические, программные, лингвистические, правовые, организационные средства; включая информационно-телекоммуникационные каналы, используемые для обеспечения коллективной безопасности.

Стратегическая обстановка (СО) — вид военно-политической обстановки в определенный (конкретной) период времени в ходе конкретного конфликта или войны с участием конкретных субъектов ВПО (фаза развития военно-политических отношений — военный конфликт). СО характеризуется особенностями, масштабами и ходом военных действий, возможностями и условиями их прекращения или расширения, факторами, влияющими на их ход и результаты.

Стратегические национальные приоритеты — важнейшие направления обеспечения национальной безопасности, по которым реализуются меры по защите национальных интересов Российской Федерации, а также осуществляется устойчивое социально-экономическое развитие нации.

Стратегический прогноз рисков социально-экономического развития Российской Федерации и угроз обеспечения национальной безопасности — документ, содержащий систему научно обоснованных представлений о возможных стратегических рисках социально-экономического развития и угрозах национальной безопасности Российской Федерации.

Стратегическое сдерживание — разработка и системная реализация комплекса взаимосвязанных политических, дипломатических, военных, экономических, информационных и иных мер, направленных на упреждение или снижение угрозы деструктивных действий со стороны государства — агрессора (коалиции государств) в интересах обеспечения военной безопасности страны.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации — документ государственного стратегического планирования, определяющий стратегические национальные приоритеты, цели и меры внутренней и внешней политики, характеризующий состояние национальной безопасности и уровень развития государства на долгосрочную перспективу.

Стратегия социально-экономического развития субъекта Российской Федерации на долгосрочный период — документ государственного стратегического планирования, определяющий цели, приоритеты социально-экономической политики и задачи социально-экономического развития субъекта Российской Федерации в долгосрочной перспективе.

Структура сценариев развития ВПО — последовательная совокупность действий элементов и субъектов ВПО и эволюция их устойчивых взаимосвязей как единой системы, обеспечивающих ее целостность и сохранение основных свойств, при самых различных вариантах изменения внутреннего и внешнего характера.

Структура сценария — последовательная и взаимосвязанная совокупность действий (актов, сцен, сюжетов).

Субъекты военной политики — государства, коалиции государств (военно-политические союзы), вооруженные силы государств, вооруженные формирования, не имеющие международного правового статуса, способные выработать свою политику и генерировать различные мероприятия и действия, с помощью которых должны решаться политические задачи и достигаться поставленные политические цели.

Сценарий развития стратегической обстановки, войн и военных конфликтов — описание состояния и развития стратегической обстановки.

Сценарий развития международной обстановки — детальный план (проект), существующий в виде документа или набора идей относительно долгосрочных политических и иных целей.

Сценарий развития военно-политической обстановки — описание состояния ВПО как составной части сценария развития МО и следствие одного из сценариев развития ЧЦ, которая характеризует состояние всей системы человеческой цивилизации в определенный период времени как совокупность взаимоотношений субъектов и последствий влияния внешних и внутренних факторов развития.

Сценарий текущей и прогнозируемой ВПО — существующий и будущий детальный план с участием основных действующих субъектов развития ВПО.

Угроза коллективной безопасности ОДКБ — совокупность факторов, препятствующих достижению стратегической цели ОДКБ;

Управленческий потенциал — институциональная сила государства (цивилизации) выраженная в эффективности управления — политического, экономического, военного.

Характер войн и вооруженных конфликтов — структура относительно устойчивых связей, определяющих цели войн, средства достижения этих целей, масштабы военных действий.

Характер международных войн — совокупность наиболее важных черт и признаков современной войны как конкретного исторического явления, определяемого конкретными историческими условиями.

Цель социально-экономического развития — достижение состояния экономики, социальной сферы, обороны и безопасности, которое определяется участниками государственного стратегического планирования в качестве ориентира своей деятельности и характеризуется количественными и (или) качественными показателями.

Человеческая цивилизация (ЧЦ) — локализованное по времени и пространству современное человеческое сообщество, объединяющее нации, государства и отдельные социумы. В данной работе рассматриваются две основные формы ЧЦ:

- **глобальная ЧЦ**, как совокупная современная общность людей проживающих на планете;
- **локальная ЧЦ** — часть современной глобальной цивилизации, объединяющая цивилизационно близкие общества, государства и сообщества отдельных групп и людей.

Аббревиатуры

АСЕАН	— Ассоциация государств Юго-Восточной Азии
АСП	— анализ стратегических прогнозов
АТР	— Азиатско-Тихоокеанский регион
БЛА	— беспилотный летательный аппарат
БРВЗ	— баллистическая ракета «воздух—земля»
БРИКС	— группа из пяти стран: Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика
ВиВТ	— вооружения и военная техника
ВВСТ	— вооружения, военная и специальная техника
ВКВ	— Воздушно-космические войска
ВКН	— воздушно-космическое нападение
ВКО	— воздушно-космическая оборона
ВМФ РФ	— Военно-морской флот Российской Федерации
ВПО	— военно-политическая обстановка
ВПС	— мировая военно-политическая система
ВС	— Вооруженные силы
ВТО	— высокоточное оружие
ГЗЛА	— гиперзвуковой летательный аппарат
ГКО	— Государственный комитет обороны СССР
ГНСР МО	— группа негативных сценариев развития международной обстановки
ГНСР МО	— группа нейтральных сценариев развития международной обстановки
ГОЗ	— государственный оборонный заказ
ГПВ-2005	— государственная программа вооружения до 2005 года

ГПСР МО	— группа позитивных сценариев развития международной обстановки
ГПУ	— грунтовые пусковые установки
ДРЛОУ	— дальнейшее радиолокационное обнаружение и управление
ЕврАзЭС	— Евразийское экономическое сообщество
ЕС	— Европейский союз
ЕТП	— единое транспортное пространство
ИКАО	— Международная организация гражданской авиации
ИКТ	— информационно-коммуникационные технологии
КР	— крылатая ракета
КРМБ	— крылатая ракета морского базирования
КСП ПРО	— комплекс средств преодоления ПРО
ЛАГ	— Лига арабских государств
ЛЧЦ	— локальная человеческая цивилизация
МБР	— межконтинентальные баллистические ракеты
МО	— Международная обстановка
НАТО	— Организация Североатлантического договора
НГШ	— Начальник Генерального штаба
НКО	— некоммерческие организации
НТП	— научно-технический прогресс
НЧК	— национальный человеческий капитал
ОАЭ	— Объединенные Арабские Эмираты
ОБСЕ	— Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
ОВД	— Организация Варшавского договора
ОДКБ	— Организация договора о коллективной безопасности
ОДЭР	— Организация за демократию и экономическое развитие
ОМУ	— оружие массового уничтожения
ООН	— Организация Объединенных Наций
ОПК	— оборонно-промышленный комплекс
ОПОП	— «Один пояс, один путь»
ОЭСР	— Организация экономического сотрудничества и развития
ПО	— программное обеспечение

ПДОГ	— План действий по обеспечению готовности
ПРО	— противоракетная оборона
РЛС	— радиолокационная станция
РСМД	— ракеты средней и малой дальности
СААРК	— Ассоциация регионального сотрудничества стран Южной Азии
СВА	— Северо-Восточная Азия
СЕ	— Совет Европы
СЕАП	— Совет евроатлантического партнерства
СЕНКООП	— Сотрудничество центрально-европейских государств
СИПРИ	— Стокгольмский институт исследования проблем мира
СКР	— стратегические крылатые ракеты
СМИ	— средства массовой информации
СМП	— Северный морской путь
СНБ	— Совет национальной безопасности США
СНВ	— стратегическое неядерное вооружение
СНГ	— Содружество Независимых Государств
СО	— стратегическая обстановка
СПРН	— система предупреждения о ракетном нападении
СРН	— Силы реагирования НАТО
СССР	— Союз Советских Социалистических Республик
СЭВ	— Совет экономической взаимопомощи
СЯС	— стратегические ядерные силы
ТАП	— Трансатлантическое партнерство
ТБ	— тяжелый бомбардировщик
ТВД	— театр военных действий
ТЛУ	— транспортно-логистические услуги
ТТП	— Транстихоокеанское партнерство
ЦИНК	— Центр изучения национальных конфликтов
ЧВК	— частная военная компания
ЧЦ	— человеческая цивилизация
ШОС	— Шанхайская организация сотрудничества
ЭВМ	— электронно-вычислительная машина
ЮНЕСКО	— Организация Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры
ЯО	— ядерное оружие

Предисловие

Настоящая работа подготовлена в соответствии с задачами, сформулированными в процессе работы над НИР «Долгосрочный прогноз развития локальных человеческих цивилизаций в Евразии». При этом в развитии этих локальных человеческих цивилизаций (ЛЧЦ) в Евразии отчетливо наблюдаются в последнее время две господствующие тенденции, которые тесно связаны с глобальными и региональными процессами.

Первая тенденция — противоборство локальных человеческих цивилизаций, прежде всего западной ЛЧЦ, в регионах Евразии, с российской, китайской и исламской ЛЧЦ. Это противоборство представляется основным противоречием современности на глобальном уровне. Это противоречие распространяется, прежде всего, в Евразии, но и за Евразию.

Вторая тенденция — усиление интеграционных тенденций в Евразии, имеющих преимущественно региональный, «евразийский» характер, в которых наблюдается одновременно несколько процессов:

- евразийская интеграция вокруг «российского ядра», которая сегодня ассоциируется с ЕАЭС и ОДКБ;
- евразийская интеграция в рамках ШОС;
- евразийская интеграция в Юго-Восточной Азии и АСЕАН;
- европейская интеграция в рамках ЕС, переживающая кризисы и подъемы в настоящее время, но имеющая самые реальные и крупные положительные и негативные результаты;
- интеграция в рамках исламской ЛЧЦ;
- интеграция в рамках китайского проекта «Шелкового пути».

Понятия «евразийская интеграция», «интеграция в Евразии» и «евразийство» надо признать не тождественными, хотя они нередко используются синонимично.

В нашей работе под «евразийской интеграцией» мы понимаем, прежде всего, достаточно абстрактный и не оформленный в полной мере процесс политико-экономической интеграции, который развивается преимущественно на постсоветском пространстве в рамках ЕАЭС и ОДКБ;

Под понятием «интеграция в Евразии» — более широкий пространственно, политически и экономически противоречивый процесс развития торгово-экономического сотрудничества в рамках ШОС и других региональных объединений, а под «евразийством» — набор идей и даже идеологий, имеющих самую широкую направленность и мировоззренческие особенности, как в прошлом, так и в современности.

Принципиально важным направлением в работе является стратегическое прогнозирование развития не только международной и военно-политической обстановки (МО и ВПО), но и её отдельных факторов, тенденций и наиболее важных субъектов, попытки вычлениить и обосновать наиболее вероятные сценарии развития локальных человеческих цивилизаций, их коалиций и государств. Поэтому авторы рассматривают будущую МО как сложную систему — производную от нескольких крупных групп факторов, среди которых требуется анализ и прогноз как современного состояния МО и её проекции на будущее, так и наиболее влиятельных факторов и тенденций по отдельности.

Авторы полагают, что прогноз развития МО и ВПО наиболее эффективен, если использовать методы системного анализа и сценарного прогнозирования ограниченного числа наиболее вероятных сценариев и их вариантов как собственно МО и ВПО, так и наиболее важных субъектов и акторов, особенно ЛЧЦ и их военно-политических коалиций, которые и составляют основу для формирования центров силы в мире и в Евразии. Будущие сценарии развития МО и ВПО также во многом обусловлены развитием соотношения сил в мире. Так, в последние десятилетия решающее значение для соотношения сил между субъектами МО приобрела величина и качество национального человеческого капитала

(НЧК)¹, который прежде практически не учитывался при оценке соотношения сил в мире.

Эта группа факторов — НЧК и его институты — становится сегодня решающим критерием при оценке мощи той или иной ЛЧЦ. Одним из важнейших показателей НЧК является качество одного из ключевых институтов — университетского образования, измеряемое международными рейтинговыми агентствами².

Другими словами, авторы используют, прежде всего, дедуктивный метод сценарного прогнозирования развития МО в Евразии, отбирая последовательно:

- возможные сценарии развития МО и выбор их наиболее вероятных вариантов;
- возможные и наиболее вероятные варианты развития МО и ВПО в Евразии как следствия развития МО и ВПО в мире.

Вместе с тем авторы полагают, что обязательно необходимо учитывать и страновую, и региональную специфику государств и акторов Евразии, которые неизбежно будут отражаться и на формировании конкретных сценариев развития МО и ВПО в Евразии, т.е. необходим и прием индуктивного метода сценарного прогноза, отражающий конкретную специфику ЛЧЦ, государств и обществ. Трудно, если вообще возможно, прогнозировать развитие Китая и стран Ю.-В. Азии без учета конфуцианских основ их мировоззрения, а Индии — без учета влияния религиозных, исторических и культурно-этических особенностей ЛЧЦ.

---

¹ См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Национальный человеческий капитал. М.: МГИМО–Университет. ТТ. 1–3, 2011–2013 гг.

² В частности, британское рейтинговое агентство Times Higher Education опубликовало рейтинг лучших вузов Европы. В топ-200 вошли только три российских университета — столичные МГУ и МФТИ, а также петербургский ИТМО. При этом Московский государственный университет занимает в рейтинге только 93-е место (!), Московский физико-технический институт делит с другими европейскими вузами места со 151-го по 160-е, а Институт точной механики и оптики — места со 191-го по 200-е. Всего же в списке представлены только 24 российских вуза, что в реальности во многом отражает качество НЧК и его институтов в России в 2017 году. Для сравнения: лидером по присутствию в рейтинге является Великобритания (91 вуз), на втором месте Германия (41 университет, многие из которых входят в топ-100).

В частности, большое значение имеет, например, развитие отдельных региональных организаций Евразии, например, ШОС и ОДКБ, в которых задачи обеспечения внешней и внутренней безопасности тесно переплетаются. Иногда настолько тесно, что их трудно разделить.

Для эффективного прогнозирования развития отношений между ЛЧЦ в Евразии на государственном уровне требуется пересмотр важнейших положений Стратегии национальной безопасности России, принятой в декабре 2015 года. Этой проблеме были посвящены специальные работы Центра военно-политических исследований. Например, А. И. Подберезкин «Стратегия национальной безопасности России в XXI веке»³.

В след за профессором МГИМО К. П. Борিশполец необходимо признать, что «события 2014–2016 годов определили точку бифуркации системы международных отношений, сложившейся после окончания «холодной войны». Процесс реформирования мировой политики не является завершенным. Поэтому и в среднесрочной перспективе, и за ее пределами Россия будет вынуждена уделять повышенное внимание вопросам национальной безопасности в том, что касается не только отражения прямых военных угроз, но и политико-дипломатических мероприятий стратегического сдерживания и предотвращения военных конфликтов по широкому спектру пространственных координат.

Значимость функционала стратегического сдерживания и предотвращения военных конфликтов как вида деятельности по укреплению оборонного потенциала России существенно возрастает. Находясь в фокусе агрессивного давления западных держав, российская сторона регулярно сталкивается с недостатком ресурсов и надежных союзников, необходимых для: а) последовательного противодействия схемам монополизации управления мировой политикой, которые стремятся легализовать США и их партнеры с опорой на многосторонние институты, особенно — на НАТО и ЕС, б) защиты национальных интересов на региональном уровне, в) пресечения попыток враждебного использования фактора «мягкой силы» различными внешними акторами.

---

³ Подберезкин А.И. Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИ-МО-Университет, 2016 г.

Однако к настоящему времени в официальных документах РФ, проблематика стратегического сдерживания и предотвращения военных конфликтов как единый сбалансированный концепт не представлена. Наблюдается фактическая разобщенность ведомственных позиций: во-первых, в том, что касается номенклатуры проблем международной безопасности, которые могут решаться без применения силы или с минимально возможным применением военной силы с российской стороны (наиболее конкретный, но и наиболее «краткий» список представлен в документах МО РФ), во-вторых, в том, что касается описания формальных действий, которые рассматриваются как адекватные целям сдерживания/предотвращения (в документах МИД РФ традиционно присутствуют достаточно обтекаемые характеристики, позволяющие, как предпринимать, так и избегать инициативных шагов), в-третьих, определения, используемые в документах СБ РФ, фиксирующие политический баланс между «силовым» и «дипломатическим» видением проблематики сдерживания/предотвращения обеспечивают содержательную интеграцию путем разделения силовых коннотаций для возможных российских действий и общих, с разной степенью остроты, оценок международной среды, в том числе ситуаций, предполагающих целесообразность превентивного противодействия вызовам, имеющим силовую составляющую.

Неоднократно возникавшая в последние годы настоятельная необходимость соединения силовых и дипломатических усилий в контексте политики сдерживания/предотвращения (украинский кризис, сирийский кризис — только очень небольшая часть примеров) в своем практическом воплощении состояла из операций *ad hoc*, что положительно с точки зрения их внезапности, возможности максимально учитывать специфику задач и т.д., но уязвимо с точки зрения организации системного укрепления российского потенциала в интересах стратегического сдерживания и предотвращения военных конфликтов на регулярной основе.

С учетом тенденций развития обстановки на международной арене и интересов безопасности России на период 2017–2025 гг., целесообразно принять комплексный подход к проблематике стратегического сдерживания/предотвращения, подтвердив тем самым активную роль отечественных вооруженных сил в борьбе с внешними угрозами.

В этой связи силовое сдерживание/предотвращение логически разделяется на три основные группы системных индикаторов: — 1) обусловленных состоянием/соотношением стратегических ядерных потенциалов России и США/НАТО (наличие паритета, наличие условного паритета, наличие значительного превосходства одной из сторон, наличие незначительного превосходства одной из сторон, наличие превосходства одной из сторон на определенном направлении); — 2) обусловленных практикой «гибридной войны», а по существу сочетания партизанских и централизованных на государственном уровне действий с использованием «жесткой» и «мягкой» силы, в том числе в информационном и киберпространстве, которые характеризуют соотношение сил участников (наличие паритета сторон, наличие условного паритета, наличие значительного превосходства одной из сторон, наличие незначительного превосходства одной из сторон, наличие превосходства одной из сторон на определенном направлении); — 3) обусловленных уровнем угроз, исходящих от внесистемных субъектов международных отношений и парагосударственных образований, в том числе в контексте попыток манипуляций со стороны отдельных государств или альянсов (высокий, существенный, значительный, заметный, минимальный)⁴.

---

⁴ *Боришполец К. П.* Аналитическая записка. 2017, январь.

ГЛАВА 1
Особенности анализа
и долгосрочного прогноза
развития современной
международной обстановки
в Евразии

Развитие международной обстановки в Евразии в настоящее время и ее стратегический прогноз на будущее должно основываться как на анализе и прогнозе более общих закономерностей и тенденций в мире, так и тех событий и тенденций, которые происходят собственно в Евразии. При этом для анализа и долгосрочного прогноза развития международной обстановки и военно-политической обстановки в мире и их сценариев, ключевое значение имеет, прежде всего, периодически происходящая смена основных парадигм, т.е. те качественные изменения в состоянии и развитии наиболее важных областей, тенденций и субъектов, которые резко меняют общую обстановку в мире и в регионе¹.

Такие качественные изменения наблюдаются периодически через определенные, иногда длительные, промежутки времени, а их последствия кардинально отражаются как на всей международной обстановке, так и на ситуации в регионе и отдельных странах. В качестве наиболее ярких примеров можно привести такие события в прошлой мировой истории как крупные географические открытия, изобретение пороха, бумаги, промышленная революция и революции вообще, а в современной истории — мировые войны, кризисы, создание коалиций.

Как правило, современные парадигмы являются следствием развития глобальных тенденций к которым в настоящее время можно отнести, во-первых, глобальные процессы в экономике, торговле, науке, образовании и других областях, во-вторых, изменения в соотношении сил между отдельными центрами силы и локальными человеческими цивилизациями, а также изменение значения отдельных ЛЧЦ, центров силы и государств (и их коалиций). Именно такие изменения происходят в настоящее

---

¹ См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

время в мире и прогнозируются в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

В полной мере это относится к современной ситуации в Евразии и прогнозу ее развития на будущее, которая является, с одной стороны, важнейшей, но производной от мировой, частью стратегического прогноза, а с другой стороны, собственная специфика — региональная и страновая — делает любой анализ в регионе и отдельно взятой стране сугубо конкретным. Как справедливо отмечал А. Бовин, «реальное политическое пространство многомерно. Анализ любого события. Любого процесса требует изучения самых разных интересов — общечеловеческих, классовых, национальных, государственных (геополитических), религиозных. Причем в зависимости от региона, традиций, проблем, удельный вес, значение каждого вида интереса будет меняться.

Конкретный анализ конкретной ситуации — одна из немногих „вечных истин“ и науки, и политики»².

Тенденции, вытекающие из экстраполяции развития тех или иных сценариев МО и ВПО на Евразию, являются частью общего анализа и прогноза, но в переходные периоды развития человечества (а именно на этом этапе мы сегодня находимся) эта общая экстраполяция развития событий в мире может вводить в заблуждение. Никто в СССР и в мире не предполагал в 80-е годы прошлого века, например, что ОВД и СССР через несколько лет перестанут существовать. Еще осенью 2013 года также в России не предполагали, что через несколько месяцев на Украине произойдет переворот, а состояние МО и ВПО в целом резко изменятся к худшему³.

Вместе с тем потребность в точном и конкретном анализе, в современный период, резко возрастает. Не только будущая Стратегия национальной безопасности России, Концепция внешней политики и Военная доктрина после 2025–2030 годов, но и Стратегии социально-экономического развития, Бюджетные стратегии, отраслевые и региональные стратегии должны основываться на

---

² Бовин А. Е. XX век как жизнь. Воспоминания. — М.: Захаров, 2003. — 488 с.

³ См., например: Подберезкин А. И., Боришполец К. П., Подберезкина О. А. Россия и Евразия. — М.: МГИМО–Университет, 2014 г.

точном предположении и прогнозе качественно новых реалиях будущих сценариев и их вариантов развития, основанных как на принципиально новых парадигмах⁴, так и на конкретном политико-историческом анализе. Такой же прогноз обязателен для стратегического планирования в стране, которое становится уже и формально обязательным после принятия соответствующего ФЗ в 2014 году.

Очевидно, что мир через 10 лет, в 2027 году не будет таким же как сегодня, но — что менее очевидно — насколько принципиально он будет отличаться от нынешнего?

Как ни странно, но эти изменения в обществе и экономике измеряются не годами, а событиями, в особенности, если такие события ведут к качественным изменениям и смене парадигм. Так, изменения, произошедшие в СССР с 1970 по 1980 год, получившие название «эпохи застоя» (хотя именно в эти годы произошло немало позитивных событий в истории и экономике страны), невозможно сравнить с изменениями 1985–1991 годов, когда произошла смена практически всех советских парадигм: политических, экономических, социальных и, конечно же, парадигм безопасности.

Еще более близкий, наглядный и конкретный пример существует в военной политике России, где за 15 лет (с 1990 по 2005 год), в войска перестала практически вообще поступать новая техника, а вооруженные силы стремительно деградировали, и альтернативный пример — период с 2008 года по наше время, — когда завершается программа ГПВ-2020, а Вооруженные Силы РФ качественно изменились, что продемонстрировали два конфликта — в Северной Осетии 2008 года и в Сирии 2015–2017 годов⁵.

Еще более масштабные качественные изменения в МО и ВПО Евразии произошли 8–9 июня 2017 года на саммите стран Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в Астане, где ее новыми членами стали Индия и Пакистан. Теперь в составе одной организации четыре ядерные державы, три крупные мировые экономики

⁴ Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями: аналит. доклад / [А. И. Подберезкин (рук. авт. кол.) и др.]. — М.: МГИМО–Университет, 2016. Июль. — 86 с.

⁵ См. подробнее: *Подберезкин А. И.* Современная военная политика России: учебно-методический курс. — М.: МГИМО–Университет, 2017.

и два самых населенных государства мира, что в корне изменило геополитическую обстановку в Евразии, а сама ШОС превратилась в первый действительно евразийский институт. Причем мерилom успешности ШОС станут не реализованные многосторонние проекты, а **создание рамочного пространства — географического, политического, в области безопасности, — в котором будут обеспечены суверенные интересы участников** и к которому будет максимально затруднен доступ «посторонним». США, Европейскому Союзу, Японии и любому другому государству, чьи действия будут восприниматься большинством в ШОС как противоречащие их интересам⁶.

1.1. Характерные особенности развития международной обстановки в XXI веке

Россия избрана первоочередной мишенью, поскольку представляет собой, с одной стороны, потенциальное организационное ядро сопротивления Западу, а с другой — ресурсную базу любой антизападной коалиции

*А. Гилёв,
эксперт*

Главной характерной особенностью развития международной обстановки в мире в XXI веке стало появление и быстрое развитие новых факторов и тенденций, влияющих на МО. Прежде всего, речь идет о таких новых факторах, как:

- локальные человеческие цивилизации и создаваемые на их основе широкие военно-политические коалиции;
- негосударственные мощные акторы, влияние которых прежде не было решающим;
- глобальные тенденции развития и связанные во многом с ними новые парадигмы научного и технологического развития.

---

⁶ Константинов В. Евразийская интеграция меняет формат: что изменится с расширением ШОС / Европейская правда. 2017. 13 июня / <http://www.euointegration.com.ua/rus/experts/2017/06/13/7067034/>

Эти и другие изменения сделали структуру и эволюцию всей системы МО в XXI веке существенно иной, чем в XX веке, что в полной мере проявилось во всех областях международных отношений, но, прежде всего, в области безопасности⁷.

Применительно к Евразии можно сказать, что эти изменения в наибольшей степени отразились именно на этом континенте. Прежде всего, потому, что именно на нем сконцентрировались основные противоречия главной ЛЧЦ.

Неожиданно появился новый центр силы, который может получить в будущем законченное военно-политическое оформление если и не в качестве коалиции, то в качестве широкого политического союза, члены которого декларируют отказ от взаимных претензий, а его характер носит отчетливые экзогенные особенности внешней политики.

В этой связи особенно важным становится прогноз развития МО (и вытекающий из него ВПО) в мире и, в частности, в Евразии. В этих целях авторы используют упрощенную модель текущего состояния и будущего МО и ВПО в мире и в Евразии, которая в адаптированном, абстрактно-логическом виде может быть представлена следующим образом (рис. 1.1).

Из этого рисунка следуют основные выводы:

1. Состояние МО в настоящее время определяется в основном четырьмя группами взаимосвязанных факторов, а не факторами только одной группы (государствами или глобальными тенденциями, или только акторами), их взаимодействием и взаимовлиянием. Соответственно для характеристики современной МО необходимо, как минимум, изучить основные факторы и тенденции⁸.
2. Будущее состояние МО (в частности, после 2025 г.) будет производным от современного и предполагает:
  - во-первых, экстраполяцию современных тенденций развития МО;
  - во-вторых, смену старых и появление новых парадигм в развитии МО.

⁷ Подберезкин А.И. Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 239–244.

⁸ См. подробнее: Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрова. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — 743 с.

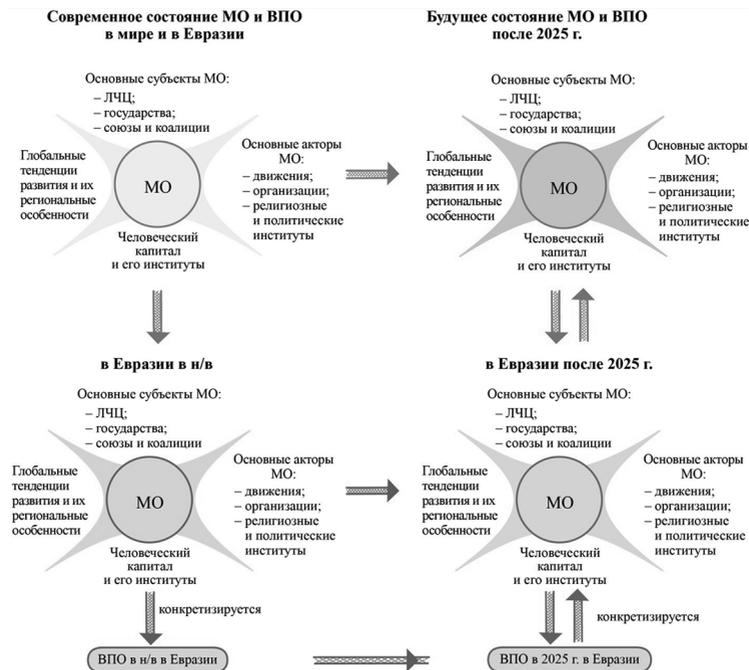

Рис. 1.1.

3. Состояние МО в Евразии предопределяется основными особенностями состояния МО в мире, но с учетом интересов и факторов, влияющих на специфику развития на континенте.
4. Будущее состояние МО в Евразии будет находиться под влиянием:
  - во-первых, общих закономерностей развития МО до 2025 года;
  - во-вторых, особенностей в развитии МО в Евразии;
  - в-третьих, особенностей в развитии ВПО в мире и в Евразии.

Таким образом, для того, чтобы спрогнозировать состояние МО в 2025 году требуется провести комплексное и системное исследование, в результате которого необходимо получить данные о состоянии нескольких сотен и даже тысяч тенденций и факторов формирующих МО и ВПО.

Внимание должно быть уделено именно качественным изменениям в развитии ключевых факторов, субъектов и тенденций, формирующих МО и ВПО, а именно и, прежде всего, тех тенденций, которые связаны с новым этапом в развитии человеческой цивилизации. Как справедливо заметили Б. Кузык и Ю. Яковец «В конце XX — начале XXI века динамика цивилизаций — глобальной, мировой и локальных — находится на крутом изломе. В муках рождается новое, пятое по счету, поколение локальных цивилизаций. Индустриальное общество болезненно трансформируется в постиндустриальное. Разворачивается длительный переход от второго к третьему историческому суперциклу. Господствовавший в течение пяти столетий чувственный социокультурный строй сменяется интегральным. Сквозь густую, запутанную сеть хаотичных перемен необходимо разглядеть контуры формирующейся системы цивилизационных отношений наступившего столетия. Это трудно, но необходимо для выработки долгосрочной стратегии и правильного понимания своего места в стремительно меняющемся мире»⁹.

- В настоящее время мы можем говорить о следующих тенденциях:
- качественных переменах в развитии субъектов МО (государств, союзов и коалиций, наций и, главное, ЛЧЦ), которые могут происходить в относительно короткие временные промежутки. Так, например, выход Великобритании из ЕС, усиление позиций национальных элит в Австрии, Венгрии, Молдавии, Германии и других странах Европы, как и победа Д. Трампа на выборах президента США, свидетельствуют о корректировке глобального и регионального векторов в развитии западной ЛЧЦ в направлении большей ориентации на национальные интересы и ценности;
  - развитии акторов (религиозных организаций, партий, политических и общественных организаций, сетевых сообществ и пр.), формирующих МО. В этой области наблюдаются самые радикальные изменения в смене парадигм, которые видны на примере роста влияния экстремистских и террористических организаций (за которыми стоят спецслужбы государств) и стремительного усиления влияния социальных сетей и ин-

⁹ Кузык Б. Н., Яковец Ю. В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. Т. V. Цивилизации: прошлое и будущее. — М.: ИНЭС, 2008. — С. 371.

тернет-сообществ (которым даже предъявляют обвинения в организации революций и противодействии проведению выборов);

- скачкообразном развитии количества и качества национально-го человеческого капитала и его институтов, которое в решающей степени определяет в настоящее время темпы и качество развития общества и экономики, государственной и военной мощи. Очевидно, например, что такой рост в КНР и Индии, вызванный тем, что высшее образование там уже получили более 300 млн чел., вскоре неизбежно приведет к качественным изменениям как в экономике, так и социальной структуре этих стран и ЛЧЦ.

Это самые радикальные изменения, они приведут к перераспределению количества и качества человеческого капитала и, как следствие, радикальным изменениям в экономической и социальной областях, за которыми неизбежно последуют изменения в МО и ВПО.

В то же время можно ожидать, что при реализации позитивного сценария развития цивилизации в XXI веке в человеке произойдут качественные трансформации:

- расширится круг его потребностей, причем духовные потребности будут доминировать и развиваться опережающими темпами; сблизятся уровень и структура потребностей в разных странах и цивилизациях;
- способности человека удовлетворять свои потребности путем творческого труда существенно возрастут в результате преодоления неграмотности, функционирования системы непрерывного образования и дистанционного обучения;
- освобождение человека от тяжелого физического труда, придание ему творческого характера усилят стимулы к труду; одновременно изменится характер нормирования рабочего времени, у людей появится больше свободного времени для разнообразных и увлекательных занятий, общения, спорта;
- здоровье человека значительно укрепитя благодаря тому, что будут освоены достижения геной инженерии, найдены средства для лечения традиционных и новых опасных болезней, улучшены условия труда и отдыха миллиардов людей.

Однако нельзя исключить и негативный сценарий — деграда-

цию вида *Homo sapiens*, вырождение человечества в результате демографической катастрофы¹⁰.

Все эти изменения в качественном развитии МО неизбежно потребуют перемен в политике и стратегии России, которая сегодня сформулирована в таких базовых документах как Стратегия национальной безопасности, Концепция внешней политики, Военная доктрина и др. В них, в частности, определены основные приоритеты, которые подробно описаны, в том числе, и в «майском» (2012 г.) Указе Президента России, где они изложены и перечислены достаточно подробно¹¹.

Важно при этом подчеркнуть, что стратегический прогноз развития МО это не прогноз «суммы» стратегических прогнозов развития разных групп факторов и тенденций, а прогноз развития всех этих факторов и тенденций во взаимосвязи, противодействии и взаимовлиянии. Иногда противоречивом и, как правило, непоследовательном, прерывистом. Даже порой взаимоисключающем. Тем не менее, авторы считают, что всегда должна присутствовать рабочая концепция, некая гипотеза, которая является «общей рамкой» для обоснованных логических построений и встраивания в неё отдельных фактов. В противном случае огромное количество динамических факторов и тенденций создают впечатление полного хаоса, фактически лишая способности реального политического анализа и прогноза. Это ведет неизбежно к ситуации, которая часто наблюдается в экспертных и журналистских кругах, — каждый эксперт «выхватывает» те факторы и тенденции, которые ему кажутся решающими, не обращая внимания на другие. Либо — что ещё хуже, но, к сожалению, является современной российской нормой, — когда эксперты подстраиваются под политическую конъюнктуру. Именно это мы часто наблюдаем с большинством наших экспертов (можно было бы даже сказать «абсолютным большинством»), которые умело «вписывались» в политику Л. Брежнева, Ю. Андропова, М. Горбачева, Б. Ельцина и А. Козырева, Е. Примакова, а теперь активно пропагандируют политику В. Путина. При

¹⁰ Кузык Б. Н., Яковец Ю. В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. Т. V. Цивилизации: прошлое и будущее. — М.: ИНЭС, 2008. — С. 376.

¹¹ Путин В. В. Указ Президента Российской Федерации «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации». 7 мая 2012 г. — №605.

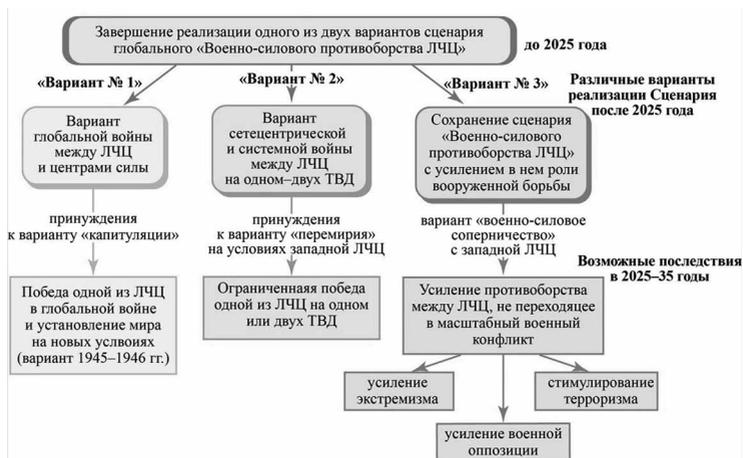
этом их личная карьера и материальное благополучие является лучшим доказательством такой антинаучной, конъюнктурной политики.

В свою очередь это ведет к тому, что из четырех основных групп факторов и тенденций, насчитывающих тысячи и даже десятки тысяч факторов, учитываются почему-то только несколько. Как правило, те, которые совпадают с политической конъюнктурой. И на них строятся все рассуждения и прогнозы. Примеров можно привести множество. Так, на протяжении почти 20 лет наши эксперты активно доказывали, что «распад СССР — естественный процесс распада империй», а «европейская интеграция — абсолютное благо», а мы должны на любых условиях интегрироваться в «мировую цивилизацию» (т.е. быть ассимилированными западной ЛЧЦ). Сегодня те же эксперты говорят о «смене элит» на Западе, «переоценке ценностей», «необходимости защиты национальных интересов и ценностей» и т.п., в очередной раз «подгоняя» свой анализ и прогноз под политическую моду. Очевидно, что на подобной «науке» практических концепций, которые реально необходимы России, не построишь, а для стратегического планирования их ценность отсутствует.

Вот почему принципиально важна такая практически обоснованная концепция, которая не ориентирована на политическую моду, и вокруг которой строятся размышления и выстраиваются остальные факторы. Важно, конечно, не попасть в заложники той или иной ложной концепции или гипотезы, когда её логика открыто противоречит логике происходящих событий и начинает диктовать заранее искомые результаты.

В самом общем виде такая концепция и логика развития наиболее вероятных сценариев и их вариантов развития МО до и после 2025 года представляется следующей: в ней обозначен один из двух наиболее вероятных сценариев развития МО в период до 2025 года и после, который может быть реализован в одном из трех динамично меняющихся (как, например, в 2014 году) вариантах: «оптимистическом» («Вариант №3»), «реалистическом» («Вариант №2») и «пессимистическом» («Вариант №1»).

Особо следует подчеркнуть, что этот базовый сценарий рассматривается в качестве такового при сохранении в среднесрочной перспективе существующих политических, экономических и иных парадигм, хотя уже сейчас видно и заметно зарождение новых

Рис. 1.2. Логика развития вариантов сценариев МО после 2025 года

парадигм, чье влияние пока что еще не стало решающим в мире и в Евразии. Так, быстрый экономический рост КНР — общее место для всех прогнозов, — однако не менее впечатляющие темпы роста ВВП и человеческого капитала, военной мощи и др. факторов у Индии, которая может стать либо мощным и сопоставимым с КНР самостоятельным центром силы в Евразии, либо усилить мощь западного центра силы¹², либо, совместно с КНР, Россией и другими азиатскими странами, превратить ШОС во влиятельную (даже самую влиятельную) глобальную, а не региональную организацию.

Таким образом, учитывая сегодняшние реалии, до 2025 года и несколько позже прогнозируется развитие МО по трем достаточно пессимистическим вариантам одного и того же военно-силового сценария, исключаяющего сколько-нибудь мирные договоренности и реальные компромиссы, а тем более сотрудничество между ЛЧЦ. Единственный наиболее вероятный «Вариант №3», соответствующий в общих чертах современному сценарию развития МО (но более «жесткий» с точки зрения применения военных инструментов), может рассматриваться по аналогии с сегодняшним днем

¹² Подберезкин А.И. Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С.120–123.

уже в качестве «оптимистического» варианта.

К сожалению, теоретически возможные сценарии «перезагрузки», «разрядки» и даже «сотрудничества» между ЛЧЦ не выглядят вероятными в этот период¹³. Это отнюдь не исключает повторения в определенной форме варианта стабилизации отношений на какое-то время по аналогии с периодом начала 1970-х годов, когда Р. Никсон и Л. Брежнев отошли на шаг от сползания к прямой военной конфронтации в Индокитае и несколько ограничили, количественно, темпы развития СЯС сторон. Надо понимать, что возможное повторение этого «зигзага» в стратегии США Д. Трампом будет всего лишь сменой акцентов в силовых средствах и способах политики. Опять же, по аналогии с 1970-ми годами, когда подписание Хельсинского Заключительного акта развязало руки невоенным средствам и способам влияния на социалистические страны, без чего не было бы «бархатных» революций и переворота в СССР.

Долгосрочное прогнозирование на период более 10 лет практически исключает использование возможности только метода простой экстраполяции в силу целого ряда причин, главной из которой является неизбежное объективное появление в эти сроки новых парадигм в политике, экономике, науке и технологиях, и, конечно же, в военной и, особенно, социальной областях. И в этом главная трудность долгосрочного прогноза. Так, только в последние 10–15 лет в мировой политике и в Евразии уже стали фактом такие влиятельные парадигмы, которые наверняка изменят будущую МО и ВПО (но **пока не известно точно насколько радикально и как именно**), как:

- социальные революции с использованием новейших информационно-коммуникационных технологий, социальных сетей и веб 2.0, веб 3.0 и т.д. технологий и т.п. За последние 15–20 лет появились и распространились не только интернет и социальные сети, но и связь, базы данных, в тысячи раз увеличилась скорость обработки информации¹⁴;
- тенденции, в результате которых в ближайшие 10 лет в гума-

¹³ См. подробнее: Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрова. — М.: МГИМО-Университет, 2016.

¹⁴ Путин В.В. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». 2016. 1 декабря. — №642. — Ст. 11.

нитарной и социальной области произойдут еще более радикальные изменения, связанные с формированием новой «когнитивной среды» обитания человечества и развитием человеческого капитала и его институтов¹⁵;

- процесс превращения воздушно-космического пространства в единый глобальный ТВД, от которого зависит, прежде всего, успех любых военных действий¹⁶, а также процесс создания единых интегрированных оборонных комплексов, включающих в себя полный цикл конструирования, производства и обслуживания систем ВКО.
- трансформация СМИ в средства массовой дезинформации и инструмент манипулирования в публичной политике¹⁷;
- превращение правящих элит в главные цели политики внешнего и военного воздействия¹⁸;
- появление новых международных акторов и квази-государств¹⁹;
- превращение международного терроризма и экстремизма в решающие инструменты внешней политики ряда ведущих государств²⁰;
- стремительное и часто насильственное изменение систем ценностей целого ряда ЛЧЦ и т.д.²¹

Эти и другие качественные изменения в развитии всей человеческой цивилизации и, как следствие, в МО и ВПО в Евразии, уже не позволяют прибегать к экстраполяции как основному методу

¹⁵ Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО–Университет, 2012–2013 гг., ТТ. 1–3.

¹⁶ Подберезкин А. И. Евразийская воздушно-космическая оборона. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

¹⁷ Путин В. В. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации». 2016. 5 декабря. — №646. — Ст. 10–12.

¹⁸ Подберезкин А. И. Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 73–76.

¹⁹ Путин В. В. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». 2016. 30 ноября. — №640. — Ст. 14–15.

²⁰ Там же.

²¹ Путин В. В. Послание Президента Федеральному Собранию. 2016. 1 декабря.

прогноза на долгосрочную перспективу более 10–15 лет, вынуждая заниматься анализом и прогнозом развития и появления новых парадигм, которые и будут являться главной основой для будущих сценариев и их вариантов развития МО. Экстраполяции и количественные методы анализа и прогноза становятся дополнительными, хотя и крайне важными, средствами.

1.2. Конкретный прогноз развития международной обстановки в Евразии

... Необходимо разработать парадигму, которая будет рассматривать более значимые события и давать лучшее понимание тенденций, чем другие парадигмы, оставаясь на том же уровне абстракции

С. Хантингтон

Можно только согласиться с замечанием С. Хантингтона, когда он говорил, что общее понимание с помощью анализа взаимодействия и противоборства ЛЧЦ «не приносит реальность в жертву теоретизированию» и в то же время «не жертвует абстрагированием в пользу реальности»²². Таким образом, рассматривая региональную МО через призму развития глобальной МО (как результата во многом противоборства ЛЧЦ), мы остаемся на достаточном уровне абстракции, с одной стороны, и «не приносим реальность в жертву теоретизированию», с другой.

Для нас важен анализ современной МО и ВПО в мире с тем, чтобы из него попытаться вычленил более частный детальный анализ и прогноз МО и ВПО в Евразии. Собственно анализ и прогноз необходимых действий России будет во многом уже следствием прогноза развития МО–ВПО в Евразии, а также находиться под влиянием внутренних факторов.

Как уже говорилось выше, прежде всего, необходимо сделать анализ современного состояния МО, которое находится под влия-

---

²² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций [пер. с англ. Т. Велимеева]. — М.: АСТ, 2016. — С. 37.

Рис. 1.3. Современное состояние МО

- нием четырех групп факторов, и соответствующей ВПО, а именно:
- рассмотреть состояние основных субъектов МО (ЛЧЦ, государств и их коалиций);
  - выделить наиболее важные, глобальные, тенденции мирового развития;
  - вычлениить влияние, роль и значение НЧК и его институтов;
  - определить роль и значение ведущих мировых акторов, формирующих МО.

Эта МО, представляющая собой систему взаимоотношений различных факторов и тенденций, может развиваться до 2025 года по неограниченному количеству сценариев и их вариантов, из которых нам нужно выбрать наиболее **вероятный сценарий** в его наиболее **вероятных вариантах**, т.е. воспользоваться дедуктивным методом сценарного прогнозирования. Наша конкретная цель — сформулировать наиболее точный сценарий развития МО в мире и в Евразии до 2025 года.

Для практических целей политики нужен **конкретный долгосрочный прогноз**, а не взаимоисключающие рассуждения и очень «вероятные» оценки: выстраивать военное планирование без конкретного прогноза невозможно. Но, этот, же вывод справедлив и для планирования внешней политики, и экономики и др. областей, где де-факто уже происходит долгосрочное плани-

рование (грузопотоков, внешней торговли, строительства крупных объектов и т.д.)²³.

Именно такой достаточно конкретный долгосрочный прогноз в отношении взаимодействия ЛЧЦ в Евразии требуется, например, для обоснования Стратегии национальной безопасности России, Военной доктрины, Концепции внешней политики и Концепции социально-экономического развития Российской Федерации, а также других нормативных документов долгосрочного планирования (Доктрины информационной безопасности, Концепции воздушно-космической обороны и т.д.)²⁴.

В этой связи возникает неизбежный вопрос: нужно ли иметь конкретный и ясный прогноз, рискуя неизбежно, что новые факторы повлияют на его точность, либо можно ограничиться расплывчатым, невыразительным, по сути — «недопрогнозом», — который снимает с исполнителя ответственность? Как правило, соглашаются со вторым вариантом, мотивируя, в том числе и тем, что мировая практика не знает точных долгосрочных прогнозов. И таких «прогнозов» в последнее время появилось достаточно, причем их авторы даже не обосновывают ту или иную точку зрения, ограничиваясь простой констатацией своей позиции. Так, в одном из прогнозов, авторы из МГИМО пишут, что «...есть ощущение, что точка невозврата Запада со всем остальным миром уже пройдена... Чем больше усилий США и НАТО прилагают для изоляции России, тем более очевидны пределы их влияния»²⁵. И с этими строками, наверное, можно было бы согласиться, если бы далее авторы ни писали: «Так или иначе, если Россия устоит до 2020 года..., то можно будет с уверенностью сказать, что доминированию Запада пришел конец»²⁶.

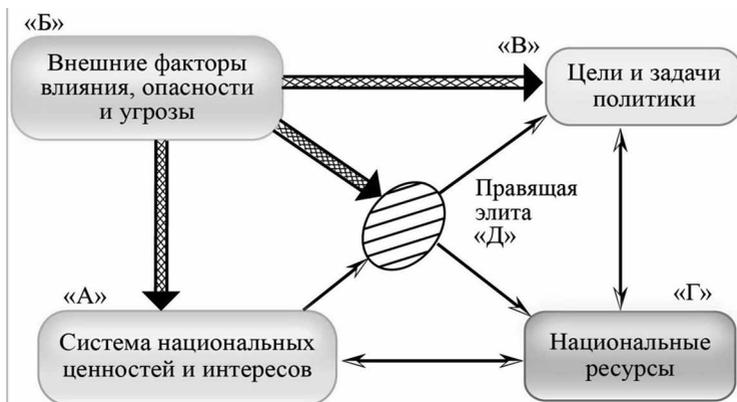
У этой авторской позиции есть, как минимум, два слабых, даже критически слабых, звена, которые являются следствием подобной противоречивости и неконкретности (если «точка невозврата» пройдена, то откуда сомнения в том, «устойт ли Россия?»), очень

²³ Подберезкин А.И. Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 119–120.

²⁴ См. подробнее: Подберезкин А.И. Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016.

²⁵ Россия и мир в 2020 году: Контуры тревожного будущего. — М.: Эксмо, 2015. — С. 26.

²⁶ Там же. С. 27.

Рис. 1.4. Модель влияния МО и ВПО на стратегию социально-экономического развития и безопасность России

характерных для международных прогнозов.

Без определенного, даже однозначного и достаточно конкретного и непротиворечивого долгосрочного прогноза вообще нет национального целеполагания и стратегии, а также политической, административной и иной ответственности за состояние и развитие того или иного объекта. Общие рассуждения полезны до тех пор, пока не наступает момент принятия решений, когда прогноз лежит в основе обоснования таких решений. Это имеет особенно важное значение, если мы говорим о безопасности, влиянии внешних факторов, опасностей и угроз на состояние экономики, социальной сферы и безопасности России. В этой связи уместно напомнить модель политического процесса, где внешние факторы (прежде всего состояние МО и ВПО) играют исключительно важное значение для России.

На этом рисунке (рис. 1.4), в частности, видно, что внешнее влияние (МО и ВПО) на группы факторов, формирующих политику России, прежде всего и непосредственно сказываются:

- на национальной системе ценностей и интересах (вектор «Б»–«А»);
- на правящей элите страны (вектор «Б»–«В»);
- на политических целях и задачах (вектор «Б»–«В»).

Соответственно из этого вытекает, что любая социально-э-

кономическая (и иная) стратегия государства имеет смысл только в том случае, если она учитывает внешнее влияние, особенно, в области безопасности и экономики. К сожалению, все концепции и стратегии социально-экономического развития России, начиная с марта 2008 года, не учитывали эти внешние (экзогенные) факторы. За исключением одного — цены на углеводороды.

Во-вторых, без прогноза развития МО и ВПО нет долгосрочного национального планирования, что делает невозможным сколько-нибудь эффективное управление крупными объектами. Особенно такими, каким является государство. Управление, предполагающее, прежде всего, распределение (и перераспределение) национальных ресурсов. На своей пресс-конференции 23 декабря 2016 года, например, В. Путин сообщил о важной тенденции снижения доли военных расходов в бюджете страны в 2016–2019 годы с почти 4% до менее 3%, что может означать, в том числе, и его оценку внешней военной угрозы. И, наоборот, Д. Трамп планирует существенно увеличить расходы МО США в 2017–2019 годах, хотя они и без того в предыдущее десятилетие (за исключением самых последних лет) выросли на 100% — с 350 до 650 млрд долл.

Оценка внешних угроз и прогноз развития МО означает и выбор средств и способов противоборства, которые постоянно развиваются и дифференцируются. Так, известно, что нарастание цивилизационного противостояния в последние годы вылилось в открытую информационную, сетевую и кибервойну, когда необходимы совершенно конкретные ресурсы и способы её эффективного ведения. В США, например, еще в мае 2016 года был создан специальный межведомственный центр в системе Государственного департамента (но финансируемого из бюджета МО США в объеме 80 млн долл., а в целом — 3,4 млрд долл.) для мониторинга, продвижения нужного контента и отслеживания вредной информации²⁷.

Эти аргументы позволяют говорить о том, что риск разработки и предложения конкретного долгосрочного прогноза не просто оправдан, но и обязателен, неизбежен для тех, кто принимает политические и другие ответственные решения. В любом случае, даже при отсутствии такого официального или иного прогноза, те, кто занимается

---

²⁷ Лисовская Е. США выделили 3,4 млрд на «сдерживание» России / Эл. ресурс: «Госновости», 2016, 24 декабря / <http://gosnovosti.com/2016/12>

долгосрочным планированием, будут исходить из какого-то прогноза. Нередко, как показывает история, субъективного и ошибочного. Это вывод является основным, в том числе и применительно к стратегическому прогнозу развития отношений между ЛЧЦ в Евразии.

1.3. Прогноз развития отношений между субъектами международной обстановки: локальными человеческими цивилизациями, нациями и государствами до 2025 года в Евразии

Сильной Россию делают не только военные факторы, но и её история, география, само общество

*В. Путин,
Президент России*

Любой анализ, в т.ч. политический, начинается с анализа соотношения сил. Эту истину повторял еще В. И. Ленин, но она сохранила свою актуальность и в наши дни. Естественно, с учетом новых реалий, связанных с развитием технологий, социальных систем и НЧК. В частности, такой новой реалии, например, как социальные сети, которые превратились в важнейший силовой инструмент политики уже в начале 2003 года. Достаточно сказать, что в 2015 году в некоторых российских регионах аудитория социальных сетей превзошла аудиторию «Первого канала» или «России 1», а некоторые из них публикуют в день более 50 информационных и получают сотни тысяч комментариев, отметок «like», а многие тысячи подписчиков используют функцию «поделиться» («share»). Все это свидетельствует о том, что к 2015 году произошли фундаментальные изменения во взаимодействии СМИ, общества и государства²⁸.

Подобные изменения решительным образом повлияли на про-

²⁸ Дьяченко О.В. Российские СМИ в социальных сетях FACEBOOK и в «ВКонтакте»: анализ активности и информационных предпочтений аудиторий // Вестник московского университета. Серия №10. Журналистика, 2016. — №1. — С. 28–31.

цесс формирования МО, усилив значение одних факторов и относительно ослабив другие.

Если прежде развитие МО и ВПО определялось, прежде всего, отношением между ведущими мировыми державами: в последние века — отношениями между Англией, Германией, Францией и Россией, а также их союзниками, то в XXI веке произошел сдвиг в пользу усиления значения ЛЧЦ и их коалиций. Речь идет о следующих ЛЧЦ и базирующихся на их основе центрах силы и коалициях:

- западная ЛЧЦ во главе с США, в которую входят на достаточно стабильной и долговременной политической основе не только страны-члены НАТО, но и Япония, Австралия и ряд других стран, число которых можно определять по их участию в той или иной коалиции (например, антисирийской), т.е. порядка 60 стран;
- китайская ЛЧЦ во главе с КНР, в которую следует включать и достаточно быстро расширяющийся круг контролируемых фактически Китаем режимов и экономик в Евразии — от границ с Северной Африкой до стран Ю.-В. Азии (например, Малайзии и Филиппин).

Особенно значительные перспективы перед китайской ЛЧЦ открываются в связи с реализацией в Евразии проекта «нового шелкового пути». Российский эксперт К. Блохин подчеркивает, что «стратегическая мысль Китая обладает богатой историей. Китайский военный стратег Сунь-цзы рассматривал искусство разрешения конфликта и победы в войне иначе, чем в Европе. Если для западных стратегов важны способы концентрации подавляющей силы в решающем месте, то для китайского военного искусства — создание доминирующей политической и психологической позиции, при которой результатом конфликта становится отказ от него. Западные стратеги проверяют свои гипотезы победами в сражениях, Сунь-цзы проверял их победами, делающими сражения ненужными²⁹. Для придерживающегося советов Сунь-цзы полководца победа, достигнутая не напрямую, а путем обмана или манипуляций, является более гуманной (и явно более экономичной), чем победа в результате превосходства сил. «Искусство

²⁹ Блохин К. В поисках стратегических приоритетов // Национальная оборона, 2017. Февраль. — №2. — С. 13.

войны» советует полководцу побудить противника выполнять именно то, что ему самому требуется, или заставить его занять настолько невыгодную позицию, что он предпочтет сдать свою армию или страну без потерь», — отмечает К. Блохин.

«Пекин сегодня активно формирует геополитические предпосылки, чтобы обезопасить себя от военно-стратегических угроз США. Создание КНР «нового шелкового пути» призвано не только объединить Евразию, но и освободиться от «морской торговли», от которой Китай весьма зависим и которая является весомым рычагом давления Вашингтона на Пекин. Стратегическая уязвимость Китая определяется уязвимостью путей экономической деятельности, в первую очередь Малаккского пролива, через который идет торговый обмен всех региональных держав с Европой, а также доставка импортируемой с Ближнего и Среднего Востока нефти.

В то же время США не имеют большого влияния на сухопутных соседей Китая: Российскую Федерацию, Монголию, Казахстан, Киргизстан, Таджикистан и Узбекистан, богатых материальными и энергетическими ресурсами. Маршрут через Туркменистан может обеспечить доступ к фактическому союзнику Китая — Ирану, и тем самым ко всему Персидскому заливу с его неисчислимыми запасами углеводородов. В этом контексте противостояния с США, стремящихся ограничить доступ КНР к богатым ресурсами регионам, Пекин стремится опереться на поддержку «свободных» от влияния Вашингтона режимов для расширения своих возможностей.

Американские эксперты с тревогой размышляют о китайской экономической стратегии: «Китай предложил связать всю евразийскую сушу сетью дорог, железнодорожных путей, трубопроводов, телекоммуникационных линий, портов, аэропортов и зон промышленного развития. Если будет реализована китайская инициатива «Один пояс, один путь» (ОПОП), появится гигантское пространство экономического и межкультурного обмена, снизятся барьеры для международного сотрудничества в зоне, объединяющей 65 стран, где проживает 70 процентов населения планеты и производится более 40 процентов мирового ВВП. Эти страны обеспечивают более половины нынешнего экономического роста в мире. Оценочная стоимость проектов, уже существующих на бумаге, по меньшей мере, в 11 раз превышает стоимость плана

Маршалла»³⁰.

В этом случае Вашингтон пытается использовать традиционную стратегию — принцип анаконды с целью сдерживания Китая и предотвращения его «просачивания» в регионы, богатые природными ресурсами³¹.

Анализ соотношения сил в современном мире это, прежде всего, цивилизационный анализ отношений и возможностей ЛЧЦ. Это, прежде всего:

- индийская ЛЧЦ, чье влияние быстро усиливается как в результате собственно развития Индии, прироста — количественного и качественного — ее НЧК, так и за счет распространения ее влияния на другие страны мира. Прежде всего Индийского океана и стран Ю.-В. Азии;
- российская ЛЧЦ, которая в наименьшей степени сопоставима по НЧК и экономическому потенциалу, но имеет серьезные преимущества перед другими ЛЧЦ в таких областях, как:
  - геополитическое положение;
  - территория;
  - природные ресурсы;
  - военная мощь;
  - членство в Совете Безопасности ООН и других международных организациях;
  - историю, государственность, культуру, религию и другие факторы мощи.
- латиноамериканская ЛЧЦ;
- океаническая ЛЧЦ.

Особо следует выделить исламскую ЛЧЦ, которая делится на доминирующую суннитскую и миноритарную шиитскую ветвь.

В Евразии в настоящее время и в будущем концентрируются основные противоречия между ЛЧЦ и странами, как на уровне существующих систем ценностей, так и геополитических интересов. При этом основные ЛЧЦ мира — западная, китайская, индийская, исламская и российская — не только территориально расположены в Евразии, но и прямо, непосредственно, соприкасаются, а их

³⁰ Блохин К. В поисках стратегических приоритетов // Национальная оборона, 2017. Февраль. — №2. — С. 13.

³¹ Там же.

интересы — пересекаются.

При этом в самом выгодном положении находятся США, которые формируют политику западной ЛЧЦ. С одной стороны, они находятся, географически, в относительно безопасном положении потому, что непосредственно не граничат в Евразии с другими ЛЧЦ, а с другой, они контролируют своей военно-морской мощью два окружающих Евразию океана — Тихий и Атлантический. Это — объективные и базовые условия, формирующие МО и ВПО в Евразии. Понимать это необходимо, как минимум, для того, чтобы полнее представлять себе современную китайскую концепцию «Один пояс — один путь» («Шелковый путь»), или военно-политическую обстановку в регионах С.-В. и Ю.-В. Азии, а также Индийском океане и в Атлантике.

К другим важнейшим условиям существования западной ЛЧЦ можно отнести установку США на сохранение мирового лидерства в качестве обязательного условия существования Америки, официально закреплённую в целом ряде нормативных документов. В частности, в Стратегии национальной безопасности США Б. Обамы (февраль 2015 года) говорится с самого начала, что «Успешная стратегия обеспечения безопасности американского народа и продвижения интересов нашей безопасности должна начинаться с одной неоспоримой истины — Америка должна быть лидером... Вопрос заключается не в том, должна или нет Америка лидировать. Вопрос стоит в том, как мы должны лидировать»³²;

- абсолютное экономическое, технологическое и военное превосходство над всеми ЛЧЦ в отдельности (и даже взятыми все вместе) западной ЛЧЦ. Это условие, очевидно, будет поставлено под сомнение в части «экономического» превосходства США, но не всей возглавляемой ими ЛЧЦ. И в обязательном порядке будет сохранена установка на сохранение технологического превосходства США, более того, увеличение этого превосходства;
- существование широкой военно-политической и финансово-экономической коалиции западной ЛЧЦ, которой другие ЛЧЦ не могут противопоставить аналогичной мощи;
- культурно-идеологическое и политическое единство западной

---

³² The National Security Strategy / The White House. — Wash.: GPO, 2015. February. — P.2.

ЛЧЦ, обеспечивающее когнитивно-информационное превосходство. Это превосходство западной ЛЧЦ планируется увеличить за счет развития НЧК и его институтов, которые в современный период превратились в определяющий фактор экономического и военного развития и мощи.

Эти и многие другие относительно постоянные и переменные факторы³³ позволяют сделать вполне однозначный вывод относительно формирования будущего наиболее вероятного сценария развития МО в Евразии и его конкретных вариантов. Таким сценарием неизбежно станет сценарий развития «Военно-силового противоборства западной ЛЧЦ» с другими ЛЧЦ в Евразии в одном из трех возможных вариантов — военном, военно-силовом или силовом, как единственно возможный сценарий сохранения контроля над существующими финансово-экономическими и военно-политическими системами в мире. Необходимо понимать, что иначе как силовыми средствами этого сделать невозможно.

В 2016 году западная ЛЧЦ реализовывала в отношении России единственный сценарий военно-силового противоборства, который теоретически существовал в двух вариантах — «реалистическом» (практическом) и «пессимистическом» (как эскалация угрозы). Маневрирование между ними происходило в очень узких для этого сценария рамках единственного сценария, не допуская выхода за его границы. На практике мы наблюдали как в 2016 году Б. Обама и Х. Клинтон фактически занимались реализацией «пессимистического» варианта (эскалации угроз), которому попытался препятствовать Д. Трамп, переведя его в «практическо-прагматический» вариант политики. Вокруг этих двух вариантов и развернулась борьба в процессе формирования администрации Д. Трампа. При этом важно помнить, что сам по себе сценарий развития МО и политики США усиления «Военно-силового противоборства» ни Д. Трампом, ни тем более Б. Обамой под сомнение не ставился: «американское лидерство» нужно было сохранять любыми средствами. Спор шел о том, какими средствами и способами сохранять

---

³³ О значении и роли многих факторов и тенденций, формирующих современную МО в Евразии, можно посмотреть в работах многих авторов, в т.ч.: А.И. Подберезкин, К.П. Боришполец, О.А. Подберезкина. Евразия и Россия. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

это лидерство, а точнее — каким из силовых средств политики отдавать больше предпочтения.

Соответственно развитие МО в 2016 году происходило преимущественно именно по этому сценарию. Реакция на него основных ЛЧЦ в мире и в Евразии была соответствующей, естественно, с поправкой на влияние собственных внутренних факторов.

Китай, затаившись, экономически захватывал с помощью расширяющейся торговли все большее число стран уже не только в Азии, но и в Европе, на Ближнем Востоке и в Африке, одновременно ведя интенсивную, но скрытую военно-техническую политику.

Россия пыталась окончательно выйти из экономического кризиса и укрепить свой государственный суверенитет и внутривнутриполитическую стабильность.

Исламская ЛЧЦ демонстрировала борьбу региональных гегемонов за почетное место лидера всей исламской ЛЧЦ.

Интересно, что во второй половине 1980-х годов мы наблюдали другую, совершенно иррациональную картину, когда М. Горбачев и его окружение демонстрировали ничем (кроме личных ощущений и амбиций) не обоснованный «романтизм» по отношению к Западу, предполагая почему-то, что там с таким же «оптимизмом» смотрят на развитие отношений. В целом лидеры всех ЛЧЦ вели себя вполне адекватно в рамках развивающегося «Военно-силового сценария».

При этом любое из политических действий, выходящее за рамки существующего сценария, предполагало под собой выделение колоссального материального обеспечения, которое, «вдруг» оказывалось бесполезным или сомнительным, в случае самых «неожиданных» и субъективных решений, т.е. ошибки стоили огромных политических и экономических затрат. Такие субъективные (неожиданные и неоправданные решения) принимались, например, М. Горбачевым и Э. Шеварднадзе во второй половине 80-х годов XX века по поводу вывода войск СССР из Европы или ограничения вооружений, за которыми стояло уничтожение целых классов ВВСТ.

Еще тяжелее были политические ошибки. Так, трактовка Индии как исключительно стратегического союзника России многие годы означала, как минимум, что она не будет таковым ни по отношению

к Китаю, ни к США. Что, как оказалось, недавно, было неверно³⁴. Даже вступление в июне 2017 года Индии в ШОС отнюдь не означало, что ее курс на интеграцию с западной ЛЧЦ изменился.

Иначе говоря, «колея» реализуемого варианта того или иного сценария развития МО западной ЛЧЦ в Евразии была в 2015–2017 годы не только очень узкой, но и очень жесткой. Для того чтобы убедиться в этом достаточно просто — напросто записывать ежедневные действия Запада, которые очень быстро составят наглядную картину эскалации, т.е. ежедневных шагов по обострению МО и ВПО.

Самая большая трудность в анализе и долгосрочном прогнозе развития международной обстановки, на наш взгляд, — это поиск и выбор такой методологии, теории, и конкретных методов, которые могли бы практически обеспечить исследование огромного числа факторов, формирующих конкретную реальную МО и их конкретную реализацию в конкретном месте и в конкретное время, например, в военно-политической или даже в стратегической обстановке. С одной стороны, ясно, что даже в абсолютно конкретной СО реализуются те или иные объективные факторы и тенденции, заложенные изначально в развитии МО и ВПО, а, с другой, — их реализация в конкретных обстоятельствах, множество переменных и появление новых факторов ведут к созданию и развитию совершенно уникальной СО³⁵.

Эта уникальность означает, что ВПО и СО, военные конфликты и войны всегда будут развиваться по абсолютно оригинальным, совершенно неожиданным, но конкретным сценариям, которые невозможно полностью и с точностью спрогнозировать, где решающую роль будут играть новые парадигмы, не существующие пока что вообще или появившиеся только что «в зародыше». Задача стратегического прогноза — увидеть эти новые парадигмы или представить их появление в будущем. Так, никто в России в декабре 2013 года не прогнозировал, например, такое стремительное изменение МО и ВПО в Европе, а тем более того, что в феврале

³⁴ *Bhonsle R.* US Defence Secretary Carter Visit: A Test of India's Multi-Alignment Foreign Poli-cy. 2016, April, 8 / www.security-risks.com

³⁵ *Подберезкин А. И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 560.

2014 года уже сложится абсолютно уникальная СО на Украине³⁶. Настолько уникальная, что «заморозится» неожиданно в форме военного конфликта более чем на 20 месяцев.

Между тем еще в 2013 году начальник Генерального Штаба ВС РФ В. Герасимов уже писал в своей статье в газете «ВПК», что любая война конкретна и не похожа на другую. Эти мысли послужили основанием для того, что на Западе назвали «доктриной В. Герасимова» или «мультивекторной гибридной войной»³⁷.

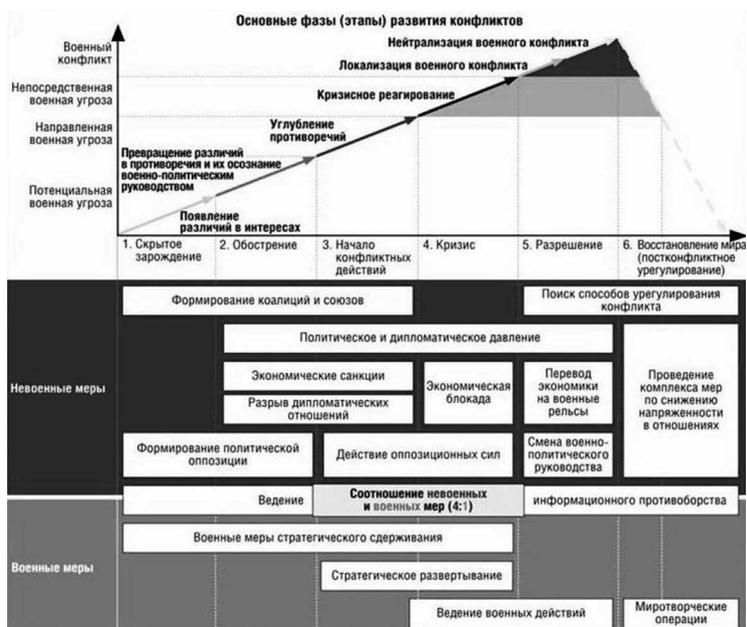
Отдельно следует сказать о существующих независимых оценках научной (монографической) литературы по международным отношениям, содержащихся, в частности, в работах О. Уэвера [Waever 1998], А. Беннетта и др. [Bennett, et al. 2003], и других методов анализа и долгосрочного прогнозирования, среди которых, на наш взгляд, наиболее перспективны следующие:

- метод сценарного прогнозирования, который продолжает (развивает) существующую логику и сложившиеся системы взаимосвязей МО;
- метод дедукции, позволяющий игнорировать все возможные и большое число вероятных сценариев и их вариантов развития МО и ВПО, концентрируя внимание на наиболее вероятных;
- метод построения концепций и моделей, включающий в себя совокупность всех основных частей систем МО и ВПО. Так, в частности метод построения концепций и моделей, используемый НГШ ВС РФ В. Герасимовым, очень наглядно демонстрирует эволюцию в подходе лидеров западной ЛЧЦ и использование силовых инструментов политики. Этот метод, получивший известность после публикации в 2013 году статьи В. Герасимова, не является на самом деле ни новым, ни оригинальным: еще в конце 1940-х годов один из архитекторов холодной войны Дж. Кеннан в знаменитом Меморандуме писал: «Нам мешает укоренившееся убеждение в том, что между войной и миром есть разница, что война — это что-то вроде спортивного матча, не имеющего отношения к политическому контексту».

³⁶ Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 13–15.

³⁷ Кофман М. WarOnTheRocks / Гибридная война России и другие темные искусства. 2016. 26 марта / <http://sputnikpogrom.com/translated/52682/dark-russian-arts/#.V5EHcdSLRiw>

Герасимов, по мнению некоторых экспертов, описывая невоенные методы, используемые Западом в нелинейных конфликтах, практически слово в слово повторяет определения явной и тайной политической войны, выдвинутые Кеннаном. Кеннан писал: «Политическая война есть использование всех средств, имеющихся в распоряжении нации для достижения своих целей... Средства могут быть как явными, вроде политических союзов, экономических мер и „белой“ пропаганды, так и тайными — к их числу относится поддержка „дружественных“ заграничных элементов, „черная“ психологическая война и даже поддержка отрядов сопротивления на территории враждебных государств»³⁸.

Рис. 1.5. Роль невоенных методов при разрешении межгосударственных конфликтов

³⁸ Кофман М. WarOnTheRocks / Гибридная война России и другие темные искусства. 2016. 26 марта / <http://sputnikipogrom.com/translated/52682/dark-russian-arts/#.V5EHcdSLRiw>

Тем не менее, статья В. Герасимова дала мощный толчок в осмыслении характера современной войны и ее роли в политике, а предложенная им концепция и основные этапы развития конфликтов, безусловно, заслуживает внимания при подготовке стратегического прогноза (рис. 1.5³⁹).

Так, в соответствии с предложенными В. Герасимовым этапами, Россия в 2016 году находилась где-то между 3 и 4 этапами, уверенно продвигаясь к началу 5 этапа и возможному перерастанию сценария «Военно-силового противоборства ЛЧЦ» в конце 2020-х годов в открытый масштабный военный конфликт или даже войну.

У В. Герасимова этот переход, как и сам военный конфликт, прописан нечетко — как «пик» в развитии «пятого» этапа.

На наш взгляд, этот переход может занять целый период (В. Герасимов не вполне удачно использует термин «этап», являющийся более общим понятием по отношению к «периодам»), но в любом случае подобная концепция является очень полезной для прогноза. Особенно если с ней выступает НГШ.

В целом же стратегический прогноз на долгосрочную перспективу должен учитывать развитие прогнозов всех четырех основных групп факторов, акторов и тенденций, формирующих МО. Он представляет собой своего рода «сложную мозаику» большинства этих факторов, акторов и тенденций, состоящую из сотен тысяч критериев и показателей. Чем больше этих критериев и факторов будет учтено в предлагаемой концепции, тем яснее и ярче будет прогноз. Если из 1 000 000 основных составляющих будет учтено 10 000, то и ясность и точность будет соответствующая, а если 100 000, то прогноз, безусловно, будет более точным.

В данной работе мы коротко повторим основные теоретические, методологические и логические основы предлагаемого анализа и прогноза, с тем, чтобы далее, в соответствии с этой методологией анализа и прогноза МО, продолжить дальнейшую конкретную эмпирическую работу.

---

³⁹ Кофман М. WarOnTheRocks / Гибридная война России и другие темные искусства. 2016. 26 марта / <http://sputnikpogrom.com/translated/52682/dark-russian-arts/#.V5EHcdSLRiw>

1.4. Факторы столкновения и диалога между локальными человеческими цивилизациями

Популярность цивилизационной проблематики в начале 2000-х гг. была вызвана публикациями С. Хантингтона, в которых была предложена новая концептуальная рамка для анализа мирового порядка после окончания холодной войны⁴⁰. Хантингтон заявил, что вместо государств основными акторами мирового порядка стали цивилизации, между которыми неизбежно происходят столкновения. Логика отношений между цивилизациями повторяет у Хантингтона логику отношений между государствами в ее реалистской интерпретации. Труды Хантингтона были в высшей степени популярны в общественных кругах по всему миру, хотя академическая среда восприняла тезис Хантингтона довольно скептически⁴¹.

Вывод Хантингтона о том, что после холодной войны конфликты будут возникать значительно чаще на стыках между цивилизациями, чем внутри цивилизаций, не подтвердился. Эмпирические данные свидетельствуют, что происходит обратное: конфликтов внутри цивилизаций больше, чем между ними⁴². Конечно, никто дать не может гарантий того, что цивилизации не столкнутся друг с другом. Кроме эмпирической несостоятельности, тезис Хантингтона критиковали также за его неокOLONIALНЫЕ коннотации. Ведь в предполагаемом столкновении задача каждой цивилизации неизбежно должна состоять в победе над остальными⁴³. «Столкновение цивилизаций» могло стать легитимирующим дискурсом для

⁴⁰ Huntington S.P. *The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs*. 1993. Vol. 72. Pp. 22–49. Huntington S.P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster, 1996. 368 p.

⁴¹ Bottici Ch., Challand B. *The Myth of the Clash of Civilizations*. Abingdon, Oxon; New York: Routledge, 2010. 192 p.

⁴² Chiozza G. *Is There a Clash of Civilizations? Evidence from Patterns of International Conflict Involvement, 1946–97 // Journal of Peace Research*. 2002. Vol. 39. Pp. 711–734.

⁴³ Browning C.S., Lehti M. *The Struggle for the West: A Divided and Contested Legacy*. Abing-don, Oxon; New York: Routledge, 2010. 256 p.

возвращения колониальной практики ориентализма⁴⁴, порабощения Западной цивилизацией Востока⁴⁵.

Проверка гипотезы столкновения цивилизаций постепенно вернула интерес к цивилизациям в академической среде. При этом наибольший интерес проявили представители конструктивизма и критической теории. Из наиболее значимых академических публикаций по данной проблематике в последнее время можно выделить работы Р. Кокса⁴⁶, Ш. Айзенштадта⁴⁷, Дж. Гобсона⁴⁸, П. Каценштайна⁴⁹, М. Хола и П. Джексона⁵⁰, Э. Линклейтера⁵¹ и Э. Адлера⁵². Многие из перечисленных работ основываются на классических трудах Ф. Броделя⁵³, Н. Элиаса⁵⁴, А. Тойнби⁵⁵, Э. Саида⁵⁶, О. Шпенглера⁵⁷.

⁴⁴ Said E. *Orientalism*. Penguin Classics. London: Penguin, 2003. 432 p.

⁴⁵ Said E.W. *The Myth of 'The Clash of Civilizations': Professor Edward Said in Lecture*. Media Education Foundation, 2002. 14 p.

⁴⁶ Cox R. *Thinking About Civilizations / Review of International Studies*. 2000. Vol. 26. Pp. 217–234.

⁴⁷ Eisenstadt Sh.N. *Comparative Civilizations and Multiple Modernities*. Leiden; Boston: Brill, 2003. 1059 p.

⁴⁸ Hobson J.M. *The Eastern Origins of Western Civilisation*. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, 2004. 394 p.

⁴⁹ Katzenstein P.J. *Civilizations in World Politics: Plural and Pluralist Perspectives*. New York: Routledge, 2010. 248 p.

⁵⁰ Hall M., Jackson P.T. *Civilizational Identity: The Production and Reproduction of "Civilizations" in International Relations*. New York: Palgrave Macmillan, 2007.

⁵¹ Linklater A. *Global Civilizing Processes and the Ambiguities of Human Interconnectedness / European Journal of International Relations*. 2010. Vol. 16. Pp. 155–178.

⁵² Adler E. *Europe as a Civilizational Community of Practice / Civilizations in World Politics: Plural and Pluralist Perspectives*. Ed. by P.J. Katzenstein. New York: Routledge, 2010. 248 p.

⁵³ Braudel F. *A History of Civilizations*. New York: A. Lane, 1994. 640 p.

⁵⁴ Elias N. *The Civilizing Process*. Oxford, England; Cambridge, MA: Blackwell, 1994. 592 p.

⁵⁵ Тойнби А. *Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад*. М.: АСТ, 2011. 320 с.

⁵⁶ Said E. *Orientalism*. Penguin Classics. London: Penguin, 2003. 432 p.

⁵⁷ Шпенглер О. *Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Том 1. Образ и действительность*. М.: Попурри, 2009. 656 с. Шпенглер О. *Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Том 2. Всемирно-исторические перспективы*. М.: Попурри, 2009. 704 с.

Хороший аналитический обзор состояния изученности цивилизационной проблематики в теории международных отношений опубликовал Г. Беттица⁵⁸. Он выделил два параметра сравнительного анализа исследований цивилизаций в виде бинарных оппозиций: с одной стороны, это противопоставление аналитических и нормативных/критических теорий, с другой стороны — предложенное П. Джексоном противопоставление исследовательской онтологии и партиципаторной онтологии. Последнее противопоставление заключается в вопросе, кто определяет, что такое цивилизация. Это может быть исследователь, который предлагает свое определение цивилизации; или это могут быть акторы мировой политики, в своей дискурсивной практике определяющие значение для них цивилизаций. Сочетание двух вышеуказанных бинарных оппозиций критериев образует матрицу сравнительного анализа исследований цивилизаций, которую Беттица заполнил соответствующими направлениями исследований в предложенной им терминологии.

Сравнительная матрица направлений исследований цивилизаций в политических науках

	Аналитические теории	Нормативные/критические теории
Исследовательская онтология	Цивилизационная динамика	Межцивилизационная этика
Партиципаторная онтология	Цивилизационная политика	Политика цивилизации

Подробнее о каждом направлении исследований можно узнать из статьи Беттицы. Остановимся на кратком описании этих направлений, что необходимо сделать с точки зрения целей данного исследования.

Цивилизационная динамика. Данное направление анализа, основанное на исследовательской онтологии и аналитическом подходе, наиболее популярно в теории международных отношений. Исследователи, работающие в данном направлении, исходят из того, что в мире существуют множество цивилизаций, понимаемых в общих чертах как макроструктуры, организованные вокруг определённых культурных, социальных и/или экономических отношений. Содержание исследований в рамках данного подхода

⁵⁸ Bettiza G. Civilizational Analysis in International Relations: Mapping the Field and Advancing a "Civilizational Politics" Line of Research // International Studies Review. 2014. Vol. 16. Pp. 1–28.

заключается в операционализации определения цивилизаций, выявлении характеристик их поведения, взаимодействия, специфики их внутреннего устройства и развития.

Основным спором в рамках данного подхода является дискуссия между сторонниками эссенциалистского и неэссенциалистского подходов к определению цивилизаций. Первые, как правило, понимают под цивилизациями однородные, ограниченные во времени и пространстве, централизованные и статические явления. Неэссенциалисты, напротив, рассматривают цивилизации как внутренне противоречивые, гетерогенные образования без определенных границ во времени и пространстве, постоянно находящиеся в состоянии становления.

Основным представителем эссенциалистов является Хантингтон, который исходит в своём понимании цивилизаций из классической традиции, заложенной Шпенглером, Тойнби и Броделем. Он определяет цивилизацию как «наивысшую культурную общность людей и самый широкий уровень культурной идентификации, помимо того, что отличает человека от других биологических видов. Она определяется как общими объективными элементами, такими как язык, история, религия, обычаи, социальные институты, так и субъективной самоидентификацией людей. Цивилизации — это самые большие „мы“, внутри которых каждый чувствует себя в культурном плане как дома и отличает себя от всех остальных „них“»⁵⁹.

Лидер противоположного лагеря неэссенциализма П. Каценштайн исходит из не менее классической аналитической традиции, заложенной Ш. Айзештадтом, Р. Коллинсом и Н. Элиасом. Каценштайн определяет цивилизации как «элитарные социальные системы со слабыми связями и высокой внутренней дифференциацией. Это конфигурации, констелляции или комплексы, которые не имеют фиксации во времени и пространстве. Цивилизации роднит друг с другом не внутреннее единство и стремление к неизбежному столкновению, но их внутреннее разнообразие, которое ведет к внутрицивилизационному и транскивилизационному взаимодействию и контактам»⁶⁰.

⁵⁹ *Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York: Simon & Schuster, 1996. P.49.*

⁶⁰ *Katzenstein P.J. Civilizations in World Politics: Plural and Pluralist Perspectives. New York: Routledge, 2010. P.5, 7.*

Межцивилизационная этика. Данное направление исследований цивилизационной проблематики занимается критикой предсказания Хантингтона о неизбежном столкновении цивилизаций. Исследователи в рамках данного направления исходят из того, что цивилизации существуют как объективная социальная реальность. Представители данного исследовательского направления ставят перед собой задачу не просто и не только обнажить кажущуюся им несостоятельность реалистского тезиса Хантингтона. Их цель — предложить такой институциональный дизайн и такие политические усилия международного сообщества, которые не допустили бы столкновения цивилизаций и способствовали бы развитию диалога цивилизаций. Среди лидеров данного направления назовем Э. Саида⁶¹, А. Сена⁶², Ф. Петито⁶³.

Политика цивилизаций. Сравнительно новое направление в исследовании цивилизаций, основу которого заложил Э. Саид. Цивилизационная политика — это ориентализм, дискурсивное насилие над «нецивилизированными народами», которое неизменно переходит в политическое насилие. В рамках данного направления исследователи пытаются выявить цивилизационные дискурсы насилия, их субъектов, объектов, определить, кого они исключают, кого включают. Яркими представителями данного направления являются П. Джексон и М. Хол. Например, в книге «Цивилизуя врага» Джексон показывает, как использовалась публичная риторика после Второй мировой войны для определения и пересмотра границ западной цивилизации⁶⁴. В частности, Джексон проанализировал, как США старались включить Западную Германию в состав западной цивилизации, последовательно делигитимизируя все дискурсы, которые предлагали альтернативные варианты границ.

Цивилизационная политика. Данное направление ещё не оформилось, но в рамках представленной выше сравнительной

⁶¹ Said E. *Orientalism*. Penguin Classics. London: Penguin, 2003. 432 p.

⁶² Sen A.K. *Identity and Violence: The Illusion of Destiny*, 1st edition. New York: W. W. Norton & Co., 2006. 240 p.

⁶³ *Petito F.* In *Defence of Dialogue of Civilisations: With a Brief Illustration of the Diverging Agreement between Edward Said and Louis Massignon / Millennium: Journal of International Studies*. 2011. Vol. 39. Pp. 759–779.

⁶⁴ *Jackson P.T.* *Civilizing the Enemy: German Reconstruction and the Invention of the West*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2006. 304 p.

таблицы предполагается. Беттица в своей статье старался доказать необходимость аналитического исследования взаимодействия цивилизаций на основе партиципаторной, а не исследовательской онтологии. Методология исследований в рамках данного подхода не отличается от методологии цивилизационной динамики. Отличие состоит в онтологии. Онтология цивилизаций должна определяться путем анализа представлений о цивилизациях самих цивилизаций и других акторов мировой политики.

Беттице в целом удалось представить целостное идейное поле исследований проблематики цивилизаций в мировой политике. Среди этого поля наиболее перспективным представляется не-эссенциалистское направление исследований цивилизационной динамики. Достоинство этого направления заключается в том, что оно учитывает внутреннюю дифференциацию цивилизаций и рассматривает цивилизации не в статике, а в развитии. Таким образом, цивилизации рассматриваются в контексте более общих социальных процессов.

Не случайно данное направление развилось из социологических, а не политических исследований цивилизаций. Политологи традиционно мало внимания уделяли цивилизационному вопросу. Для них цивилизация, как правило, была единичным явлением. Вопрос ставился о противоречиях между цивилизованным и нецивилизированным миром. Так мыслят себя западная, китайская и японская цивилизации. Цивилизация как множественное явление пришло в политологию из социологии и антропологии, где в фокусе исследователей находились различия внутри цивилизаций, возможных мостов и переходов между цивилизациями.

1.4. а). Факторы столкновения и диалога во внутрицивилизационных, транскивилизационных и межцивилизационных отношениях

Этимологически цивилизация — это социальная модальность, в центре которой находится городская жизнь элиты, предающей умственному созерцанию. Слова «город» (city) и «гражданский» (civil) образованы от того же корня, что и «цивилизация»

(civilization). Язык и литература становятся связующей тканью цивилизации, так как умственные созерцания элиты оставляют после себя тексты, и в текстах (письменных или устных) происходит формирование общей интерсубъективной реальности цивилизации. Общий литературный канон и нормы поведения и проявления эмоций, формируемые таким каноном, во многом и составляют основу той или иной цивилизации. Например, основу западной цивилизации в этом смысле заложили «Одиссея» и «Илиада» Гомера, эпосы о войне и путешествии.

Существует мнение, что в основе любой западной нации должны быть свои конституирующие эпосы о войне и путешествии. Для России, например, такими эпосами можно считать «Мертвые души» Н. В. Гоголя (эпос о путешествии) и «Войну и мир» Л. Н. Толстого (эпос о войне). В них нация описывается и во многом рождается как реальность. Поэтому условием принадлежности к определенной нации или цивилизации является грамотность и книжное образование. Хотя следует отметить, что многие конституирующие тексты до изобретения письменности передавались из поколения в поколение устно. Однако это все равно происходило в ходе образовательного процесса.

Второй составляющей понятия «цивилизация» является религия. Первым эту мысль, пожалуй, высказал еще Мирабо в XVIII веке. Религия, по его мнению, формирует цивилизацию, так как она способствует смягчению нравов и контролю над насилием. Кроме смягчения нравов, религия также является ценностной основой соответствующей цивилизации. Эссенциалисты, как правило, определяют цивилизации через религии: православную, мусульманскую, буддистскую и т.д.

Таким образом, цивилизацию формируют литература и религия. При этом в центре цивилизации находится городская элита.

Цивилизации не могут быть однородными во времени и пространстве, так как литературный канон цивилизации складывается постепенно, и не всеми одинаково прочитывается после своего формирования. Религиозные практики также не тождественны себе во времени и пространстве. Возможны фундаментальная, секулярная и постсекулярная интерпретации религиозной практики. Если представить каждую из этих интерпретаций как выражение специфики онтологических отношений между Творцом и творени-

ем, то фундаментализм выражается в отрицании самостоятельного онтологического статуса у творения, секуляризм — в обретении самостоятельного онтологического статуса творением и постепенным забвением Творца, постсекуляризм — в вспоминании онтологически самостоятельного творения своего Творца и в поиски диалога с ним.

«Секулярное, — отмечает Д. Узланер, — возникло лишь после отвержения традиционной христианской онтологии, постулирующей, например, устами Фомы Аквинского, что лишь Бог обладает настоящим бытием, тогда как мир, творение обладает бытием лишь по аналогии с настоящим бытием... и лишь в той степени, в какой оно причастно Богу-творцу, — это суть учения о причастности»⁶⁵. Онтологический разрыв между Богом и творением в западной мысли можно обнаруживать со времени позднего Средневековья.

Дунс Скот поставил под сомнение концепции аналогии и причастности, противопоставив им концепции однозначности или унивокальности, согласно которым Творец и творение существуют в одинаковом смысле. Категория бытия обретает, таким образом, внебожественное, самостоятельное основание, а различия между Творцом и творением носят исключительно количественный, а не качественный характер. В автономности и самодостаточности мира и заключается суть современного секуляризма.

В политических терминах государства и церкви специфику фундаментализма, секуляризма и постсекуляризма можно выразить

Матрица онтологического и политического сравнения фундаментализма, секуляризма и постсекуляризма

	Фундаментализм	Секуляризм	Постсекуляризм
Онтология	Творец — источник бытия, творение существует только, если связано с Творцом.	Творение существует самостоятельно, без связи с Творцом, постепенно забывает Творца.	Творение существует самостоятельно, без связи с Творцом, но вспоминает Творца и ищет диалога с ним.
Политика	Государство формально или неформально подчинено церкви. Эпоха преромодерна.	Государство самостоятельно, церковь вытеснена в частную сферу. Эпоха модерна.	Государство самостоятельно, церковь возвращается в публичную сферу, между ними происходит поиск диалога. Эпоха постмодерна.

⁶⁵ Узланер Д. Введение в постсекулярную философию / Логос. 2011. №3. С. 14.

следующим образом. Фундаментализм характеризуется доминированием церкви над государством, секуляризм — вытеснением церкви государством из публичной сферы в частную, постсекуляризм — взаимным признанием церкви и государства, поиском диалога.

Интересно, что приведенная выше онтологическая специфика фундаментализма, секуляризма и постсекуляризма характерна только для христианства⁶⁶. Секуляризм как историческое явление мог возникнуть только в христианстве, если рассматривать христианство в качестве религии, которая продолжает развиваться во времени и пространстве⁶⁷. Тем не менее, в ходе долгого периода доминирования западной цивилизации христианская специфика политических отношений между церковью и государством была перенесена в нехристианские цивилизации. Поэтому модернизация нехристианского мира предполагала и его секуляризацию. Развитие постсекуляризма на Западе открыло возможность возвращения церкви в публичное пространство нехристианских обществ. При этом в онтологическом смысле, например, ислам всегда оставался фундаментальным. Поэтому возвращение церкви в публичное пространство в нехристианском мире всегда грозит фундаментализмом, а не диалогом между церковью и государством.

Фундаментализм — это такое состояние цивилизации, которое наименее склонно к диалогу. Компромисс для фундаментализма невозможен, так как он означает отказ от фундаментальных ценностей. Секуляризм, напротив, склонен к компромиссу, так как в этом случае уступать нужно не ценности, а интересы. Секулярный период развития международных отношений (так называемая Вестфальская модель международных отношений) характеризуется значительно большим объемом сотрудничества и компромисса, чем период преמודерна. Постсекуляризм основан на диалоге между сакральным и политическим. Диалогичная форма существования постсекулярной цивилизации позволяет ей также взаимодействовать с секулярными и постсекулярными цивилизациями в диалогичной форме. Наличие религиозной составляющей в постсекуляризме позволяет данному состоянию цивилизации

⁶⁶ *Ваттимо Дж.* После христианства. М.: Три квадрата, 2007. 176 с.

⁶⁷ *Хайдеггер М.* Бытие и время. Харьков: Фолио, 2003. 503 с.

вступать в диалог даже с фундаменталистами. Поэтому диалог между постсекуляризмом и фундаментализмом возможен, но не гарантирован.

Секулярные сообщества, кроме сотрудничества, могут также конфликтовать, если это оправдывают интересы сторон. Насилие между ними вполне допустимо, война является «продолжением политики другими средствами».

Секулярные и постсекулярные сообщества в своем взаимодействии повторяют логику отношений секулярных сообществ. Постсекуляризм не исключает конфликта как такового, поэтому если секулярному сообществу выгоден конфликт с постсекулярным сообществом, последнее скорее всего примет этот вызов. Столкновение в наименьшей степени возможно между постсекулярными сообществами. Диалоговая форма их существования является крайне неблагоприятной средой для развития конфликта между ними.

Исходя из определения цивилизации как гетерогенного явления, можно предположить, что внутри одной цивилизации могут существовать фундаменталистские (премодернистские), секулярные (модернистские) и постсекулярные (постмодернистские) сообщества. Поэтому сталкиваются или вступают в диалог не целые цивилизации, а их отдельные сообщества. Скорее всего сталкиваться будут как раз фундаменталистские сообщества. При этом терминологию фундаментализм/секуляризм/постсекуляризм можно использовать только при описании внутренней динамики Западной (христианской) цивилизации.

Матрица взаимодействия сообществ с различным характером религиозного развития внутри Западной цивилизации

	Фундаментализм	Секуляризм	Постсекуляризм
Фундаментализм	Столкновение	Столкновение	Столкновение/ диалог
Секуляризм	Столкновение	Диалог/ столкновение	Диалог/ столкновение
Постсекуляризм	Столкновение/ диалог	Диалог/ столкновение	Диалог

Для описания динамики между цивилизациями и внутри нехристианских цивилизаций следует использовать более универсальные понятия пре модерн, модерн и постмодерн.

Матрица взаимодействия сообществ с различным характером политического развития внутри цивилизаций и между цивилизациями

	Премодерн	Модерн	Постмодерн
Премодерн	Столкновение	Столкновение	Столкновение/ диалог
Модерн	Столкновение	Диалог/ столкновение	Диалог/ столкновение
Постмодерн	Столкновение/ диалог	Диалог/ столкновение	Диалог

Таким образом, цивилизации в мировой политике существуют скорее как стратегические референтные рамки, а не как непосредственные герои международной политики. Данные референтные рамки создаются на ценностной основе религии и уточняются общим литературным каноном. Они далеки от гомогенности, полны внутренних противоречий и находятся в процессе постоянного становления. Будут ли социальные общности, использующие данные референтные рамки, сталкиваться или вступать в диалог, во многом зависит от того, является ли хотя бы одна из сторон фундаменталистским сообществом. Для такого сообщества референтная цивилизационная рамка задается практически исключительно ценностным кодом соответствующей религии, поэтому компромисс для него невозможен.

Условие мирного существования фундаменталистов заключается в их самоизоляции. И. В. Кудряшова видит диалогичный потенциал у так называемого легального фундаментализма, но только в рамках нового мировоззрения, воспринимающего мир как целостную систему⁶⁸. Пока же, следует признать, что если одной из сторон межцивилизационного, внутрицивилизационного или трансцивилизационного взаимодействия является фундаменталистское сообщество, взаимодействие будет носить конфликтный характер. Во всех иных случаях существует возможность для диалога, при этом постсекулярные сообщества более диалогичны, чем секулярные. При определенных условиях они могут вступать в диалог даже с фундаменталистскими сообществами. Диалог практически гарантирован в отношениях между постсекулярными сообществами. Такой вывод

⁶⁸ Кудряшова И.В. Фундаментализм в пространстве современного мира // Полис. Политические исследования. 2002. №1. С. 66.

довольно печален. Он означает, что диалог гарантирован только внутри христианской цивилизации (между ее постсекулярными сообществами), внутри и между нехристианскими цивилизациями диалог возможен, но не гарантирован.

Дальнейшее исследование отношений между различными цивилизационными сообществами может заключаться в выявлении значения литературного фактора в склонности к диалогу или столкновению между ними.

Введение литературоведения в политологический анализ отношений между цивилизациями раскрывает широкое пространство для междисциплинарных исследований. Интересен также вопрос об определении терминологии фундаментализм, секуляризм, постсекуляризм в восточных религиях, в первую очередь конфуцианстве, которое в строгом смысле слова религией не является.

1.5. Значение прогноза развития отношений между локальными человеческими цивилизациями в Евразии⁶⁹

Единственным уделом не знающего и не понимающего причин конфликта субъекта оказывается нескончаемая борьба со следствиями, потеря темпа и, в конечном счете, поражение⁷⁰

эксперты В. Овчинский, Е. Ларина,

... де-факто мир в своем развитии вступил в межвоенный период⁷¹

*К. Боришполец,
профессор МГИМО*

Любой прогноз развития МО в мире, в конечном счете, исходит

⁶⁹ Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 32–35.

⁷⁰ Овчинский В., Ларина Е. Холодная война 2.0 / Эл. ресурс: «Изборский клуб». 2014.04.12 / <http://www.dynacon.ru/content/articles/4224/>

⁷¹ Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки: монография / под ред. А. И. Подберезкина, К. П. Боришполец. МГИМО. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 13.

из прогноза соотношения сил и возможностей в Евразии. Прежде всего США–КНР–России, которые окажут решающее влияние на ситуацию в мире. Вот и прогноз «Общая оперативная обстановка в мире. 2035», подготовленный Центром технической информации Министерства обороны США, в июле 2016 года, свидетельствует о том, что главными политическими игроками к этому времени станут США–Россия–Китай. Причем именно последние (а также некоторые акторы) будут угрожать мировому порядку, прежде всего, через изменение баланса сил в регионах⁷². Таким образом, от уровня, характера и качества отношений между ЛЧЦ в отдельных регионах, но, прежде всего, в Евразии, в решающей степени зависит развитие всей международной обстановки и реализация того или иного сценария и даже варианта ее развития.

Еще в первом десятилетии XXI века именно негативное развитие отношений между западной, исламской и российской ЛЧЦ в Евразии привело к обострению не только межгосударственных отношений, но и всей ситуации в мире. В основе этого поворота во внешней политике западной ЛЧЦ находилось стремление силовым способом сохранить сложившуюся систему военно-политических и финансово-экономических отношений, а также норм, процедур и правил, в условиях усиления других ЛЧЦ и центров силы.

Именно в то время западная ЛЧЦ попыталась «зафиксировать» состояние мировой обстановки на уровне 2001 года, заявив, что будет любыми способами препятствовать попыткам ее изменения. Именно ею тогда был выбран сценарий военно-силового противоборства между ЛЧЦ, который реализуется через развитие соответствующих сценариев МО и ВПО, предполагающих обострение международной обстановки, внутривнутриполитическую дестабилизацию во всех других ЛЧЦ и странах. Как откровенно признает Дж. Фридман, «...по-настоящему XXI век начался... 11 сентября 2001 года, когда самолеты протаранили башни Всемирного торгового центра и Пентагон... США..., безусловно, выполнили свои стратегические задачи. Представляется очевидным, что эта война, как и любая другая, приближается к своему финалу, каким бы он ни

---

⁷² Joint Operating Environment (JOE) 2035. The Joint Force in a Contested and Disordered World. 14 July, 2016.

был»⁷³. Иными словами, США, как лидер западной ЛЧЦ, выбрали войну с другими ЛЧЦ, которая вскоре, по их мнению, должна была закончиться победой западной ЛЧЦ.

Этот вывод обязывает к очень многому, даже если оговориться, что понятие «победа» западной ЛЧЦ требует пояснений: во всяком случае, это не традиционная победа, понимание которой сегодня лишь мешает трезвой оценке реальности. Победа одной ЛЧЦ над другой это не оккупация территории и даже не разгром ВС врага и его коалиции, это навязывание его правящей элите норм поведения, системы ценностей и правил, которые необходимы победителю. Это не ликвидация военного потенциала, но фактически лишение страны суверенитета и национальной идентичности. Вот почему необходимо подробнее остановиться именно на сути и содержании противоборства современных ЛЧЦ и отношений между ними, которые определяют развитие МО в будущем.

Напомним, что среди известных четырех основных групп факторов, влияющих на формирование МО, традиционно ведущую роль играла группа, в которой представлены главные субъекты международных отношений — суверенные государства (как признанные, так и не признанные), нации и локальные человеческие цивилизации. Собственно говоря, вся история человечества, войн и международных отношений, это история отношений наций, государств и ЛЧЦ.

ЛЧЦ представляют собой более чем один субъект МО и, как правило, в той или иной степени являются политически и юридически оформленной коалицией или союзом, объединяющими более чем одно государство. У этого правила есть некоторые исключения — конфуцианский Китай, который называется нацией, являясь на самом деле локальной цивилизацией, а также Индия. Однако надо признать, что обе эти ЛЧЦ выходят далеко за пределы государственных границ КНР и Республики Индия, распространяясь по всему региону АТР и Евразии.

Локальная человеческая цивилизация — как социокультурная общность⁷⁴ — не имеет абсолютно четких границ потому, что куль-

⁷³ Friedman G. The Next 100 Years: A Forecast for the 21st Century / Doubleday, 2009. — P.21 / eKnigi.org

⁷⁴ **Локальная человеческая цивилизация (ЛЧЦ)** — зд.: определенная

турная самоидентификация не только отдельных стран, но и социальных групп (и даже людей) может быстро меняться. Яркими примерами являются Австралия, Новая Зеландия и даже Япония, а также ряд других государств, ставших частью западной ЛЧЦ. В каждый исторический отрезок времени отдельные нации, социальные группы и даже конкретные личности могут меняться под воздействием внешних и внутренних причин. Так, самоидентификация значительной части граждан Украины по принадлежности к современной западной ЛЧЦ⁷⁵ произошла в последние 25–30 лет под влиянием внешних сил и внутренних процессов, имевших в значительной степени инспирированный и организованный западной ЛЧЦ характер.

Стратегический прогноз развития отношений между ЛЧЦ — первое и обязательное условие стратегического прогноза развития того или иного сценария МО и даже его варианта. Так, выбор на рубеже XXI века западной ЛЧЦ политики силы предопределяет вектор развития отношений с ними. С практической военно-политической точки зрения это означает, что в 2000–2001 годах США, как лидер западной ЛЧЦ, сделали ставку на развитие силовых сценариев МО и их вариантов, которые в той или иной степени должны будут реализоваться в конкретных военно-силовых сценариях развития военно-политической обстановки.

Для России это означает, что уже почти 20 лет США и их союзники по ЛЧЦ фактически реализуют такой силовой сценарий развития МО, когда Россия и другие ЛЧЦ должны — постоянно и во всех областях жизнедеятельности — стоять перед жестким выбором: либо безусловное подчинение правилам и нормам западной ЛЧЦ, либо силовое (в т.ч. военное, если необходимо) противостояние, включающее санкции, внутривнутриполитическую дестабилизацию, давление на правящую элиту, беспрецедентную информационную войну и т.п. Очень образно эту ситуацию изобразил еще в 2014 году

часть общества, проживающая на конкретной территории, объединенное общей системой ценностей, историческим наследием и видением общего будущего.

⁷⁵ **Современная локальная человеческая цивилизация** — зд.: конкретная часть общества, проживающего на определенной территории в современный период, объединенные общей культурой, системой ценностей, историей и видением общего будущего.

Рис. 1.6. Геополитическая ситуация в мире: ключевые положения оценки МО в начале XXI века

советник НГШ ВС РФ И. Попов⁷⁶.

Подобное видение отношений между ЛЧЦ с начала XXI века не стало нормой. Постепенно, в особенности, после военного конфликта в Грузии в 2008 году, и затем на Украине, это понимание стало охватывать все большую часть российской правящей элиты. Ключом, сутью такого понимания является описанный еще в начале 90-х годов XX века С. Хантингтоном неизбежный конфликт цивилизаций, оценки которого старались, долгое время не замечать даже тогда когда они подтверждались на самом высоком политическом уровне. Так, в июле 2016 года на съезде Демократической партии США Б. Обама сказал о неизбежном конфликте геополитических интересов двух центров силы — России и США. Аналогичные многочисленные признания звучат и от союзников США в Европе и в АТР.

⁷⁶ Попов И. М. Доклад «Война — это мир: невоенные аспекты обеспечения безопасности государства». 2014. Апрель. — М.: МГИМО–Университет / <http://eurasian-defence.ru/>

1.6. Евразийский ТВД: современное представление о роли экспансии западной локальной человеческой цивилизацией⁷⁷

С окончанием холодной войны подходит к концу и западная фаза развития международной политики. В центр выдвигается взаимодействие между Западом и незападными цивилизациями⁷⁸

*С. Хантингтон,
политолог*

Современное западное понятие расы ... сформировалось в ходе экспансии западного общества, начавшееся в конце XV в., и продолжающейся до наших дней⁷⁹

*А. Тойнби,
английский философ*

Целый ряд политиков и ученых в XXI веке предсказывали, что решающую роль в МО будущего будет играть способность контролировать ситуацию в Евразии. В разной степени, но эти оценки сохранились и до сегодняшнего дня, более того, легли в основу стратегии западной ЛЧЦ, которая сместила центр своего влияния из Европы в Северную Америку. «Центр силы» стал размещаться в XXI веке в Северной Америке, из которого США успешно контролируют всю «периферию» от Европы до АТР, — контролируя два океана: Атлантический и Тихий.

Как известно, США довольно успешно развивают созданную ими коалицию (насчитывающую порядка 50 государств), которую они регулярно апробируют как военный инструмент в Евра-

⁷⁷ См. подробнее: Локальные цивилизации — основные субъекты международных отношений / В кн. *Подберезкин А. И., Соколенко В. Г., Цырендоржиев С. Р.* Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 129–142.

⁷⁸ *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations? // *Foreign Affairs*, 1993. Summer / <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1993-06-01/clash-civilizations>

⁷⁹ *Тойнби А. Хантингтон С.* Вызовы и ответы. Как гибнут цивилизации. — М.: ООО «ТД Алгоритм», 2016. — С. 16.

зии: в Ираке, Афганистане, Ливии и в Сирии, а в качестве политико-экономического инструмента в виде Транстихоокеанского и Трансатлантического партнерств. Эти «партнерства» фактически охватывают крупнейшие евразийские государства–цивилизации — Россию и Китай, — изолируя их от остального мира с политической, геополитической и торгово-экономической точек зрения. Как пишет в своем долгосрочном прогнозе Дж. Фридман, «...страна, чьи берега омываются двумя океанами, стала ведущим игроком современности... Северная Америка заменила Европу в качестве мирового центра притяжения, и тому, кто будет господствовать в Северной Америке, фактически гарантирована роль доминирующей мировой державы. В XXI веке (как минимум) такой державой будут США⁸⁰.

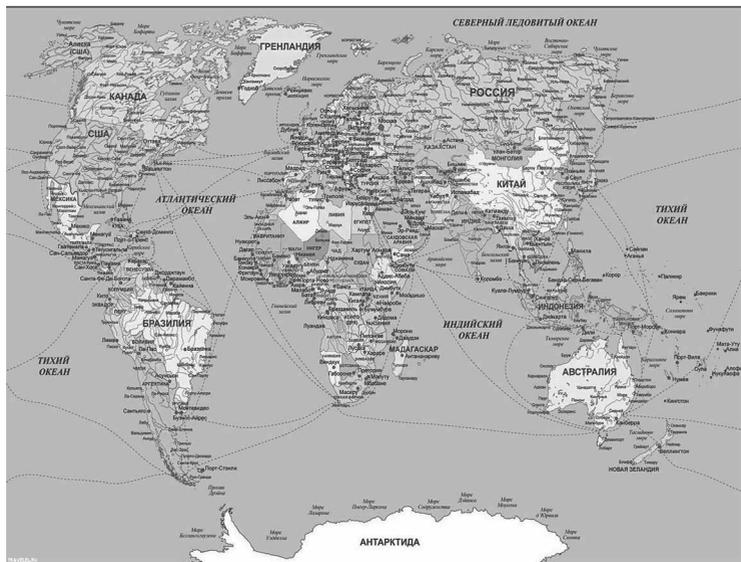
Забегая вперед, можно только удивляться политической наивности (предательству) М. Горбачева и части советско-российской элиты, которые отказывались понимать, что за политикой Запада в Евразии стоит самая примитивная экспансия ЕС и НАТО в Евразии.

США очень серьезно, принципиально, выиграли от своего позднего участия в европейских войнах XX века, став во многом именно благодаря этому ведущей державой в мире. Опыт подсказывает правящей элите США, что новая война между ЛЧЦ должна развиваться именно поэтому, прежде всего, на евразийском ТВД, когда против своих основных потенциальных глобальных противников — ЛЧЦ Китая и России — можно будет использовать весь потенциал западной ЛЧЦ от европейских держав и союзников США в исламском мире (на западе, юго-западе и юге) до Японии, Австралии, Новой Зеландии и других государств на Дальнем Востоке и Юго-Востоке Евразии. Мобилизация партнеров и союзников и использование их ресурсов и территории является главной целью военной стратегии США в XXI веке. Это возможно только противопоставив западную ЛЧЦ другим ведущим ЛЧЦ, прежде всего, российской и китайской.

Превращение ЛЧЦ в главные факторы мировой политики, — субъекты, формирующие современную МО, до настоящего вре-

---

⁸⁰ *Friedman G. The Next 100 Years: A Forecast for the 21st Century / Doubleday, 2009. P.5 / <http://eknigi.org/>*

Рис. 1.7. Евразийский ТВД

мени уступает в российской элите традиционным представлениям о роли наций-государств, существовавшим прежде. После некоторого (впрочем, незначительного) всплеска интереса начала 90-х годов наступило затишье. Соответственно и главное современное противоречие — противоречия между изменением в соотношении сил между ЛЧЦ и новыми центрами силы, с одной стороны, и категорическим нежеланием западной ЛЧЦ признать и воспринять эту реальность, с другой стороны, — остается вне должного внимания. Это не позволяет в полной мере ни эффективно анализировать современную обстановку в мире и в Евразии, ни, тем более, прогнозировать ее развитие на перспективу⁸¹. Все основные концепции, планы и расчеты строятся по-прежнему на анализе военных потенциалов государств и их коалиций.

Между тем, если исходить из этой логики, то главные события будут развиваться в Евразии, которая станет полем неизбежного

⁸¹ См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 3. — М.: МГИМО–Университет, 2011.

столкновения традиционных ЛЧЦ, набирающих силу (китайской, индийской, российской, западной), а также возможно будет связано с появлением новых центров силы, которые станут реализацией мощи других ЛЧЦ, — исламской, индонезийской, турецкой. В этой связи необходимо еще раз вернуться к пониманию современной сути ЛЧЦ применительно к Евразии.

В современной литературе существует много достаточно расплывчатых определений ЛЧЦ. В частности, один из авторов описывает их следующим образом: «В современной науке существуют два основных подхода к локальной цивилизации. Один из них восходит к немецким романтикам, славянофилам, О. Шпенглеру, К. Леонтьеву и др., которые рассматривали локальную цивилизацию, прежде всего, с точки зрения порождаемых ею духовных ценностей и придавали особое значение религии.

Другой разрабатывался Данилевским, Милюковым, евразийцами, школой „Анналов“. Сторонники этого подхода усматривают в локальной цивилизации систему, состоящую из множества различных компонентов (в их число входят и религиозно-этические ценности), которые в той или иной степени взаимодействуют, влияют друг на друга, создавая в итоге единое целое. Так, Данилевский писал о совмещении в культурно-историческом типе разнообразных „планов развития“: религиозного, социального, бытового, промышленного, политического, научного, художественного, одним словом, исторического... Сходных позиций придерживаются и представители школы „Анналов“ — не только старшего поколения, но и наши современники. Преимущество второго подхода состоит в комплексном, объемном видении цивилизации, кроме того, он имеет богатые традиции в отечественной цивилиографии»⁸².

Локальная цивилизация, таким образом, обычно определяется как большая социокультурная общность (во многих случаях надгосударственная, наднациональная и надконфессиональная), которая существует длительное время, имеет относительно устойчивые пространственные границы, вырабатывает специфические формы экономической, социально-политической и духовной жизни и осу-

---

⁸² Миртисен / <http://s30556663155.mirtesen.ru/blog/43638702710/Lokalnyie-tsivilizatsii>

ществляет свой, индивидуальный путь исторического развития.

Прежде всего, необходимо выделить эти ЛЧЦ в качестве субъектов МО, формирующих глобальную (мировую) и региональную (евразийскую) обстановки. И здесь традиционно-политологический подход может помочь только для понимания содержания понятия «цивилизации». Так, Данилевский — на основании языковых групп — выявил 15 культурно-исторических типов, среди которых три (кельтский, мексиканский и перуанский) погибли насильственной смертью, не завершив цикла своего развития, и еще два — Россия и США (новоамериканский), по его мнению — только начинали формироваться. К остальным относятся: египетский культурно-исторический тип, ассиро-вавилонно-финикийско-халдейский, китайский, индийский, иранский, иудейский, греческий, римский, аравийский и западноевропейский (романо-германский).

Шпенглер насчитал восемь «высоких культур». Это египетская, вавилонская, индийская, китайская, греко-римская (аполлоновская), арабская (магическая), западноевропейская (фаустовская) и мексиканская. Кроме того, немецкий философ указывал на возможность приобщения к этому списку великой русской культуры. Тойнби предложил свою классификацию. Его перечень сначала включал 23 локальные цивилизации, а к концу работы над «Исследованием истории» число возросло до 37⁸³:

Перенос акцентов в конкурентной борьбе в мире на уровень ЛЧЦ в XXI веке привел к резкому усилению значения культурно-цивилизационных факторов влияния на формирование МО и постепенное оформление мировых центров силы в качестве центров современных ЛЧЦ, имеющих, как правило, форму военно-политических, экономических и иных союзов и объединений. Это потребовало более прагматического политического подхода.

Понятно, что традиционные определения достаточно широко описывают современное явление ЛЧЦ, предоставляя определенное право для различных современных толкований и включения в ту или иную ЛЧЦ различных субъектов МО. Так, по-нашему мнению, западная ЛЧЦ в 2016 году включала как страны ЕС и США, с одной стороны, так и Японию, Австралию и Н. Зеландию, — с дру-

⁸³ Миртисен / <http://s30556663155.mirtesen.ru/blog/43638702710/Lokalnyie-tsivilizatsii>

гой. В это же объединение постепенно начинают входить и такие страны, которые по этническим, религиозным, историческим и пр. основаниям традиционно не ассоциируются с западной ЛЧЦ — Болгария, Израиль, Сербия, т.е. граница, разделяющая членов одной ЛЧЦ от другой, — условна и может двигаться. И пример с Украиной это наглядно показывает.

То же самое в полной мере можно сказать о китайской, исламской, латиноамериканской, российской и др. ЛЧЦ, состав которых может также меняться в зависимости от многих, в т.ч. политических, причин. Тем не менее, можно говорить о том, что поляризация отдельных ЛЧЦ и связанных с ними стран в XXI веке становится уже не просто фактом, а доминирующим процессом, определяющим влияние всей группы факторов, в которую входят субъекты формирования МО. В фундаменте этого процесса находятся не только традиционная система ценностей и доминирующие национальные интересы, но и политический расчет на выживание и существование того или иного субъекта МО в XXI веке.

Таким образом, в мире и в Евразии, в частности, мы встречаемся с таким усиливающим свое влияние феноменом как локальная человеческая цивилизация, который:

- **во-первых**, становится базовым субъектом для формирования МО и региональной международной обстановки. Это означает, что именно ЛЧЦ будет оказывать самое сильное влияние в XXI веке на МО на евразийском континенте, а именно:
  - западная ЛЧЦ;
  - восточно-православная ЛЧЦ;
  - исламская ЛЧЦ;
  - китайская ЛЧЦ;
  - индийская ЛЧЦ;

Эти ЛЧЦ будут формировать центры силы, в которые будут входить самые разные страны, принадлежащие к самым разным цивилизациям Евразии.

- **во-вторых**, наиболее сильные ЛЧЦ будут стремиться захватить контроль над всей Евразией. Это, прежде всего, западная ЛЧЦ, которая будет расширять политическую, экономическую и военную экспансию, прежде всего, за счет государств, принадлежавших прежде к СЭВ и ОВД, а теперь уже и за счет вытеснения и раздела России. Этот процесс будет проходить

в порядке приоритетности: сначала бывшие страны ОВД и СЭВ, которые включаются в систему ЕС–НАТО, затем — прибалтийские государства, потом — Украина и Беларусь, затем Россия и Казахстан, а также бывшие республики Средней Азии.

- **в-третьих**, очевидно, что экспансия стран-членов ЕС–НАТО в Евразии будет иметь преимущественно политический и экономический, а только затем — военный и цивилизационный характер.

Огромное значение для понимания политического характера современной МО в Евразии имеет представление о роли отдельных локальных цивилизаций и существующими между этими ЛЧЦ противоречиями. Естественно, что если отрицается само существование ЛЧЦ и их влияние, то говорить о роли и значении противоречий между ЛЧЦ бессмысленно. Особенно важно, например, понимать приоритетное значение этих противоречий для формирования МО и современного характера международных отношений с точки зрения выбора лидерами этих ЛЧЦ наиболее эффективных средств борьбы и противодействия враждебным стратегиям других ЛЧЦ. Суть противоборства из-за Украины в 2014–2016 годах можно понять только исходя из понимания противоборства двух ЛЧЦ в Евразии.

В той же мере это важно для понимания сути глобального противоборства между ЛЧЦ в мире. Так, очевидно, например, что усиление роли локальных человеческих цивилизаций Китая, Индии, стран АТР в мировой политике, неизбежно вытекает из роста численности населения этих ЛЧЦ и входящих в них стран и соответствующего увеличения их НЧК, а тем более, когда его огромное преобладание над другими ЛЧЦ⁸⁴ достигает критических величин. Понимание этой особенности развития человеческой цивилизации и формирования МО объясняет, например, почему в 2000–2016 годы именно эти ЛЧЦ и их страны-лидеры — Индия, Китай, государства Юго-Восточной Азии обеспечили наиболее высокие темпы роста ВВП (5–6 и даже 7%) на фоне стагнации государств западной ЛЧЦ.

---

⁸⁴ Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 1–3. — М.: МГИМО–Университет, 2011–2013 гг.

Признание значения этой особенности развития НЧК для формирования МО ведет к объяснению, например, причин усиления внешнего давления на Россию в последние годы — санкции, снижение цен на сырье, эмбарго и пр. действия политического, финансово-экономического и даже гуманитарного характера, — которые привели к кризису в России 2013–2016 годов и в отношениях с Западом. Причем развитие этого кризиса свидетельствовало о консолидации тех или иных формально независимых, суверенных субъектов МО вокруг стран-лидеров ЛЧЦ — США и России — по самым разным, порой незначительным, поводам (вроде закрытия воздушного пространства для России при оказании гуманитарной помощи Сирии Болгарией — в сентябре 2015 года). Кризиса в экономике (но не внутривнутриполитического), который сопровождался невиданной со времен «холодной войны» кампанией русофобии. Очевидно, что для западной ЛЧЦ Россия является не просто одним из субъектов МО или нацией — носителем определенных цивилизационных признаков, а целой конкурирующей ЛЧЦ, обладающей огромным НЧК, который в случае его полного использования, может привести к появлению в МО полноценной и суверенной ЛЧЦ (опирающейся на «российское ядро»), не контролируемой западной ЛЧЦ. Более того, препятствующей ее планам по взятию контроля над Евразией.

Примеры последних лет свидетельствуют о том, что даже в условиях растущей изоляции и кризиса Россию продолжают бояться. Прежде всего, из-за ее огромного природного и духовного ресурсного потенциала⁸⁵. Этот огромный политический, ресурсный и экономический потенциал кроется в развитии российской ЛЧЦ, концентрирующей вокруг «российского ядра» евразийскую цивилизацию. Н. Трубецкой еще в 20-е годы прошлого века писал по этому поводу (что, кстати, легло в основу современного беспокойства Запада): «Наша задача — создать полностью новую культуру... которая не будет походить на европейскую цивилизацию... , когда Россия перестанет быть искаженным отражением европейской цивилизации... когда она снова станет собой: Россией–Евразией...»⁸⁶.

⁸⁵ Подберезкин А. И. Боришполец К. П., Подберезкина О. А. Евразия и Россия. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 97–105.

⁸⁶ Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. — М.: Международные отношения, 2010. — С. 134.

Таким образом, с политической точки зрения в Евразии в начале XXI века столкнулись интересы нескольких ЛЧЦ, ставших ведущими факторами мировой политики, — западной ЛЧЦ, российской, китайской, исламской и индийской. Объективно это столкновение привело к ускорению развития военно-силового сценария МО в Евразии потому, что западная ЛЧЦ поставила своей целью взять под контроль не только восточно-европейскую часть Евразии, но и Россию и страны Средней Азии.

Одновременно в интересах своей внешней экспансии ЕС и НАТО сделали максимум возможного для дестабилизации режимов в тех странах, которые могли противодействовать установлению полного контроля в Евразии западной ЛЧЦ, что, в свою очередь, привело к серии переворотов. По сути дела, начавшиеся в конце 80-х годов в Европе «бархатные революции» продолжились затем в Афганистане, Ираке, Ливии, Тунисе, Йемене, Сирии, Грузии и др. странах Евразии. Общим знаменателем для них является только одно — экспансия ЕС–НАТО.

1.7. Соотношение сил между Россией и западной локальной человеческой цивилизацией и реализация ими противоборствующих стратегий

Задача военно-технического прогнозирования становится еще более актуальной, если принять во внимание, что Совет безопасности России, к примеру, анализирует угрозы с горизонтом не более 12 лет, т.е. ниша ... «военно-политической прикладной футурологии» остается, по сути дела, вакантной

А. Фролов

Рассматривая проблему соотношения сил между ЛЧЦ в Евразии, необходимо подчеркнуть, что если экономическая мощь США составляет порядка трети от коалиционной (куда включаются экономика стран-членов НАТО, Японии, Австралии, а также целого ряда других стран), то собственно военная мощь США (включая военные расходы) составляет более половины всей военной

Коалиционный потенциал

Цивилизации	западно-европейская	восточно-европейская	северо-американская	океаническая	русская	китайская	индийская	японская	арабо-мусульманская	буддийская	африканская
западно-европейская	1	5	0,8	9	5	5	7	4	7	7	9
восточно-европейская		1	0,2	8	3	3	5	2	5	6	8
северо-американская			1	9	7	7	7	7	8	8	9
океаническая				1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
русская					1	1	2	0,9	0,8	5	5
китайская						1	1	4	4	7	8
индийская							1	3	2	5	7
японская								1	0,6	2	5
арабо-мусульманская									1	7	8
буддийская										1	1
африканская											1

мощи, а в некоторых областях и видах вооружений значительно больше. Это означает, что простое механическое сравнение мощи восточной и западной ЛЧЦ, например, невозможно. Так же как и китайской, индийской и любой другой: необходим широкий выбор критериев и показателей для сравнения.

Так, в качестве примера для сравнения можно взять военно-экономический потенциал локальных человеческих цивилизаций, который играет все более важное значение по отношению только к военно-экономическому потенциалу государств и наций, иногда в несколько раз превосходя его по объему и качеству.

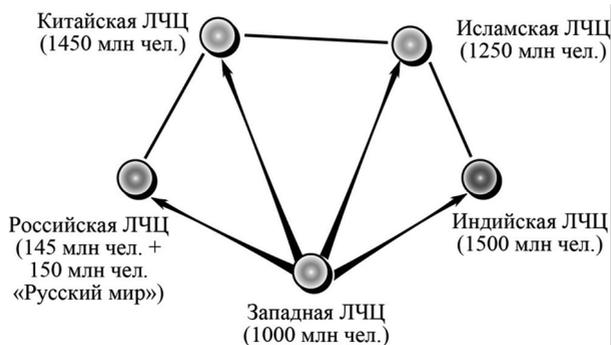
Анализируя эти данные, неизбежно приходишь к выводу о ведущем значении возможных коалиций ЛЧЦ, которые будут создаваться и развиваться в Евразии. И не только вполне ясных и логически понятных, как, например, западноевропейская и североамериканская ЛЧЦ, которые вместе составляют западную ЛЧЦ и единую военно-политическую и финансово-экономическую коалицию, но и японская и индийская ЛЧЦ, от вхождения которых в тот или иной блок существенно, даже радикально, зависит будущее противоборство. Так, например, от того, чью

Оценка вклада различных потенциалов цивилизаций и наций в совокупный военный потенциал цивилизации (страны)

	Военно-экономический потенциал	Военно-политический потенциал (нематериальный)	Военный потенциал	Управленческий потенциал	Потенциал человеческого развития	Коалиционный потенциал
Военно-экономический потенциал	1	0,3	0,7	0,25	0,75	5
Военно-политический потенциал		1	0,5	0,5	0,5	3
Военный потенциал			1	0,5	1	3
Управленческий потенциал				1	0,5	0,25
Потенциал человеческого развития					1	2
Коалиционный потенциал						1

сторону в международных конфликтах (в ООН, СМИ и пр. дипломатической и экономической борьбе) занимает и будет занимать Индия, принципиально зависит расстановка сил после 2040 года. Индия — страна-цивилизация — по своему демографическому, экономическому, военному потенциалу еще только заявляет об активной позиции на международной арене. И не случайно то, что в 2016 году в планах МО США она занимала ведущее место.

Особенно важное значение для определения роли военной силы в МО в XXI веке приобретает военно-политический потенциал ЛЧЦ, который фактически представляет собой всю интегрированную мощь ЛЧЦ и их коалиций. Очень условное представление о соотношении сил в военно-политической области в 2016 году могут дать следующие оценки экспертов (Таблица «Оценка вклада различных потенциалов цивилизаций и наций в совокупный военный потенциал цивилизации (страны)»).

Рис. 1.8. Новые центры силы ЛЧЦ, развивающиеся на базе национального человеческого капитала

Ключевым ресурсом при формировании такого явления как локальная человеческая цивилизация стал национальный (цивилизационный) человеческий капитал. На его основе формируются, в свою очередь, политические центры силы и военно-политические коалиции.

Как видно на рисунке (рис. 1.8), за исключением российской ЛЧЦ (в ее нынешнем, урезанном виде) остальные ЛЧЦ вполне сопоставимы по количественным показателям уже в настоящее время и будут еще в более сопоставимом положении к 2040 году. Сокращение численности некоторых ЛЧЦ относительно других ЛЧЦ не имеет принципиального значения потому, что гораздо важнее становится качество НЧК ЛЧЦ, прежде всего, способность к творчеству и самоорганизации.

Противостояние стратегий российской и западной ЛЧЦ происходит не только при качественно разном (в несколько раз) соотношении сил, но и в условиях создания принципиально новых средств ведения противоборства и разработки способов их применения. Прежде всего, у западной ЛЧЦ, которая оказывается в этих условиях более гибкой и мобильной. К сожалению, если говорить о стратегии (т.е. способах применения инструментов политики), то российская сторона оказывается более традиционной и консервативной. Так, существующая стратегия «стратегического сдерживания» не просто исключительно оборонительная, но и ограничена традиционными

политическими средствами, которые перечислены в последней редакции Стратегии⁸⁷.

Между тем Запад активно спешит с разработкой принципиально новых силовых средств и способов их использования, которые объединяются в политику «новой публичной дипломатии» — синтез всех силовых средств и способов принуждения. Так, например, российский эксперт Е. Зиновьева подчеркивает по этому поводу: «Термин цифровая дипломатия, распространенный наряду с понятиями интернет-дипломатия, дипломатия социальных сетей и Web 2.0 дипломатия, впервые начали использовать применительно к внешней политике США. В частности, под ним подразумевалось широкое использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), в том числе новых медиа, социальных сетей, блогов и тому подобных медиаплощадок в глобальной сети для содействия государственным органам для осуществления функций и коммуникаций по вопросам, связанным с внешнеполитической повесткой дня. В настоящее время программы цифровой дипломатии реализуются не только США, но и рядом других государств. В частности, возможность перехода к цифровой дипломатии рассматривается также государствами НАТО⁸⁸.

Правительство США определяет также цифровую дипломатию как применение социальных сетей в дипломатической практике правительства США для обеспечения взаимодействия американских дипломатов с зарубежными пользователями интернета⁸⁹. Цифровая дипломатия США — одно из направлений публичной дипломатии, ориентированной на вовлечение в дипломатическую практику широких слоев населения, а не на взаимодействие с политической и дипломатической элитой зарубежных государств. Как отмечает другой российский исследователь Н. Цветкова, методами публичной дипломатии Web 2.0 являются «размещение радио- и телепередач в сети интернет, распространение в открытом доступе

⁸⁷ Путин В. В. Указ Президента РФ №683 от 31 декабря 2015 г. «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

⁸⁸ Зиновьева Е. Цифровая дипломатия, международная безопасность и возможности для России / Индекс безопасности. — №1(104), — Т. 19. — С. 213 / <http://www.pircenter.org/media/content/files/10/13559069820.pdf>

⁸⁹ IT Strategic Plan: Fiscal Years 2011–2013 — Digital Diplomacy / <http://www.state.gov/m/irm/rls/148572.htm>

литературы о США в цифровом формате, мониторинг дискуссий в блог-пространстве, создание персонифицированных страничек членов правительства США в социальных сетях, а также рассылка информации через мобильные телефоны»⁹⁰.

Ключевым для понимания сути цифровой дипломатии является тот факт, что она представляет собой технологический инструмент. В основе внешней политики и цифровой дипломатии Соединенных Штатов заложены идейные основания, которые эффективно воплощают бизнес-модель и информационная политика Google, Facebook, Twitter и других компаний американской интернет-индустрии — и прежде всего ценность демократии и либеральных свобод. Философские основы цифровой дипломатии были изложены в трудах Энн-Мэри Слотер, которая с 2009 по 2011 г. занимала пост директора по политическому планированию в Государственном департаменте США. В частности, по мнению госпожи Слотер, государства, обладающие наиболее налаженными и разветвленными информационными каналами и коммуникациями, способны определять глобальную повестку дня.

В 2010–2011 гг. Белым домом были опубликованы несколько официальных документов, задающих направления цифровой дипломатии. В их числе был документ «Публичная дипломатия: укрепление взаимодействия Соединенных Штатов с миром», где обозначались задачи, определяемые руководством США для цифровой дипломатии. В частности, в список таких задач вошли:

- дискредитация идеологических противников Соединенных Штатов;
- противодействие информационной деятельности Китая в интернете;
- ограничение медиа-присутствия России на пространстве бывшего Советского Союза;
- противодействие внешней культурной политике Ирана, осуществляемой через социальные сети.

---

⁹⁰ Цветкова Н.А. Программы Web 2.0 в публичной дипломатии США / США и Канада: экономика, политика, культура, 2011. — №3.

ГЛАВА 2

Модель развития наиболее вероятного долгосрочного сценария международной обстановки и его вариантов в Евразии¹

---

¹ См. подробнее: *Подберезкин А.И., Соколенко В.Г., Цырендоржиев С.Р.* Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — 464 с.

В последние десятилетия в мире наблюдался целый ряд макроструктурных изменений в системе международных отношений.

Они носят долговременный, трансформационный характер и определяют базовые параметры угроз и вызовов безопасности...

А. Кокошин, В. Бартнев

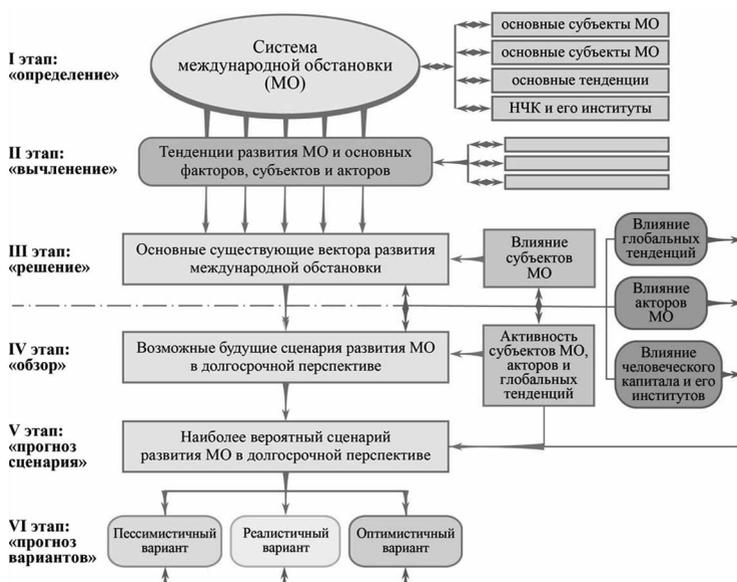
... общепринятая парадигма — наиболее общая модель мира, а также общепринятый метод принятия решений и совокупность представлений о разных сферах жизнедеятельности ЛЧЦ

*А. Подберезкин,
профессор МГИМО*

Долгосрочный прогноз на 20–30 лет означает, прежде всего, попытку прогноза существующих тенденций и современных парадигм мирового развития. Переход человечества на новую стадию развития означает, как правило, качественный («фазовый») переход во всех областях жизнедеятельности. Если говорить о международной политике, то это означает не только коренную логику политических, правовых и экономических представлений, но и социальных, военных и технологических, но, особенно, гуманитарных.

В процессе анализа и прогноза разрабатываются как самая общая логико-теоретическая модель развития МО и сценариев (и вариантов) МО, так и эмпирическая, причем как первая, так и вторая, взаимно дополняют друг друга и не должны (в идеале) вступать в радикальные противоречия, исключающие полностью один из двух анализов. Эта логико-теоретическая модель МО и стратегического прогноза уже использовалась выше, но в данном случае она должна обосновать именно долгосрочный прогноз.

На рисунках ниже даны обе эти общие логические модели, которые отображают общую логику развития сценариев МО и их вариантов без анализа их содержания, вероятности реализации или степени влияния на мировую политику. Так, с учетом

Рис. 2.1. План-схема логико-теоретического построения модели развития МО на стратегическую перспективу

вышесказанного, самую общую схему построения стратегического прогноза сценария развития МО можно представить в виде следующего рисунка². Речь, подчеркнем, идет именно о самой общей логико-теоретической модели МО, без которой, однако, невозможно обойтись потому, что все последующие действия должны будут вписываться именно в эту логику и именно в обозначенные этапы. Так, нельзя, например, сразу переходить к обозначению наиболее вероятного сценария (а тем более его вариантов) развития МО без обоснования предыдущих этапов.

План-схема предполагает учет и последовательность шагов для построения модели долгосрочного прогноза развития сценария МО и его вариантов. В нем ключевое внимание уделяет-

² Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрова. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 78.

ся «переходному периоду» (от III к IV этапу), когда реальность перерастает в текущий прогноз, из которого, в свою очередь, на V этапе выбирается наиболее вероятный прогноз и его варианты. Эта общая план-схема построения стратегического прогноза будет конкретизирована ниже.

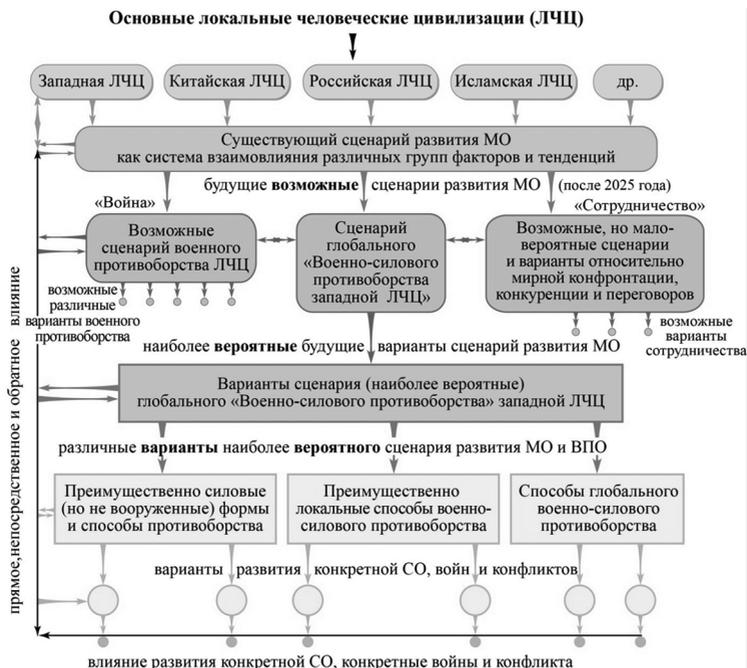
Из рисунка видно, как формируется основной вектор развития международной обстановки и как он влияет на формирование будущей МО. Этот вектор также является определяющим для возникновения различных сценариев развития МО. Вместе с тем, рисунок также показывает, что этот вектор постоянно находится под прямым воздействием влияния и активности различных государств и других международных акторов, а также глобальных тенденций, что неизбежно, вносит коррективы в его состояние. Очевидно, что чем сильнее это влияние, тем радикальнее оно сказывается на тех или иных сценариях развития МО и их вариантах. Так, например эмиграция в Европу в 2015–2016 годах резко активизировала настроения против ЕС, что в свою очередь, привело не только к известным результатам референдума в Великобритании, но и усилению антиевропейской кампании в Нидерландах, Греции, Италии, Испании, а также росту экстремизма и терроризма на континенте.

2.1. Значение относительно постоянных факторов и тенденций для долгосрочного прогноза международной и военно-политической обстановки

... сегодня и в обозримом будущем, мы должны уделять растущее внимание угрозам, которые нам создают некоторые акторы (субъекты МО)

Национальная военная стратегия США, июнь 2015 г.

При всей важности для долгосрочного прогноза феномена неизбежной смены парадигм, нельзя не учитывать, что сама его вероятность зависит от целого ряда относительно постоянных факторов и тенденций, на влияние которых радикальная смена

Рис. 2.2. Логико-теоретическая модель развития сценариев (и их вариантов) МО и ВПО–СО после 2025 года

парадигм не повлияет. Причем речь идет о том, что такими стабильными факторами становятся не количественные показатели, а идеи и концепции. Так, появление и стремительное развитие ВТО вот уже 25 лет доминирует в военной стратегии государств, начиная с первой иракской войны. Но параллельно с этим появилась и обостряется проблема защиты от ВТО на всех уровнях, что в свою очередь, требует создания и развития системы ВКО.

Этот тезис — ключ к пониманию сути долгосрочных прогнозов, в основе которых лежит оценка динамики и качества изменений в тех или иных субъектах МО, поведении акторов и направленности развития глобальных тенденций. Так, например, стратегические потенциалы ядерных держав меняются медленно и их можно прогнозировать достаточно точно на долгосрочную перспективу. Как и их соотношение в мире.

При этом необходимо изначально выдвигать обязательное условие, что в итоге должен остаться «только один сценарий», точнее — наиболее вероятный вариант сценария развития МО и ВПО, который и является рабочей гипотезой для эмпирического анализа. Стратегический прогноз без такой гипотезы имеет мало смысла потому, что его главной задачей является конкретное стратегическое планирование.

Из рисунка (рис. 2.2³), отображающего логическую модель развития сценариев МО и взаимосвязи с ними различных вариантов базового сценария ВПО и СО, видно, что будущий сценарий развития МО в среднесрочной перспективе до 2025 года во многом уже предопределяется современным развитием и взаимоотношениями между ЛЧЦ и формируемыми ими союзами и коалициями, а долгосрочный прогноз конкретного (наиболее вероятного) варианта того или иного сценария развития МО и вытекающего из него варианта сценария ВПО является во многом следствием таких взаимоотношений⁴. Другими словами система МО является во многом инерционной. Это первое и главное исходное теоретическое положение анализа и стратегического прогноза развития МО на долгосрочную перспективу.

Другое теоретическое положение этой модели относится к структуре собственно международной обстановки, а также факторам, субъектам, акторам и тенденциям, влияющим на ее развитие, а также, естественно, на прогноз. Это означает, что каждый сценарий развития МО и даже его вариант является по-своему уникальным и требует специального рассмотрения. Нельзя уже проделанный анализ всех факторов и тенденций, формирующих МО, для одного сценария механически использовать для другого сценария или даже его варианта.

Также нельзя подобный анализ и прогноз какого-то сценария использовать в качестве универсального для всех периодов

³ Первая попытка описания этой модели была сделана в работе: *Подберезкин А. И.* Основы методологии долгосрочного прогнозирования развития конкретного сценария современной международной обстановки / *Подберезкин А. И., Соколенко В. Г., Цырендоржиев С. Р.* Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 55–67.

⁴ *Подберезкин А. И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

времени. Так, если МО (по одному сценарию может меняться за один год, то по другому сценарию — за девять месяцев. Военно-политическая обстановка, естественно, меняется быстрее чем МО, а военно-стратегическая обстановка еще быстрее, чем ВПО. Так, МО на Украине сменилась в начале 2014 года и в принципе остается прежней до настоящего времени. В отличие от МО, ВПО менялась уже несколько раз. Можно условно выделить следующие ее периоды: до марта 2014 — захват власти; март 2014 — июль 2014 — организация сопротивления в восточных регионах; август 2014 — январь 2015 — фаза активных военных действий; февраль 2015 — н/в переговорно-конфронтационные фаза. За это же время СО менялась еще чаще, иногда несколько раз в месяц.

Предлагаемая план-схема и вытекающая из нее логико-теоретическая модель долгосрочного прогноза развития сценариев (и их вариантов) МО является принципиальной концепцией, рамкой для того, чтобы фактически «насытить» ее информацией относительно развития всех четырех групп факторов и тенденций. В данном случае необходимо еще раз отметить, что рассматриваются четыре основные группы объективных факторов, акторов и тенденций, влияющих на формирование (в т.ч. на вероятность) того или иного сценария МО или его варианта:

- группа глобальных, мировых тенденций в развитии человечества — экономических, информационных, биологических, экологических, финансовых и т.д., чье влияние сказывается на всех сторонах формирования МО и ВПО;
- группа традиционных факторов — субъектов МО — государств и наций, но, прежде всего, локальных человеческих цивилизаций;
- группа относительно новых факторов — негосударственных и межгосударственных акторов, участвующих в формировании и развитии МО:
  - а) международные организации и институты, коалиции, союзы и пр.;
  - б) негосударственные акторы — общественные организации, партии, сетевые сообщества и др.
- наконец, группа факторов, связанных с развитием национального человеческого капитала и его институтов.

Кроме этих групп объективных факторов огромное значение для формирования МО в XXI веке стала играть группа субъективных факторов, связанных с процессом подготовки и принятия политических решений. Эта группа факторов выделилась из группы объективных глобальных тенденций и стала играть самостоятельную, все возрастающую роль только в XXI веке, хотя и в прежней истории человечества ее было невозможно полностью игнорировать. При этом важно иметь в виду, что переход этих факторов, а тем более подгрупп или даже целых групп этих факторов в качественно новое состояние неизбежно отразится на существующих парадигмах мирового развития и, как следствие, на сценариях развития МО и их вариантах.

2.2. Основы логико-теоретического стратегического прогноза развития новых парадигм международной обстановки в XXI веке

... без понимания причин и движущих сил любого вооруженного конфликта, остановить его невозможно

*С. Глазьев,
советник Президента РФ*

... всем нам нужно трезво оценивать существующие угрозы глобальной, региональной и национальной безопасности

*С. Нарышкин,
Председатель Госдумы ФС РФ*

Развитие МО предполагает неизбежную смену парадигм, однако никто не знает наверняка каких и когда. Применительно к теории международных отношений в области прогноза развития парадигм МО можно использовать тезис, используемый в вычислительной математике, которая «решает (в XXI веке. — *Авт.*) те задачи, которые может, а не те, решения которые от нее требуются»⁵. Другими

---

⁵ Нариньяни А.С. Математика XXI — радикальная смена парадигмы. Модель, а не алгоритм // Вопросы философии. 2011. 22 февраля / <http://vphil.ru>

словами теория международных отношений и развития МО применительно к анализу и прогнозу парадигм выглядит не только не изученным подходом, но даже сомнительным, а иногда и антинаучным. Между тем международное сообщество — политическое, финансово-экономическое, научное и пр. — так или иначе, состоит из людей, большинство которых признает в той или иной степени — сознательно или под давлением — определенную парадигму. Различные современные сценарии развития МО являются во многом следствием, результатом развития этих парадигм, которые, в свою очередь, представляют собой совокупность предпосылок — явных, скрытых и неявных — признаваемых большинством на данном этапе развития МО.

Таким образом, развитие МО во многом предопределяется признанием большинством правящей мировой элиты той или иной парадигмы, существующей на данном этапе. Это объясняет, например, появление и развитие таких международных клубов правящих элит во второй половине XX века как Трехсторонняя комиссия, «Большой семерки», «Двадцатки» и т.п. Этот же феномен усиления значения парадигм и риска качественных изменений в МО привел к укреплению прежних и созданию новых международных институтов, которые стали финансово-экономическими и военно-политическими институтами регулирования МО в условиях порождения новых парадигм.

Особенно важное (хотя далеко не всегда признаваемое) значение имеет смена политико-идеологических и социально-экономических парадигм, которая нередко ведет к революциям, качественным изменениям в МО мирового масштаба, почти всегда — к крупным войнам. Это очень наглядно демонстрирует смена парадигм развития в начале XX века, которая привела не только к революциям в России и Германии, но и другим радикальным социально-экономическим изменениям в мире, а также мировой социально-экономический кризис 1929–1934 годов, закончившийся Второй мировой войной.

Современный кризис в мире 2007–2015 годов расценивается, прежде всего, как финансово-экономический, хотя в действительности это такой же системный мировоззренческий и политико-идеологический кризис, как и два предыдущих, закончившихся войнами и сменой парадигм. Со второй половины XX века, на-

пример, все более признанной становилась парадигма «мирного сосуществования» или парадигма «приоритета норм международного права» и т.д., которая в ходе этого кризиса фактически исчезла, будучи замененной парадигмой военно-силового противостояния между локальными человеческими цивилизациями. Можно уже с уверенностью сказать, что эта парадигма развития МО с начала XXI века формирует наиболее вероятный сценарий мирового развития.

С теоретической точки зрения очень важно понимать именно современное значение парадигм, которые задают «рамки» развития МО: стратегический прогноз, как правило, делается в качестве экстраполяции в рамках уже существующих, известных парадигм, хотя его вероятность целиком зависит от смены этих парадигм.

Смена парадигм в мире ведет к неизбежным и быстрым изменениям в МО, причем нередко даже не только, быстрым, но и качественным, революционным. Так, переход в 30-е годы XX века, казалось бы, от абсолютной парадигмы пацифизма к реваншизму в общественном мнении Германии, привел к приходу к власти Гитлера и закончился через несколько лет Мировой войной. Политическое уничтожение парадигмы «социалистического лагеря» привело к развалу ОВД, СЭВ и СССР в конце 80-х годов, а затем, в свою очередь, к формированию парадигмы «однополярной миросистемы» и соответствующей МО и ВПО, где откровенно господствуют США.

Смена парадигм всегда означает кроме всего прочего и радикальное изменение МО и ВПО. Причем в относительно короткие, как правило, неожиданно быстрые сроки. Прогноз вероятности такой смены в той или иной области человеческой деятельности означает обязательную, наиболее важную и ответственную часть такого стратегического прогноза. Одновременно и наиболее трудную как с теоретической, так и с практической точки зрения. Так, в настоящее время самые разные эксперты (предсказывают) прогнозируют следующие изменения парадигм в МО:

- резкое обострение противоборства между странами в мире;
- смена технологического уклада в ведущих странах мира;
- радикальное изменение структуры экономики, торговли, финансов;

- смена социально-экономической парадигмы доминирования капиталистической системы отношений;
- радикальные демографические изменения;
- смена однополярного мира на «многополярный»;
- смена национального состава ведущих мировых держав;
- превращение ядерного оружия в бесполезное;
- появление принципиально новых видов и систем ВИТ и т.д.

Самое трудное, в анализе и долгосрочном прогнозе развития МО, предсказать насколько полно и как долго сохраняются старые и появятся новые парадигмы, еще труднее — адекватно оценить уже произошедшие качественные изменения в жизнедеятельности человечества (в т.ч. в таких специфических субъективных областях, как политика или военное дело), а тем более спрогнозировать эти изменения и их последствия на будущее.

Возникновение и темпы развития (в связи с появлением новых парадигм) новых реалий и явлений, особенно качественно новых, вряд ли будет возможно когда-нибудь с точностью прогнозировать не только в политике и экономике, но и в технологиях. То же самое, даже в еще большей степени, относится в полной мере к появлению новых социально-политических парадигм, особенно в общественной жизни, хотя традиционно почему-то принято считать, что человек мало изменился со времен «античности». На самом деле именно история цивилизации развивается по экспоненте: именно человек и общество, его государственные и общественные институты, как уже писалось выше, развиваются наиболее динамично. Так, всего лишь за годы одного поколения, выросшего уже после развала СССР, на Украине, в значительной степени изменилось общественное мнение страны, которое оказалось не только антикоммунистическим и антисоветским, но и русофобским.

Вместе с тем, говоря о прогнозе смены социальных и иных парадигм, мы должны помнить, что будущее уже существует в том или ином виде сегодня, более того, будущие парадигмы формируются задолго до их проявления, что корни многих новых социальных явлений можно обнаружить уже в истории существования человечества. Особенно важно это иметь в виду применительно к смене социально-политических парадигм, условия для которых закладываются заранее, порой задолго до самого появления такой

возможности. Вот почему в XXI веке изучение истории развития человечества становится практической необходимостью. Так, то же самое «новое» явление русофобства начала XXI века, например, в Европе и на Украине существовало на самом деле еще в XIX веке в Европе, а современный украинский национализм уходит своими корнями в средневековую политику Польши, Австрии, Венгрии, а еще раньше до этого — Ватикана. Поэтому и русофобская внешнеполитическая парадигма Украины появилась не сразу и «не вдруг», а антироссийская военная доктрина, принятая в августе 2015 года, — как идеологическая официальная система взглядов, была заложена давно.

Применительно к анализу современной и прогнозу будущей МО, например, в Европе, можно сказать, что те новые парадигмы, которые «неожиданно» возникли в XXI веке, имели свою историю, более того, именно опираясь на эту историю, произошло возникновение в целом ряде случаев этих парадигм. Так, русофобство на Украине, в Прибалтике, Польше и в ряде стран Скандинавии — отнюдь не феномен второго десятилетия XXI века. Оно существовало отчетливо уже в XIX веке, когда Н. Данилевский писал известную статью о том, почему в Европе не любят Россию — немотивированно, безосновательно и грубо⁶.

Другое дело, что в силу разного рода соображений политического характера многие предпосылки для возникновения и смены парадигм сознательно не хотят замечать и учитывать. Так, кампания против пакта «Молотов–Риббентроп», инициированная и поддержанная в СССР получила свое развитие позже в России, создав фактически предпосылки для возникновения уже не просто антисоветской, но и антироссийской внешнеполитической парадигмы, которая, в свою очередь, может стать в будущем политическим обоснованием для территориальных или имущественных претензий по отношению к России. Вот почему анализ и прогноз парадигм должен исходить из необходимости безусловного анализа существующих предпосылок. Даже если такой анализ и противоречит политической конъюнктуре и идеологическому мейнстриму.

---

⁶ Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

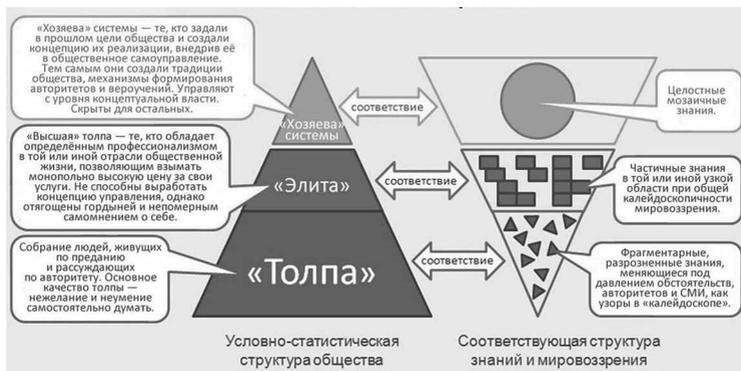
Анализ и прогноз возможной смены парадигм также сталкивается не только с объективными трудностями (недостаток информации, научного осмысления, привыкания к реалиям и т.д.), но и с субъективными препятствиями — прежде всего с сознательным отрицанием этих реалий, по политическим и идеологическим мотивам, нежеланием их признавать, инерцией мышления, а иногда даже обычной человеческой ленью и привычкой. Но, тем не менее, вероятность объективного прогноза формирования и появления новых парадигм не просто существует, но и обязательно должна использоваться максимально при анализе и прогнозе развития того или иного субъекта, актора, тенденции или даже всей МО в целом. Успех в итоге зависит от полноты исторического анализа и способности прогноза. Как справедливо отметил бывший вице-премьер по промышленной политике России Б. Алешин, «...анализ процессов развития отечественного оборонно-промышленного комплекса подчеркивает его историческую преемственность. Отмеченные закономерности структурных преобразований позволяют прогнозировать динамику и направленность развития ОПК в среднесрочной и долгосрочной, перспективе»⁷. Сказанное в полной мере относится и к другим областям человеческой деятельности.

Именно поэтому говорить категорически о невозможности стратегического прогноза смены социальных и политических парадигм нельзя. Более того, внимательный исследователь обнаружит, что будущие парадигмы не только складываются, но нередко и сознательно создаются уже сегодня. Это особенно стало заметно в XXI веке. Такое «социальное конструирование» парадигм сегодня стало практикой, следствием развития стратегического прогнозирования и планирования. Оно основано на манипулировании сознанием правящей элиты и общества и внедрении ложных социально-политических парадигм в систему ценностей нации.

Особенно важное значение приобретает продвижение ложных парадигм в массовое общественное сознание и национальную культуру, которые далеко не всегда в состоянии вовремя и адекватно

---

⁷ Алешин Б. С. Вступительное слово / *Алексашин А. А., Гарбук С. В., Губинский А. М.* Российский оборонно-промышленный комплекс: история, современное состояние, перспективы. — М.: МГУ, 2011. — С. 5.

Рис. 2.3.⁸ Механизм влияния парадигм

на это отреагировать. Как показывает украинский опыт, такое массовое искажение общественного сознания (эффект «кружевных трусиков») во многом определяется возможностями — экономическими и технологическими — внешней стороны и способностью к защите государства и общества.

В начале 70-х гг. XX века, например, был начат процесс формирования политической парадигмы борьбы за права человека, которая стала формальной реальностью в 1975 году в Заключительном Акте, подписанном в Хельсинки, и основой для вето диссидентского движения в соцлагере.

Идея получила развитие в XXI веке: растущая роль НЧК и институтов его развития привели к тому, что в начале XXI века творческий («креативный») класс стал ведущей силой современности. И не только экономической, но и социально-политической⁹. Сознательное развитие этого класса и его институтов может иметь решающее значение для будущего сценария развития МО и ВПО, если, конечно же, это осознается правящим классом сегодня. Это даст не только самый мощный инструмент развития экономики, но и самое эффективное средство внешнего влияния («мягкой силы»), а также наиболее быстрое развитие военной силы (ВС

⁸ <http://imperiyanews.ru/content/>

⁹ Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т.1–3. — М.: МГИМО–Университет, 2011–2013 гг.

и ВиВСТ). Собственно «всплески» антиправительственных выступлений в России в 2011–2015 годах имеют под собой именно эту основу.

Кроме того очень важно понимать, что:

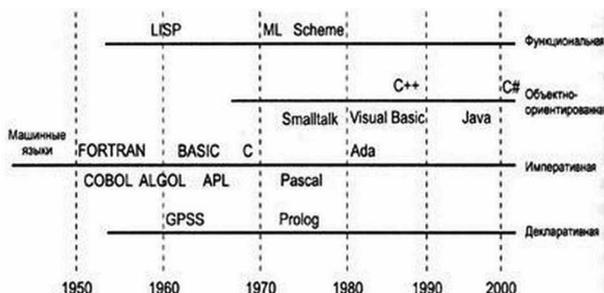
- развитие парадигм может происходить не только последовательно, но и параллельно, одновременно могут существовать и даже развиваться сразу несколько парадигм. Так, в России в XXI веке в экономике существует одновременно несколько укладов — от феодального, социалистического и капиталистического до постиндустриального. Парадокс их существования одновременно с развитием — объективная реальность;
- появление новых парадигм далеко не всегда отменяет старые парадигмы: простой закон смены парадигм в действительности не работает «в чистом виде». Как и прежние уклады, формации и технологии старые парадигмы остаются в новых реалиях, также как и новые парадигмы, вытесняя старые, не всегда революционно и быстро их заменяют. Этот процесс подробно рассматривался марксистской наукой, в т.ч. когда речь шла о приоритетах политики над экономикой в новых развивающихся государствах, о чем писал еще в советское время академик Н. Симония¹⁰.

Все это говорит о необходимости специального системного и цивилизационного анализа развития МО в области зарождения, существования и будущего принципиально важных парадигм — политических, идеологических, социальных, технологических и пр., — без которых стратегический прогноз, основанный на экстраполяции развития субъектов МО, становится очень приблизительным и механическим (хотя и наиболее часто практически востребованным).

В качестве хорошей иллюстрации мысли о логике смены парадигм мироустройства в XXI веке можно привести пример из области программирования, где в XX веке происходила эволюционная смена парадигм. На диаграмме показано, что разные направления развития языков являются результатом разных

---

¹⁰ Симония Н.А. Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного / отв. ред. Л.И. Рейснер. — М.: Восточная лит-ра, 1984 г. С. 194–402.

Рис. 2.4. Эволюция парадигм программирования

парадигм (подходов), развивающихся независимо друг от друга. В частности, на рисунке 2.4 изображены четыре направления, представляющие функциональную, объектно-ориентированную, императивную и декларативную парадигмы. Языки, относящиеся к каждой парадигме, расположены на временной шкале, показанной внизу (но из этого не следует, что один язык развивался из другого).

По аналогии с эволюцией парадигм программирования можно допустить, что существующие основные парадигмы развития ЛЧЦ, стран в системе МО будут также эволюционизировать. Более того, могут появляться одновременно качественно новые парадигмы МО, которые в стратегической перспективе радикально повлияют на сценарии развития международной и военно-политической обстановки. Предсказать их появление не только можно, но и нужно. Для этого часто нужны не способности к анализу и прогнозу, а восприимчивость правящей элиты, которая, как правило, всегда и во всех странах консервативна, плохо воспринимает что-то качественно новое. Так, в начале 80-х годов А. Подберезкиным была написана работа, суть которой сводилась к двум простым выводам: будущая ВПО будет определяться в основном появлением в конце 90-х годов высокоточного оружия и новых систем боевого управления, связи и разведки. Эта работа решением руководства ИМЭМО АН СССР была запрещена к публикации. Как пояснили — потому, что «стимулировала гонку вооружений, противоречащую политике партии». Известно, что стало в этой области к началу XXI века, то, что не захотели увидеть заранее.

2.3. Социально-политическое конструирование новых парадигм

Конечной фазой его (стратегического прогноза. — *Авт.*) должно являться программирование собственного развития на ближнесрочную, среднесрочную и долгосрочную перспективу

А. Кокошин, В. Бартнев

Учитывая сильнейшее влияние субъективного фактора в общественно-политической жизни, прогнозировании и планировании, следует обратить внимание на усилия по сознательному конструированию «образа будущего» и социальных систем в интересах политики того или иного субъекта МО. Это предполагает, прежде всего, разработку и внедрение в сознание правящих элит и общества принципиально новых парадигм, соответствующих целям внешней политики этого субъекта.

Нельзя сказать, что эта политическая практика является изобретением XXI века. И прежде, даже в очень далекие времена, правящие элиты противника подкупались и совращались с помощью денег, угрозы применения насилия и внедрения чужих систем ценностей — прежде всего религиозных и культурных. Но во второй половине XX и начале XXI века (по мере возрастания возможностей влияния на элиты и общество) эта практика превратилась в норму. Так, холодная война стала политической нормой внедрения парадигмы «борьбы с экспансией коммунизма».

Яркими примерами внедрения таких парадигм в 90-е годы стали, внедрение А. Яковлевым в СССР, — «покаяния», «нового мышления», «перестройки» и т.д., а также «кровожадных сербов» для Югославии и «русских империалистов» (во время войны на Северном Кавказе). «Социальное конструирование» парадигм развития отдельных стран и МО в целом в XXI веке стало широкой практикой. В частности, важнейшее значение имеет парадигма «международной безопасности», сформировавшаяся на Западе в конце XX века, которая воспринимается в XXI веке как «абсолютная безопасность» для США и допустимая опасность, даже угроза — для других государств и наций, что признается, например, в современной национальной военной стратегии США. В новом (июнь 2015 г.) варианте, например, прямо указано, что важнейшим

приоритетом является «обеспечение безопасности США, граждан, союзников и партнеров»¹¹. Есть все основания полагать, что эта парадигма будет развиваться и дальше в XXI веке, что должно в будущем привести к ситуации «абсолютной опасности» для всех прочих ЛЧЦ и «абсолютной безопасности» для западной ЛЧЦ. Из этой парадигмы, в частности, развивается вся логика военно-силового противоборства западной ЛЧЦ в начале XXI века, включая «абсолютную безопасность» в форме военно-технических гарантий развертывания широкомасштабной системы ПРО, или развертывания по периметру России десятков тысяч стратегических КРМБ в неядерном оснащении, создающих «абсолютную опасность» для России.

В области безопасности в начале XXI века произошла революция не только в средствах ведения войны (ВиВСТ), связанная с новым этапом информационной революции, но и способами их применения, что, к сожалению, далеко не всегда нашло свое отражение в понимании большинства представителей политической и военной элиты России¹². Фактически в конце XX века произошли две революционные смены военно-политических парадигм, которые во многом изменили характер войны. Новый характер войны неизбежно меняет и ее политическую парадигму, которая в XXI веке превращается в военно-силовое противоборство западной ЛЧЦ за сохранение контроля над сложившимися в XX веке военно-политическими и финансово-экономическими системами в мире. Это означает неизбежную замену системы международной безопасности как систему договоренностей на систему военно-технического и иного силового противоборства.

С точки зрения теоретической и методологической, анализ и стратегический прогноз развития МО в XXI веке предполагает обязательное и тщательное исследование современного состояния и развития, как основных парадигм безопасности, так и условий для появления новых парадигм в долгосрочной перспективе. Этот метод качественного анализа парадигм во многом альтернативен

¹¹ The National Military Strategy of the United States of America. 2015. June. — P.5.

¹² Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А. И. Подберезкина. — М.: МГИМО–Университет, 2015. Т. 1. С. 175–264.

экстраполяции, широко применяемой в настоящее время. Так, если говорить о сопоставлении этих методов на примере развития ВМФ РФ, например, то вплоть до 2060 года выстраивается достаточно точный план и прогноз строительства и модернизации основных судов. Вместе с тем возможные (и даже неизбежные) изменения в военно-технической области — развитие средств ВКО, ВТО и пр. — могут привести к необходимости радикального пересмотра таких планов, что не предусмотрено в ГОЗ. Полностью проваленная ГПВ-2005 и не полностью выполненные другие программы говорят о том, что перечень проблем (о которых говорил еще в 2013 году заместитель министра обороны Ю. Борисов) сохраняется:

- неправильная оценка ассигнований;
- высокая инфляция;
- низкий уровень авансирования;
- заниженные цены;
- опережающий рост стоимости ВиВТ¹³.

Думается, что менять надо не общие подходы к решению проблем, а всю политику в этой области, всю парадигму строительства ВМФ РФ.

Изменение в соотношении сил в начале века привело к резкому усилению роли военного фактора в качестве политического инструмента Запада, что, к сожалению, только в 2014 году стало осознаться правящей элитой в России в связи с событиями на Украине. Другими словами, во втором десятилетии XXI века произошла смена парадигмы роли военной силы во внешней политике: все теоретические построения в МО и практические выводы «нового мышления» оказались устаревшими, более того вредными, даже не войдя в практическую реальность, но их носители в правящей элите страны — остались в основном те же.

Аналогичную трансформацию в результате смены парадигм претерпевают и государственные, и даже международные институты, которые в условиях реализации сценария сетцентрической войны превращаются из политических инструментов развития экономики и общества в средства вооруженной борьбы, которые уже, как правило, становятся мало пригодны для реализации по-

¹³ Государственные программы вооружения Российской Федерации: проблемы исполнения и потенциал оптимизации. — ЦАСС, 2015. — С. 8.

литических функций. Это, также, еще только предстоит осознать и сделать соответствующие выводы в отношении этих институтов. Признание Конституционным судом летом 2015 года приоритетности национальных норм права над международными — первый шаг в эволюции парадигмы, сложившейся в 90-е гг. XX века. Конфликт на Украине в этом смысле был очень показателен: не только госсекретарь США, но и его пресс-секретари (вспомним «псакизмы») и даже ООН, ОБСЕ и другие международные институты, «вдруг» претерпели мгновенную трансформацию, превратившись в средства ведения не политики, а войны.

Другая сторона проблемы — рост влияния частных парадигм. Так, например, конкретность развития сценариев СО, войн и конфликтов, — политическая, экономическая, социальная, военная и иная, — отнюдь не означает, что их развитие принципиально отличается от закономерностей развития сценариев человеческой цивилизации, международной обстановки или военно-политической обстановки, но, вот, сила этого влияния, безусловно, нарастает. Наоборот, можно сказать, что конкретный сценарий СО в том или ином месте (времени, с участием и т.п.) является одним из частных случаев, частностью реализации более общего сценария, о чем подробнее писалось выше¹⁴. И, что очень важно, не может ему принципиально противоречить. Так, формирование СО на Украине в 2014–2015 годах происходило под сильнейшим влиянием таких невоенных факторов, как информационный, социально-культурный и цивилизационный. В частности, языкового, когда «фронт» боевых действий фактически совпадал с границей преобладающего населения, говорящего на русском языке. А СО на Украине в 2015 году определялась во многом результатами конкретных боевых действий зимы 2015 года. В конечном счете, как оказалось, военные парадигмы решительно повлияли не только на переговорный процесс в Минске, но и на все международные отношения и формирование МО в 2015 году. Именно поэтому в стратегическом прогнозе необходимо уделять внимание появлению новых и смене «частных» парадигм — экономических, научных, политических и военных, — их влиянию друг на друга.

¹⁴ Подберезкин А. И. Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

В частности, формирование «русофобской политико-идеологической парадигмы» в украинском обществе привело не только к войне на Юго-востоке страны, но и фактическому политическому расколу: выборы в Верховную Раду Украины, состоявшиеся в октябре 2014 года подтвердили эту закономерность. Даже в находящихся под контролем украинской армии регионах (Днепропетровске, Мариуполе и др.) большинство получил «Оппозиционный блок», который ассоциировался у многих с сепаратистами. Но, одновременно, мы наблюдаем, как стремительно политико-идеологическая русофобская парадигма реализуется в военной парадигме (Военная доктрина Украины, принятая в августе 2015 г.), внешнеполитической доктрины Украины (ассоциации с ЕС), социо-культурной политикой, информационной и прочей деятельностью украинской элиты.

Ситуация принципиально сохранилась до сегодняшнего дня. Даже по официальным социологическим опросам на Украине виден радикальный раскол между сторонниками и противниками власти. Например был задан вопрос «Как вы оцениваете ДНР и ЛНР?»:

1. Террористические организации, не имеют права представлять население соответствующих территорий.
2. Представители населения соответствующих территорий.

Результаты опроса представлены по географическим зонам Украины (Восток, Запад, Центр, Юг и отдельно — часть Донбасса, контролируемая Киевом).

На западе Украины ДНР и ЛНР считают «террористическими организациями» 86% респондентов, в центре — 77,3%, на юге — 38,1%, на востоке — 38,3%, в Донбассе (часть, контролируемая Киевом) — 42,3%.

Обращает на себя внимание существенная популярность ответа «затрудняюсь ответить». Так, подобный ответ в Донбассе дали почти 25% опрошенных, на востоке Украины — около 19%, на юге «затруднился ответить» — и вовсе каждый третий.

Такие результаты дают понять, что любой опрос на современной Украине больше походит не на объективное социологическое исследование, а на испытание для респондентов. Народ на Украине запуган до такой степени, что и речи не идёт о том, что какому-то человеку с блокнотом в руках или микрофоном люди готовы поведать о своих реальных взглядах на обстановку в стране. Нет, безус-

ловно, находятся и те, кто готов высказать всё, что он думает как по поводу украинских властей, так и по поводу вопросов с заранее подготовленными теми же украинскими властями результатами¹⁵.

Сказанное также означает, что при формировании современной МО и ВПО **значение невоенных факторов возрастает параллельно с усилением значения военной силы**. Получается парадокс, требующий объяснения: одновременно в политике происходит усиление фактора военной силы и политических (невоенных) средств. Происходит труднообъяснимое — усиливают свое влияние обе составляющие политики, которые должны противоречить друг другу. Это можно объяснить только тем, что «невооруженные» (невоенные) средства насилия начинают выполнять функции военных средств, сами становятся оружием. В частности, если речь идет об информационных, кибероперациях, политических диверсиях и пр. средствах, которые многие российские военные теоретики по-прежнему относят к традиционно невоенным средствам борьбы. Но не только. Меняется и военная организация государства, в структуру которой, например, в США уже включен бизнес и общественные организации в мирное время (в СССР это было только в период деятельности ГКО во время войны).

В условиях системной сетецентрической войны это также значит, что средства вооруженного насилия, прежде всего традиционные, отнюдь не являются единственными и решающими средствами войны. Так, в рамках старой парадигмы этнополитического развития Украины, например, проблема взаимоотношений разных наций и культурных архетипов будет сохраняться еще долго, но решаться она будет силовыми и даже вооруженными средствами в рамках внутренней политики.

Очевидно, что в этом случае стратегический прогноз не только для Украины, но и для России будет во многом определяться прогнозом этнополитической парадигмы развития. Если силовые и даже военные средства будут использоваться против русскоязычной части граждан Украины, то Россия просто не сможет остаться в стороне от такой политики. Пока что, к сожалению, вектор раз-

---

¹⁵ Украинцев спросили, что они думают о ДНР и ЛНР / Эл. ресурс: «Военное обозрение», 2016. 29 апреля / <http://topwar.ru/94681-ukraincev-sprosili-chto-oni-dumayut-o-dnr-i-lnr.html>

Рис. 2.5. Эволюция средств влияния в силовые средства и средства принуждения в XXI веке

вития парадигмы силовой политики в отношении русскоязычных граждан только набирает обороты, а в отношении России — превратился в откровенно враждебный.

Другими словами не только на Украине, но и во всей западной ЛЧЦ произошел серьезный пересмотр значения политических и военных средств, в том числе и в целях ведения войны, в пользу силовых, превратившихся в военные средства политики. Это касается не только очевидных примеров: кибернетического оружия, средств радио-электронной борьбы и др., но и, прежде всего, информационно-психологических средств, которые превратились в XXI веке из средств влияния, в средства принуждения.

Разница в способах использования этих средств политики заключается не только в их агрессивности и степени силового применения, но, в конечном счете, в цели этого применения: если в новой и новейшей истории эти средства применялись для политической победы, предполагавшей, в конечном счете, компромисс, то в XXI веке достижение компромисса не предполагается в принципе. Победа будет означать изначально полную ликвидацию суверенитета, а затем и национальной идентификации, что возможно только при смене системы ценностей. Этот процесс можно рассмотреть на примере Украины, которая стала главным объектом политической экспансии США, ЕС и НАТО.

Для этого в течение достаточно короткого исторического отрезка времени была проведена идеологическая и психологическая

Прогноз:	Превращение Украины в главного врага России
Норма:	2014 -2016гг. Указом президента фашисты ОУН УПА узакониваются на уровне государства через праздник. Фашист Бандера - герой. Происходит «декоммунизация» и «десовветизация» Украины
Популярно:	2014г. Нацистские лозунги на ТВ, в СМИ. Карательные батальоны, идеология и т.д.
Разумно:	2013г. Правый сектор. Майдан. Бандеровские нацисты помогают против "режима Януковича"
Приемлемо:	2008-2013г. Нацистские партии увеличиваются в Раде. Учебники искажают факты про фашистов.
Радикально:	1991-2008. Появляются единичные нацистские взгляды, потихоньку пробиваются к власти.
Немыслимо:	1945-1991г. На территории всей Украинской республики даже говорить и думать немисливо о бандеровском фашизме.

Рис. 2.6. «Окно Овертона» на Украине

операция по смене (подмене) системы ценностей в полном соответствии с установками «политической войны» конца 40-х годов XX века. Позже, уже в конце XX века эта практика получила название «Окно Овертона» в честь американского политолога Дж. Овертона.

Надо сказать, что конечной целью этого процесса, явно просматриваемой уже сегодня, является превращение Украины в наиболее враждебное по отношению к России государство, которое должно обеспечить главные стратегические цели США, ЕС и НАТО — превратить все постсоветские республики, включая Россию, в регион, контролируемый западной ЛЧЦ. Это предполагает, что даже Россия, как самостоятельное государство, не будет иметь право на существование в нынешних границах и контролировать собственные ресурсы.

Представляется, что в анализе и стратегических прогнозах развития МО требуется выделять самостоятельный акцент на феномене парадигм, внимательно анализируя:

- развитие существующих парадигм и прогнозируя их состояние на будущее;
- возможность появления принципиально новых парадигм;
- взаимодействие и «сосуществование» старых и новых парадигм;
- последствия развития старых и появления новых парадигм для факторов, акторов и тенденций формирования МО и ВПО.

Такой многофакторный анализ и прогноз должны стать обязательной частью анализа и прогноза развития МО в целях повышения эффективности практической деятельности исполнительных и законодательных органов власти в России. За последние 30 лет существования СССР и ОВД, России и СНГ происходила быстрая смена основных парадигм, которую не могли прогнозировать или предсказывать. Во многом, как представляется, не только потому, что не умели, но и потому, что не было «социального заказа», а правящая элита и органы власти категорически боялись таких прогнозов и предсказаний, не допуская их подготовки.

С точки зрения развития теории и методологии анализа и прогноза развития МО такая ситуация абсолютно не допустима. Правящей российской элите необходимы не только анализы и прогнозы, основанные на богатом и качественном эмпирическом материале, но и оценки и прогноза развития парадигм политико-философского, абстрактно-логического порядка и технократического характера.

2.4. Новые парадигмы в развитии основных факторов и тенденций в долгосрочном прогнозе развития сценария международной обстановки

Главная ее идея (новой Стратегии национальной безопасности США. — *Авт.*) — глобальное американское лидерство

В. Багдасарян

... конкретный вероятный сценарий развития МО неизбежно должен учитывать максимально полно не только «физические» реалии, но и идеологические «намерения» правящей элиты по реализации этих реалий

*А. Подберезкин,
профессор МГИМО*

Развитие международной обстановки — это динамичное изменение формирующей ее огромной системы, в которую входят многие тысячи факторов и тенденций. Причем этот динамизм может влиять на качественное изменение состояния МО в тот

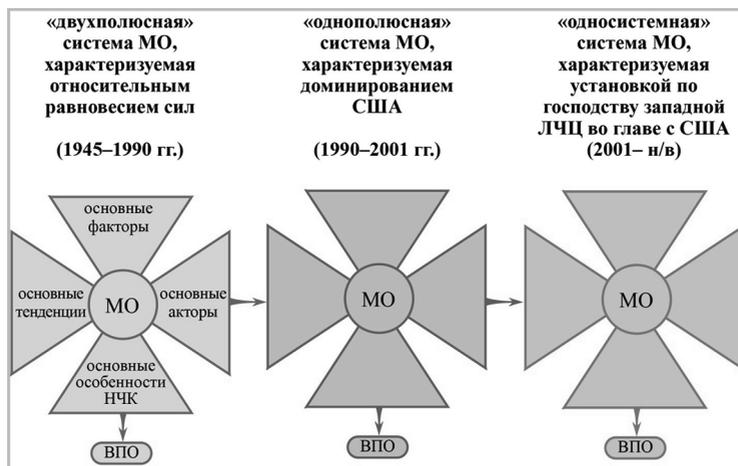

Рис. 2.7.

или иной период времени, когда одни факторы изменились радикально, а другие сохранили свои прежние качества. Каждое новое состояние системы МО не повторяет во всех чертах предыдущего. На нашей памяти мы можем наблюдать системы: рис. 2.7.

В целом все группы, формирующие международную обстановку, в совокупности представляют десятки тысяч факторов, субъектов, акторов и тенденций, большинство из которых имеет множество характеристик и параметров. В классификации ООН их уже насчитываются тысячи¹⁶. Так, только один из традиционных субъектов МО — государство, (например, Российская Федерация), — имеет сотни важнейших параметров и критериев — от численности населения и территории, до величины ВВП, внешнего долга и численности ВС, которые влияют в разной степени на формирование существующего и будущего сценария развития МО.

До настоящего времени традиционно используются в стратегических прогнозах в основном оценки только основных показателей и критериев — демографические, географические, финансовые, что совершенно недостаточно в настоящее время. Поэтому конкретный

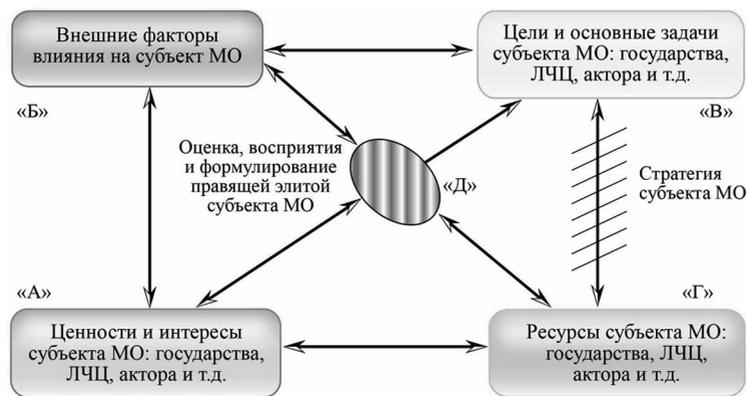
¹⁶ Капица Л. М. Индикаторы мирового развития. — М.: МГИМО-Университет, 2016.

вероятный сценарий развития МО в тот или иной период времени неизбежно должен учитывать максимально полно не только эти «физические», реалии, но и многие переменные величины, и идеологические «намерения» правящей элиты по реализации этих реалий.

Для практических целей анализа и стратегического прогноза такое огромное число факторов и их показателей не является принципиальным затруднением. Современные мощности ЭВМ и программное обеспечение позволяют решить эту задачу. Существующие мощности вычислительной техники позволяют, например, одному из компьютеров Концерна ВКО «Алмаз-Антей» отслеживать в реальном времени состояние более 150 000 факторов, т.е. — если применить к оценке МО — тысяч факторов, формирующих МО в режиме реального времени. Проблема заключается в построении методики и алгоритма изменения МО и прогноза развития ее сценария, которых до сих пор не существует. Так, судя по всему, прогноз будущей ВПО делается до сих пор на основе анализа всего лишь двух групп факторов — количества и качества ВиВСТ и численности ВС, не рассматривая не только обстановку на более высоком уровне развития отношений между ЛЦЦ и МО, но и даже собственно другие военно-технические факторы и тенденции. Особенно учет смены их парадигм.

Между тем анализ политики всего лишь одного субъекта МО — какого-то одного (из 200) государства — предполагает исследование не только изменения его многочисленных количественных параметров (численности населения, ВВП и т.д.), но, прежде всего, его качественных характеристик: основных целей, формулируемых правящей элитой и соответствующих стратегий. Тем более такой прогноз развития этого субъекта требует обязательного учета смены парадигм (общественно-политических, экономических, военных), что очень хорошо видно на примере государств, чье развитие во втором десятилетии XXI века вплотную столкнулось со сменой парадигм: Украиной, Ираком, Сирией, Египтом. Причем не только в материальной области, но и в политико-идеологической и социо-культурной областях.

Так, даже в основу традиционного конкретного анализа политики и стратегии субъектов МО положены, как правило, два основных исследования: анализа и прогноза интересов (потребностей) этого субъекта и анализа и прогноза развития ценностей (нации, государства), а также анализа реальных возможностей

Рис. 2.8.¹⁷ Логический рисунок модели анализа прогноза политики одного из субъектов МО

этого субъекта МО. Это очень схематично можно показать на следующем логическом рисунке, который (важная оговорка!) отражает статичное состояние политики субъекта МО.

Как правило, подобный анализ и прогноз состояния субъекта МО ограничивается группой факторов «В» (политические цели и задачи) и «Г» (национальные ресурсы), которые даже в таком самом «узком наборе» насчитывают сотни и тысячи. На самом деле для точного анализа политики (одного!) субъекта МО этого мало, ведь кроме того, на формирование политики и стратегии этого субъекта МО влияют такие группы факторов, как:

- внешние условия и влияние внешних факторов, в т.ч. внешние вызовы и угрозы;
- субъективное восприятие правящей элитой этого субъекта МО всех групп факторов — объективных интересов и ценностей, внешнего влияния, наличия возможностей и ресурсов, что в итоге выражается как в субъективном формулировании политических целей, так и соотношения «цели-средства», лежащего в основе любой стратегии.

¹⁷ Схема составлена по работам М.А. Хрусталева, в частности: *Хрусталева М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза.* — М.: «Аспект Пресс», 2015.

Таким образом, для такого анализа и прогноза одного субъекта МО требуется исследование сотен и тысяч факторов, характеризующих состояние этого субъекта в конкретный период времени, например, в 1919, 1945, 1970, 1990 или в 2017 году. Для того чтобы выстроить прогноз состояния этого субъекта в среднесрочной перспективе, а тем более долгосрочной перспективе, необходимо не просто предположить (экстраполировать) это состояние на будущее: 5–7–10 или 25 лет, но и допустить неизбежную смену парадигм в развитии этого субъекта. Как минимум, в экономической, технологической, социально-политической и военной области.

Такой прогноз одного субъекта и акторов, а также тенденций в развитии МО требуется сделать для всех основных акторов, субъектов и тенденций, т.е. это будут тысячи прогнозов, из которых и будет формироваться будущая МО. Среди них решающее значение будут занимать прогнозы и предположения о новых парадигмах развития этих субъектов и акторов МО.

Таким образом, подытоживая, признаем, что для точного анализа МО и ее долгосрочного прогноза необходимо проанализировать не только «по отдельности» все группы указанных факторов, а именно:

- развитие мировых тенденций;
- субъектов МО;
- акторов МО,
- а также влияние НЧК и его институтов, но и все эти факторы и тенденции во взаимосвязи и в динамике, в той степени влияния, которая оказывается ими друг на друга. И обязательно с учетом неизбежных в будущем новых парадигм. Именно эта часть анализа и является наиболее сложной потому, что архитектура и структура МО достаточно быстро меняется.

В этих изменениях особую роль играет субъективный фактор. Для иллюстрации приведем самый простой пример развития архитектуры МО за последние 60 лет, как его видит известный японский политолог К. Исигоока¹⁸. Он, в частности, рассматривает три

---

¹⁸ Сотрудничество и соперничество в Евразии (материалы Шестой российско-японской конференции) г. Москва. 2009. 16 сентября. — М.: МГИМО–Университет, 2009. — С. 29–30.

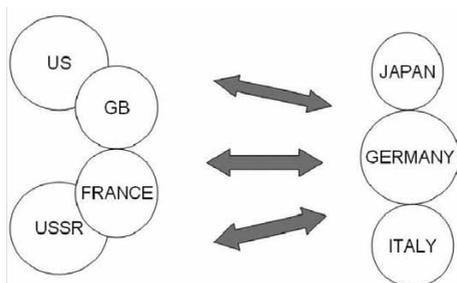

Рис. 2.9. Конфронтация (в период Второй мировой войны)

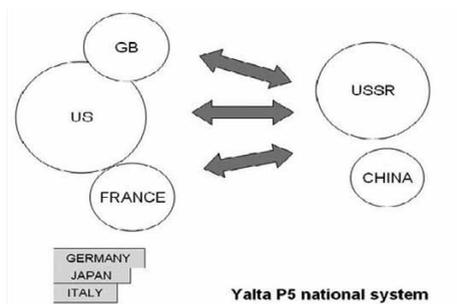

Рис. 2.10. Международный контроль после Второй мировой войны

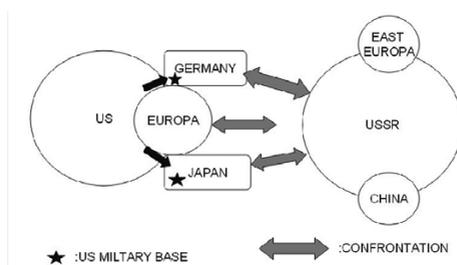

Рис. 2.11. Мировой порядок периода холодной войны

ситуации, которые характеризуют состояние МО в XXI веке. Это означает, что для современного анализа необходимо учитывать «остаточное» влияние (экономическое, историческое, правовое и пр.) прежних состояний МО.

Из этого достаточно простого видения состояния МО вытекает в целом и представление о состоянии ВПО и СО тех лет, которое менялось значительно быстрее и было более разнообразным, чем состояние МО. Причем в решающей степени на него оказывала влияние смена парадигм (формирование танковых армий — в военном искусстве; стратегической авиации — в подрыве военно-экономического потенциала; ЯО — в политике устрашения и т.д.). Эта смена парадигм привела к формированию новой МО, которая недолго определялась основными субъектами МО и формировала новую ВПО.

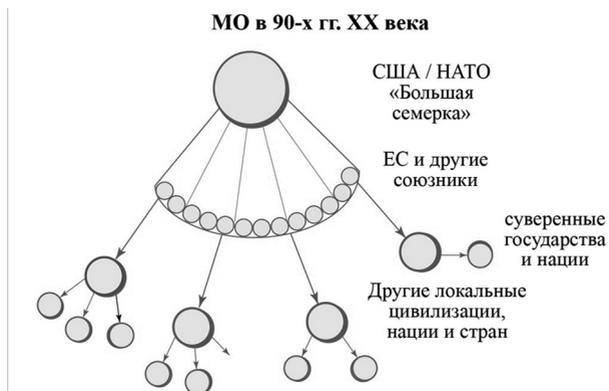
Эволюция системы МО, сопровождавшаяся сменой многих парадигм (например, появление к концу 50-х годов стратегических потенциалов и формирование НАТО и ОВД, ЕС и СЭВ), привела к появлению новой МО.

Очевидно, что МО еще более радикально изменилась после 1990 года, что требует положить в основу современного анализа уже новую архитектуру МО, а прогноза — возможную будущую архитектуру. Это позволяет избежать изначально искажения в анализе, которое неизбежно из-за субъективного восприятия ВПО и СО, что, к сожалению, случается. Решающую роль в создании новой архитектуры МО сыграла смена парадигм в основных областях жизнедеятельности:

- смена идеологической конфронтации на цивилизационную, культурно-ценностную;
- исчезновение главного политического оппонента и военно-политического центра силы в лице СССР и ОВД;
- усиление экономического, финансового и торгового влияния новых центров силы;
- появление новых влиятельных акторов мировой политики.

В самом простом виде эту новую (однополярную) архитектуру можно представить следующим образом (рис. 2.12).

Как видно из модели новой архитектуры МО, сложившейся после 1990 года, основную роль играют страны, представленные в западной ЛЧЦ во главе с США. Вплоть до середины второго десятилетия XXI века эта архитектура не оспаривалась публично. Война на Украине, создание БРИКС, ШОС и ЕАЭС привело, однако, к тому, что в 2012–2016 годах произошло резкое «переформатирование» архитектуры МО и в публично-международном

Рис. 2.12. Новая (однополярная и односистемная) архитектура МО после 1990 года, которая характеризуется увеличением основных субъектов и негосударственных акторов МО и ВПО

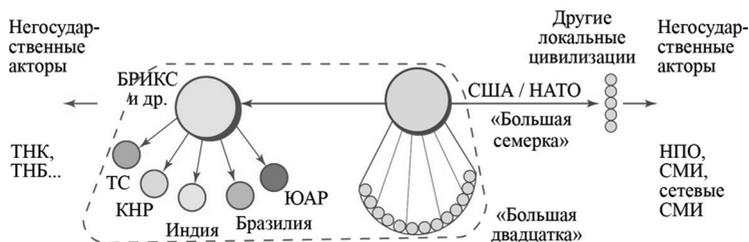
пространстве. Фактически было заявлено о появлении политически и экономически альтернативных центров силы, способных претендовать на изменение сложившихся в предыдущие годы, под эгидой и контролем США, систем.

Естественно, что новая модель и структура МО, заявленная в 2015 году, еще не стала пока свершившимся фактом, но и не учитывать этой очевидной тенденции в развитии МО (а, следовательно, и ВПО, и неизбежно СО, что уже было продемонстрировано в Сирии и на Украине) невозможно. Так, «на полях» заседания Генассамблеи ООН в сентябре 2015 года уже была запланирована встреча лидеров стран-членов БРИКС, а США немедленно отреагировали на изменение МО в том же 2015 году появлением нового варианта «Стратегии национальной безопасности»¹⁹ и «национальной военной стратегии США»²⁰.

Еще сложнее представляется прогноз будущей структуры и модели МО на 2030–2040 годы XXI века, когда новые центры силы

¹⁹ National Security Strategy / Wash.: The White House. 2015. February.

²⁰ The National Military Strategy of the United States of America / Wash. : GPO, June. 2015.

Рис. 2.13. Новая возможная архитектура МО в 2025 гг. XXI века

наберут свою мощь и смогут претендовать на военно-силовое изменение существующих международных норм и правил в свою пользу. Очень многое после 2030 года, например, будет зависеть:

- от того, насколько успешно США смогут силовыми средствами нейтрализовать изменение соотношения сил в пользу новых центров силы;
- насколько успешно смогут развиваться новые центры силы относительно западной ЛЧЦ и друг друга;
- насколько успешно будет западная ЛЧЦ и многих других факторов.

Как видно из рисунка, будущая МО и ВПО (как ее составная часть) будут формироваться под влиянием, прежде всего, противоборства ЛЧЦ, которое будет определяющим по отношению к двум другим основным группам — мировым тенденциям и негосударственным акторам, — потому, что ЛЧЦ во многом смогут интегрировать в свое развитие как общемировые закономерности развития, так и роль негосударственных акторов. Во многом потому, что сами ЛЧЦ являются синтезом развития как объективных факторов — субъектов государства-лидеров ЛЧЦ, цивилизационных тенденций, так и акторов — религиозных, общественных, международных и иных организаций, а также субъективных тенденций развития НЧК локальных цивилизаций и наций.

Таким образом, стратегический прогноз развития модели будущей архитектуры МО в котором реализуется конкретный сценарий развития, лишь задает самые «общие рамки» долгосрочного прогноза, которые очень важны, но не несут в себе конкретного содержания. Такое конкретное содержание предоставляет прогноз

развития субъектов МО — ЛЧЦ, государств и акторов, а также глобальных тенденций, — которые должны рассматриваться в единой системе, во всей своей взаимосвязи, а не по отдельности. Такой конкретный прогноз предполагает, что необходимо двигаться от частного (анализа и прогноза отдельного фактора) к общему (сумме этих факторов). В частности, необходим прогноз если не всех 200 государств, то ведущих стран мира — «Большой двадцатки» (25–30 государств), которые будут формировать будущий облик МО, а также, безусловно, всех ЛЧЦ и основных акторов.

Но этот же конкретный прогноз развития отдельных субъектов и акторов МО должен интегрироваться изначально в одну из теоретически обоснованных моделей развития сценариев МО. В противном случае даже наличие огромного числа систематизированных фактов и данных не обеспечит условий для прогноза конкретного варианта развития МО.

ГЛАВА 3
Стратегия, состояние
и перспективы развития
западной локальной
человеческой цивилизации
во главе с США

Центральным звеном в системе стратегического управления на государственном и корпоративном уровнях являются долгосрочные прогнозы

*Б. Кузык, В. Кушлин, Ю. Яковец
авторы учебника по стратегическому прогнозированию*

Стратегический прогноз сценария развития западной ЛЧЦ и США зависит от огромного числа объективных факторов и тенденций, а также вполне субъективных обстоятельств, т.е. относительно постоянных и переменных величин, о которых мы не писали в предыдущих работах¹. В настоящей работе рассматриваются лишь наиболее общие из них, а также только те факторы, тенденции и условия, которые известны в настоящее время и уже могут учитываться в той или иной степени. Будущие парадигмы развития США и МО лишь затрагиваются. В частности, например, многое зависит от адекватности и точности оценки современной политики США, которая, безусловно, является достаточно субъективной в экспертном сообществе и правящей элите России, но имеет огромное значение для прогноза и планирования. В общем виде сценарий развития США отображен на следующем рисунке (рис. 3.1).

Будущий сценарий развития США формируется в основном под влиянием следующих групп факторов, которые также находятся в динамичном развитии:

- группа факторов «Б» (внешние условия: МО, ВПО, СО в мире, регионах и субрегионах);
- группа факторов «Г» (ресурсы, которыми обладает данный субъект или актор);

---

¹ См., например: Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрова. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — 743 с.

Рис. 3.1. Сценарий развития США (долгосрочный и среднесрочный прогноз) и основные группы факторов влияния

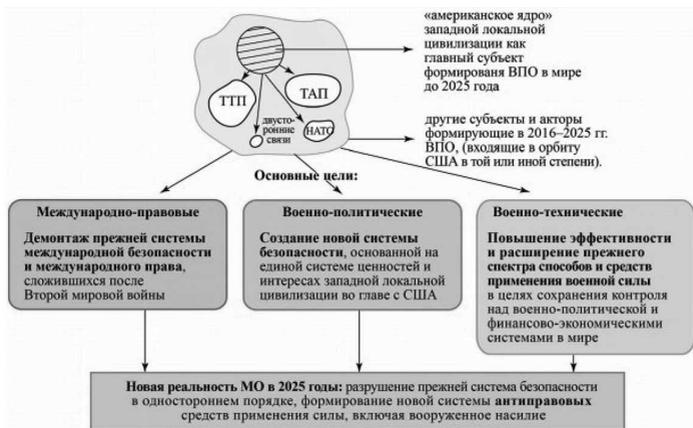
- группа факторов «Д» (субъективные представления и когнитивные возможности правящей элиты субъекта);
- группа факторов «А» (фундаментальные интересы и система ценностей субъекта МО).

Прежде всего, стратегический прогноз того или иного сценария развития США зависит от множества основных и менее важных внешних (по отношению к США) факторов: развития тех или иных сценариев международной и военно-политической обстановки.

Именно они формируют в своей совокупности внешние условия существования и развития любого субъекта или актора МО.

В целях нашего исследования важно определить общие тенденции развития западной ЛЧЦ до 2025 года, которые представляются достаточно определенными и выглядят следующим образом (рис. 3.2.).

Представляется, в конечном счете, что только совокупное, системное и комплексное представление о внешних и внутренних факторах и тенденциях, влияющих на формирование основных сценариев развития США и их конкретных вариантов, включая субъективные оценки, представления и особенности, может дать относительно полный анализ и прогноз политики США в будущем.

Рис. 3.2. Основные направления среднесрочной стратегии западной локальной цивилизации до 2025 годов

При этом необходимо постоянно иметь в виду, что такой прогноз предопределен знанием и пониманием на современном уровне существующих парадигм мирового и национального развития и может лишь отчасти опираться на предположения о тех будущих парадигмах, под влиянием которых в основном и будут формироваться сценарии развития США и их варианты.

3.1. Базовый сценарий развития западной локальной человеческой цивилизации и США

Наиболее важными группировками государств являются уже не три блока времен холодной войны, но, скорее семь или восемь основных мировых цивилизаций

*С. Хантингтон,
политолог*

Любой базовый сценарий развития того или иного субъекта или актора МО (нации, государства, организации) в настоящее время должен принимать во внимание особенности развития

локальных человеческих цивилизаций и характера отношений между ними в XXI веке. Отношения между отдельными субъектами МО и ВПО во все большей мере предопределяются политическими и цивилизационными отношениями между ЛЧЦ и, прежде всего, их лидерами. США, возглавляющие западную ЛЧЦ и соответствующую военно-политическую коалицию, безусловно не только несут ответственность за входящие в эту коалицию государства, но и используют в своих интересах общие ресурсы и возможности. Так, в 2017 году в эту коалицию входило около 60 государств, а «вклад» экономики США составлял менее 40%.

Подобная логика предполагает, что формирование сценария развития США до 2025 года и далее, должно учитывать особенности более широкого сценария развития — сценария развития ЛЧЦ — и отношений между основными ЛЧЦ в XXI веке. Этот процесс взаимодействия США и западной ЛЧЦ достаточно сложен и противоречив, но в целом прогнозируемый. Тем более что развитию связей внутри западной ЛЧЦ и коалиции США придают приоритетное значение, полагая, что именно «прочность союзов и военно-технологическое превосходство являются основой стратегии безопасности США»².

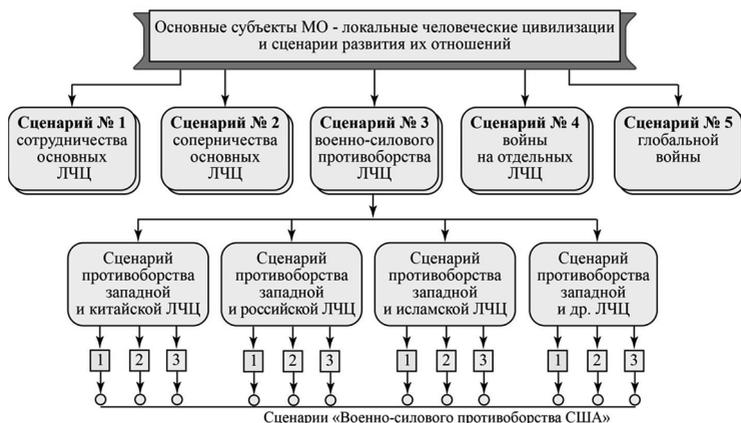
Важно также помнить, что любой базовый сценарий развития может считаться таковым только достаточно условно потому, что он учитывает основные экономические, социальные и иные тенденции, но он не сможет учесть появления (всегда неожиданного) какого-то фактора, который сможет радикально изменить все сценарные условия. Тем не менее, с этой важной и обязательной оговоркой, мы должны попробовать сформулировать такой сценарий. Чтобы в какой-то мере учесть возможность и даже вероятность появления такого субъективного фактора в нашем прогнозе будущего сценария развития США, предлагаются три варианта его развития (рис. 3.3).

Варианты военно-силового противоборства западной ЛЧЦ:

1. Вариант использования широкого спектра средств и способов силового противоборства (военных и невоенных).
2. Вариант использования военной силы в ограниченных масштабах и на отдельных ТВД (в региональных и локальных войнах).

---

² National Security Strategy of the U.S. — Wash.: GPO, 2015. — 10 February. — P. 2.

Рис. 3.3. Сценарии и варианты развития ЛЧЦ и отдельных субъектов (на примере США)

3. Вариант использования военной силы в любых масштабах и на глобальном уровне.

Как видно из рисунка, в котором отображена логика развития отношений между ЛЧЦ в XXI веке, сценарий развития США — как лидера западной коалиции — должен «вписываться» в рамки отношений между ЛЧЦ.

Можно допустить, что общий сценарий отношений между ЛЧЦ (в нашем случае Сценарий №3) не будет наиболее вероятным. Также, возможно, будет, например, Сценарий №2 («Соперничества»), который «уже в чистом виде» не сохранился: отношения западной ЛЧЦ с частью исламской ЛЧЦ, уже перешли на уровень Сценария №3, а отношения российской ЛЧЦ — фактически приблизились к этому уровню.

Общая характеристика предлагаемого сценария «Сценария №3» заключается в том, что его реализация (в любом из трех предлагаемых ниже наиболее вероятных конкретных вариантов) будет определять принципиальные рамки не только национальной безопасности всей ЛЧЦ, но и развития США в эти годы, как государства-лидера ЛЧЦ. Главной целью США и западной коалиции будет силой сохранить и по возможности даже укрепить созданную ими финансово-экономическую и военно-политическую систему отношений между ЛЧЦ в мире.

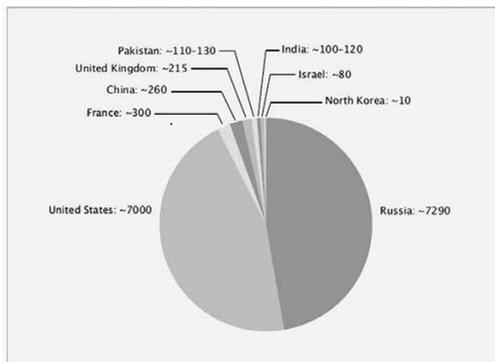
В 2017 году США были единственным глобальным игроком, формулирующим основные правила игры в мире, ни игроком, учитывающим интересы своих основных союзников, которые в противном случае не участвовали бы в коалиции. Как и в любой коалиции, ее члены стремятся сделать сами «поменьше», а получать «побольше». В этом и заключается пафос политики Д. Трампа по отношению к союзникам США. И тем игроком, который будет формулировать эти правила игры до 2025 года вне зависимости от того, нравится это кому-то или нет. Неизбежный рост влияния и возможностей новых центров силы и ЛЧЦ достаточно трезво оценивается США, которые, однако, предполагают и планируют политические и военные мероприятия по нейтрализации роста этого влияния, воспринимаемого как возможные угрозы.

Пока еще не существует прямой зависимости между ростом мощи новых центров силы и снижением возможности западной коалиции силовыми средствами противодействовать этому: ни Россия, ни Китай, ни Индия, ни Бразилия пока что не оспаривают военного превосходства США.

Примечательный пример: наряду с ростом мощи новых центров силы увеличивались и их военные возможности, в т.ч. в области ядерного оружия, что казалось бы «размывало» в последние десятилетия монополию США на власть и способность контролировать ситуацию в мире, но это, однако, отнюдь не привело к потере контроля со стороны США. Как видно из данных, приводимых ниже (рис. 3.4³), у США уже нет абсолютного ракетно-ядерного превосходства, однако от этого позиции США в мире отнюдь не стали слабее за последние 20–30 лет. Наоборот, эти позиции скорее укрепились.

Стратегическое равновесие, достигнутое СССР с США в начале 1970-х годов, было позже «разбавлено» китайскими, индийскими, израильскими, пакистанскими, корейскими и иными арсеналами, что, однако, отнюдь не сделало слабее США в военном плане потому, что «стратегическое уравнение» стало включать в себя и неядерные вооружения, прежде всего ВТО и системы ПРО. Поэтому можно вполне обоснованно сделать вывод о том, что и дальнейшее изменение соотношения сил до 2025 года совсем не обязательно

³ Trends in World Nuclear Forces, 2016 / SIPRI Fact Sheet, 2016. June.

Рис. 3.4. Распределение ядерной мощи по странам в 2016 году

приведет к потере США своих стратегических позиций в мире. Более того, в США исходят из того, что неизбежное изменение в соотношении сил между ними и новыми центрами силы при определенных условиях может сопровождаться даже укреплением позиций западной ЛЧЦ и США.

Распространение ядерных потенциалов и военных технологий происходило все последние десятилетия, и не смотря на все усилия США его не удалось остановить. Есть все основания полагать, что новейшие военные технологии и ядерное оружие до 2025 года станут достоянием уже не только США и России, а также Англии и Франции, но и многих других государств — от Бразилии и Ирана до Пакистана и Египта. Но эти процессы не повлияют радикально на положение США как гегемона в мире, также как они не повлияли прежде.

В силу этого обстоятельства, предлагаемый базовый сценарий «Военно-силового противоборства» и развития США и их ЛЧЦ, при котором США сохраняют свое мировое лидерство, означает, прежде всего, его вероятность, которая представляется наибольшей, даже единственно возможной, как минимум, в среднесрочной перспективе до 2025 года. Причем все три варианта этого наиболее вероятного сценария установки на сохранение фактического доминирования США в мире в 2017–2025 годы, будут сохранять свою актуальность не только до конца периода, но и лягут в основу

базового сценария развития США после 2025 года. Естественно, что наибольшая вероятность того или иного сценария не исключает возможностей развития других сценариев. Та или иная возможность может быть реализована в условиях радикально изменившихся обстоятельств. Как уже говорилось выше, эти изменившиеся обстоятельства (радикально повлиявшие на реализацию наиболее вероятного сценария в пользу иных, возможных) могут быть связаны с четырьмя основными группами факторов:

- **группа внешних факторов:** политических, экономических, финансовых, культурно-цивилизационных и др., формирующих МО и ВПО в мире;
- **группа факторов, связанных с изменениями в правящих элитах:** смене взглядов, систем ценностей, переоценке приоритетов и пр. представлений о национальных интересах и ценностях;
- **группа факторов, связанных с изменениями в состоянии национальных и коалиционных ресурсов;**
- **группа факторов, связанных с целями и задачами политики.**

Кроме этих групп необходимо выделить еще две группы факторов, имеющих фундаментальное значение (система национальных ценностей и интересов) и стратегии которые являются производными от указанных выше четырех групп факторов. Можно представить себе такие радикально изменившиеся обстоятельства на следующих примерах:

- радикально изменившаяся МО и ВПО в результате неожиданно возникшей коалиции некоторых ЛЧЦ, например, китайской российской и исламской, которая резко изменит соотношение сил не в пользу западной ЛЧЦ;
- изменения в правящих элитах, которые могут произойти в результате социальных революций, внутривнутриполитических переворотов, роста экстремизма и радикализма (например, в результате национальных взрывов в США);
- изменения в ресурсах, могут быть как положительные (быстрый рост и развитие в результате технологических скачков), либо отрицательные (экологические бедствия, рыночные потрясения и т.п.).

Подобные радикальные изменения возможны, более того, даже неизбежны. За ними необходимо внимательно следить, но до их

проявления исходить из существующих реалий.

В этой связи не думаем, что целесообразно рассматривать в практическом плане какие-то иные сценарии развития западной ЛЧЦ и США, которые не являются реалиями. Они явно не просматриваются пока что в 2017 году, хотя теоретически, в интересах перспективного прогноза, можно было бы говорить как о возвращении возможного (и популярного прежде) сценария «господства международного права», сложившегося во многом под влиянием США после Второй Мировой войны, либо сценария «свободной торговли и обмена услугами», который постоянно декларируется, но также реально невозможен вне абсолютного контроля США.

Также представляется маловероятным реализация сценария «Военно-силового противоборства» западной ЛЧЦ и США в рамках теоретически возможных глобальных сценариев, которые иногда рассматриваются: абсолютное превосходство до 2025 года западной ЛЧЦ и коалиции делает, на наш взгляд, крайне маловероятным популярный сценарий «мягкой глобализации» или «новой многополярности» (который можно рассматривать только как перспективный). Популярная идея многополярности хороша как идея будущего, как пожелание, но не несет практического смысла, как минимум, до 2025 года. Она только запутывает анализ МО и ВПО. В целом процесс формирования многополярности отнюдь не является очевидной угрозой гегемонизму западной ЛЧЦ и США и не слишком оптимистичен для России в среднесрочной перспективе. Многополярность, при которой абсолютное и относительное значение России невелико, мало что объясняет. Соотношение сил между ЛЧЦ до 2025 года, если говорить об экономической и военной мощи, может быть в отрегированно-препарированном виде следующим: см. табл. 3.1.

Иными словами даже в условиях объединения всех основных ЛЧЦ на антизападной и антиамериканской основе, западная ЛЧЦ и США смогут обеспечить себе экономическое и военно-техническое превосходство до 2025 года.

С другой стороны, сценарий глобального развития «Новая гегемония» можно рассматривать в качестве желательного для американского истеблишмента и даже целевого, однако малореального в среднесрочной перспективе, в силу признаваемого даже в США процесса изменения мировых сил не в их пользу.

Таблица 3.1. Соотношение сил до 2025 года между ЛЧЦ и странами-лидерами

	Западная ЛЧЦ США	Китайская ЛЧЦ Китай	Российская ЛЧЦ Россия	Исламская ЛЧЦ	Бразильская ЛЧЦ Бразилия	Антизападная коалиция китайской, российской, исламской ЛЧЦ
Западная ЛЧЦ США	1 : 1	3 : 1	5 : 1	3 : 1	6 : 1	2 : 1
	2,5 : 1	3,5 : 1	6 : 1		7 : 1	
Китайская ЛЧЦ Китай	3 : 1	1 : 1	3 : 1	4 : 1	5 : 1	1 : 2
	3,5 : 1	1,5 : 1	2,5 : 1		3 : 1	
Российская ЛЧЦ Россия	1 : 5	1 : 3	1 : 1	1 : 1	1 : 1	1 : 5
	1 : 6	1 : 2,5	1 : 0,7	2,5 : 1	1 : 1	
Бразильская ЛЧЦ Бразилия	1 : 6	5 : 1	1 : 1	1 : 2		1 : 7
	7 : 1	3 : 1	0,7 : 1	1 : 2,5		

Другой глобальный сценарий, который достаточно популярен среди экспертов, — «регионализация» — фактически превращается в сценарий «мягкой глобализации» в последние годы, оставаясь перспективным, может быть, в долгосрочном, но малореальным в среднесрочном плане. Исключение в этой связи, правда, может составить сценарий внутривосточной дезинтеграции США, который может быть для них крайне разрушительным, но не таким, уже, неожиданным. Вспомним единственную серьезную войну — гражданскую, — в которой США участвовали на своей территории. Но для любого такого внутривосточного сценария, который, как правило, развивается в трех областях — религиозной, национальной и социальной — сегодня требуется и решительная заинтересованность внешнего фактора. Так, как это было, например, на Украине, в Ливии, Ираке, Югославии и других странах, где таким фактором были США и их союзники по коалиции. Но сегодня такого фактора пока нет, если не считать, конечно, слабую фронду Евросоюза за такой фактор.

Подытоживая, можно констатировать, что наиболее вероятным сценарием развития США до 2025 года является сценарий развития западной ЛЧЦ «Военно-силовое противоборство», в рамках которого будут реализовываться те или иные практические варианты этого сценария.

Учитывая, что для целей политического прогноза нужны именно практические варианты наиболее вероятного сценария развития США, предлагается рассмотреть ниже их более подробно, сознательно ограничиваясь именно этими, наиболее вероятными вариантами сценария развития США.

3.2. Модель базового сценария развития западной локальной человеческой цивилизации и США

... через четверть века после окончания холодной войны
Соединенные Штаты стоят на краю пропасти
скатываясь в очередные ядерные дебаты

*Ф. Каплан,
публицист*

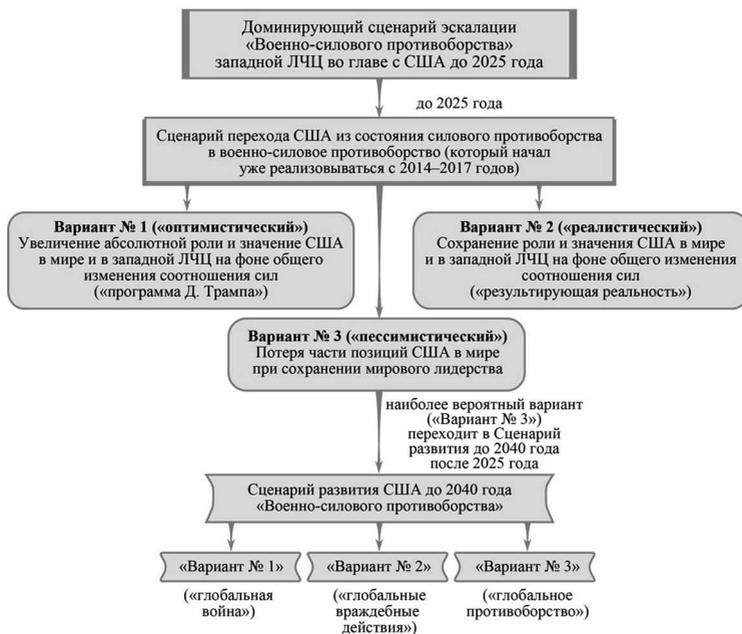
В самом общем, логически-формальном, виде стратегический прогноз базового сценария развития США до 2025 года коротко может выглядеть следующим образом⁴:

1 этап: (Оценка ситуации) Констатация того, что современный сценарий развития США представляет собой ускоренную реализацию сценария «Военно-силового противоборства» США и западной ЛЧЦ и в целом с другими ЛЧЦ, странами, коалициями и акторами, но прежде всего, Россией, КНР и исламской ЛЧЦ.

2 этап: Признание эскалации сценария «Военно-силового противоборства» в варианте доминирования вооруженного противоборства с применением военных средств до 2025 года.

---

⁴ См. подробнее: Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки: монография / под ред. А.И. Подберезкина, К.П. Боришполец. М.: МГИМО, 2014. — 874 с.

Рис. 3.5. Стратегический прогноз базового сценария развития США до 2025 года

3 этап: Такая эскалация реализуется до 2025 года в трех наиболее вероятных вариантах базового сценария:

- «оптимистическом»;
- «реалистическом»;
- «пессимистическом».

4 этап: «Пессимистический» (Вариант №3) становится к 2025 году доминирующим вариантом сценария.

5 этап: На базе «пессимистического» варианта формируется базовый сценарий развития США после 2025 года, который будет реализовываться в зависимости от конкретных условий в одном из своих трех вариантов, основанных на известных парадигмах.

6 этап: Прогноз возможных вариантов, развивающихся сценарии, основанные на новых парадигмах.

Подобная логика может стать, естественно, только основой для дальнейших размышлений и прогноза, но даже в этом своем качестве

она сужает анализ и прогноз до вполне ограниченного и поддающегося рациональному осмыслению реалистического перечня наиболее вероятных сценариев и их вариантов из которых выделяется, в конечном счете, единственный, базовый, сценарий и его варианты.

Негативной стороной такого подхода является:

- исключение изначально неких теоретически возможных (например, «многополярных») сценариев развития МО;
- отказ от рассмотрения изначально неких возможных «оптимистических» сценариев развития МО и США, в основе которых лежат принципы международного права, нравственности или иные мотивы;
- известная механистичность и формальность в перечне вариантов одного и того же сценария и т.д.;
- сценарий развития США рассматривается в самой тесной связи и даже зависимости по сценариям развития МО и западной ЛЧЦ.

Итак, не только доминирующим, но и единственно реальным стратегическим сценарием развития США до 2050 года представляется сценарий «Военно-силового противоборства» с другими ЛЧЦ, в котором Соединенные Штаты выступают лидером и основным выгодополучателем. При этом как уже говорилось, необходимо четко разделить этот этап развития США, как минимум, на два периода — до 2025 года и 2025–2040 года.

В среднесрочной перспективе (до 2025 года) это лидерство, безусловно, сохранится, а, возможно, и упрочится. Единственным возможным конкурентом на экономической и «технологической поляне» сможет стать Китай, но это может произойти только в нескольких отдельных научно-технических и технологических областях.

На коалиционном антизападном фронте возможно формирование межцивилизационных союзов и клубов, имеющих определенную антизападную и антиамериканскую направленность во главе с некоторыми ЛЧЦ, прежде всего российской, китайской, исламской и — в более далекой перспективе бразильской, индонезийской и др. Таким образом, можно утверждать, что в среднесрочной перспективе сохранится контроль США над системой союзов и союзников, созданной и действующей эффективно в Афганистане, Ираке, Иране, на Украине, а, в конечном счете — против России. Более того, к этому союзу смогут добавиться не только

отдельные страны, например, Вьетнам, но и целые ЛЧЦ, например, Индия, которая может стать к 2040 году второй по величине ВВП страной в мире. Но даже подобное развитие событий не повлияет радикально на позиции США.

Таким образом, два основных «столпа» американской мощи — технологическое и экономическое превосходство, с одной стороны, и возглавляемая ими широкая западная коалиция, с другой стороны, — в среднесрочной перспективе до 2025 года не просто сохранятся, но и, скорее всего, укрепятся.

3.3. Силовое противоборство в политике западной локальной человеческой цивилизации

Стратегическое планирование в общем случае представляет собой процесс определения целей организации... и их изменений, а также ресурсов..., и политики, направленной на приобретение и использование этих ресурсов

У. Кинг, Д. Клиланд

Наиболее вероятный («базовый») сценарий развития США, как уже говорилось, до 2025 года является, в конечном счете, производным от политических целей правящей элиты, затрачиваемых на их достижение ресурсов и избранной стратегии. В нашем случае это будет выглядеть следующим образом:

Политическая цель: сохранение контроля США над военно-политической и финансово-экономической ситуацией в мире.

Ресурсы: огромные национальные ресурсы и ресурсы западной ЛЧЦ (всей коалиции) в технологической, информационной и военно-политической области.

Стратегия: использование всего спектра силовых способов и преимуществ США и западной ЛЧЦ — от информационных до военных.

Выше уже говорилось о военно-силовом спектре средств и способов политики США, который некоторые российские военные ученые справедливо рассматривают в качестве отдельной формы использования средств в интересах политики — «враждебные

действия». В самом общем виде они представляют ситуацию следующим образом:

Методологические новации в предметной области

ВРАЖДЕБНЫЕ ДЕЙСТВИЯ (геополитические, межгосударственные, этно-конфессиональные, социальные) — форма устранения противоречий между субъектами противоречий в противоборстве с применением открытого насилия или в ходе непрямых (скрытых) действий, проводимых с целью изменения центра доминирования, политики и (или) основ политического (этно-конфессионального, социального) устройства объектов воздействия

МИР — состояние межгосударственных межблоковых, межкоалиционных) отношений (а также отношений между политическими, этно-конфессиональными и социальными субъектами внутри страны), характеризующееся отсутствием враждебных действий (отношений)

ВОЙНА — вид межгосударственных враждебных действий (а также между политическими, этно-конфессиональными и др. субъектами внутри страны) — социально-политическое явление, заключающееся в открытой реализации мер насильственного принуждения объектов воздействия к подчинению требованиям субъектов, в т.ч. в ходе военных действий

Как видно из приведенных определений, современное состояние отношений между Россией и США «миром» точно не назовешь: налицо не только явные враждебные действия, но и их эскалация.

Примером таких действий в информационной области может служить иллюстрация активности СМИ западной ЛЧЦ в конце 2016 года.

Стратегические — информационные операции против политического руководства РФ и стран СНГ.

Моделью военно-силовой политики США в будущем, стала политика США по отношению к КНДР, которая в комплексе системно включает весь «набор» силовых инструментов.

Палата представителей конгресса США проголосовала за расширение санкций против Северной Кореи из-за ее ракетной и ядерной программ. Законопроект был поддержан 419 голосами, сообщает Associated Press. Против высказался лишь один законодатель.

Документ, подготовленный республиканцем Эдом Ройсом, предписывает организовать мониторинг за инфраструктурой,

Актуальные формы враждебных действий и их нейтрализации

Сферы	Формы
Политическая	<p>Формы открытых действий из иных сфер борьбы (экономические, информационные, психологические операции). Тайные операции.</p> <p>Операции «мягкой силы». Операции под прикрытием. Операции публичной дипломатии. Дипломатические акции.</p> <p>Гуманитарные операции. Гуманитарные интервенции. Действия по оказанию экономической помощи. Действия в рамках международных программ развития. Действия в рамках культурного обмена. Террористические действия.</p>
Информационная	<p>Идеологическая и психологическая обработка общественного сознания в различных формах.</p>
Экономическая	<p>Формы открытых действий из иных сфер борьбы — политические (дипломатические), информационные, психологические операции (действия).</p> <p>Специальные финансовые операции. Пиратство, террористические действия в экономически важном районе.</p> <p>Действия по внедрению ГМО в систему продовольственного обеспечения.</p>
Военная	<p>Разведывательные операции. Демонстративные действия. Ложные операции.</p> <p>Миротворческие действия.</p> <p>Скрытый маневр силами, средствами.</p> <p>Сдерживание.</p>

используемой для нарушения санкций СБ ООН против КНДР. В течение 180 дней после принятия закона, а затем ежегодно в течение пяти лет Президент должен направлять в соответствующие комитеты конгресса отчеты о том, какие именно порты и аэропорты в этом задействованы, следует из документа. Под особым контролем окажутся, в частности, российские Находка, Ванино и Владивосток. Отчеты по ним должны включать в себя «конкретные выводы», отмечается в законопроекте. Наряду с российскими портами американские законодатели настаивают на прицельных проверках китайских Даньдуна и Даляня, а также любых других, которые Президент сочтет достойными внимания, иранских портов

и аэропорта имени Имама Хомейни в Тегеране, а также сирийских Латакии, Банияса и Тартусы.

Пограничные и таможенные службы предлагается наделить правом досматривать суда, побывавшие в Северной Корее в течение последних 365 дней или посетившие порты — нарушители резолюций СБ ООН. Северокорейские суда, а также корабли, нарушившие санкционный режим, не смогут заходить в территориальные воды США. Аналогичные отчеты должны представляться в конгресс по персоналиям или иностранным правительствам, участвующим в финансовом консультировании КНДР.

Отдельной оценки законодатели требуют для сотрудничества Ирана и Северной Кореи по ядерной программе, разработке баллистических ракет, а также химическому и бактериологическому оружию. Соответствующий доклад должен быть представлен не позднее, чем через 90 дней после принятия закона и далее ежегодно на протяжении пяти лет.

Также в течение 90 дней Госдепартамент должен определить, является ли КНДР спонсором международного терроризма, с возможным включением в соответствующий список стран, предполагающий введение своих санкций.

Использование «рабского труда» граждан КНДР за рубежом законопроект также ставит под запрет. По словам Ройса, компании из Сенегала и Катара импортируют северокорейских рабочих в Анголу, которые отправляют свои заработки на родину, «зарабатывая для режима миллиарды долларов в год в твердой валюте», приводит его заявление АР. Эти деньги северокорейский лидер Ким Чен Ын использует для продвижения своих ядерной и ракетной программ и платит своим генералам, покупая, таким образом, их лояльность, рассказал американский законодатель, сославшись на информацию «высокопоставленных перебежчиков», с которыми он встречался. «Так что давайте вытрясем его кошелек!» — призвал Ройс.

С этой же целью — оказать финансовое давление на Пхеньян — законопроект вводит запрет на закупку у КНДР значительных объемов угля, железа или железной руды, сверх норм, определенных СБ ООН⁵.

⁵ Одобренные конгрессменами санкции против КНДР вводят особый контроль за портами Приморья / Ведомости, 2017. 5 мая.

В настоящее время получила распространение новая гражданская цифровая культура, в котором так называемые «социальные» и/или «разговорные» технологии или социальное программное обеспечение предоставляют беспрецедентные возможности для повседневной деятельности пользователей. Термин Web 2.0 вошел в обиход, чтобы отразить продолжающийся переход World Wide Web из коллекции веб-сайтов к полноценной вычислительной платформе, обслуживающей социальные веб-приложения, такие как электронная почта, форумы, чаты, блоги и вики для конечных пользователей⁶. Конструктивистские теоретики в области обучения⁷ объясняют, что процесс выражения знаний добавляют к его созданию еще и беседы, которые идут на пользу для уточнения знаний. Чунг и др. утверждают, что разговорное управление знаниями выполняет эту цель, потому что разговоры, например, вопросы и ответы, становятся источником соответствующих знаний⁸.

Социальные технологии облегчают процессы, где создание и хранение знаний осуществляется через дискуссионный форум, в котором участники вносят свой вклад посредством дискуссии с вопросами и ответами, или через Weblog, типичным примером, которого является процесс рассказывания историй или через вики, используя совместное написание⁹.

В корпоративной среде появляется термин Enterprise 2.0, который отражает использование произвольной формы социального программного обеспечения внутри компании, направленного

---

⁶ Савин Л. В., Федорченко С. Н., Шварц О. К. Сетецентрические методы в государственном управлении. — М.: ООО «Сам полиграфист», 2015. — 146 с.

⁷ Vygotsky L. «Mind in Society», Cambridge, MA: Harvard University Press; Leidner, D. & Jarvenpaa. — S.1995 / «The use of information technology to enhance management school education: A theoretical view», MIS Quarterly, 1978. — Vol. 19. — №3. — P.265–291.

⁸ Cheung, K. S. K., Lee, F. S. L., Ip, R. K. F., & Wagner, C. «The Development of Successful On-line Communities», International Journal of the Computer, the Internet and Management. — Vol. 13. — №1, 2005. — P.71–89.

⁹ Hasan, H. and Pfaff, C.C. 2006. «Emergent Conversational Technologies that are Democratising Information Systems in Organisations: the case of the corporate Wiki», Proceedings of the Information Systems Foundations (ISF): Theory, Representation and Reality Conference, Australian National University, Canberra, 27–28 September 2006.

на поддержание работы подразделения и отдельного работника знаний. Гордон и Ганесан отстаивают другое видение для систем управления знаниями, которое специально предназначено для фиксирования и использования рассказов в общинах и организациях в контексте нормальных, обычных разговоров¹⁰.

Беседа и другие виды коммуникации человека с человеком должны быть использованы в современных системах управления знаниями, так как значение беседы используется для упаковки и передачи неявных знаний. Привлечение этих социальных технологий выгодно по причине их низкой стоимости, интуитивно понятной функциональности и возможности подключения. Социальные технологии поддерживают новые формы сетецентричного взаимодействия и деятельности между людьми, что позволяет и улучшает неформальный доступ для создания и распространения информации. Эти технологии расширяют возможности обычных людей, чтобы иметь глобальное присутствие для деловых, политических и социальных целей. **Новые социальные технологии в фокусе этого проекта являются инструментами растущей цифровой демократии.**

Развитие даже отдельной части всей военно-политической коалиции западной ЛЧЦ — Североатлантического союза — в 2014–2017 годах полностью подтверждает этот вывод. Так, в 2015 году лидеры стран НАТО на саммите в Уэльсе приняли «План действий по обеспечению готовности» (ПДОГ). В настоящее время он почти полностью выполнен. За прошедшие годы численность Сил реагирования НАТО (СРН) увеличилась в три раза и составляет 40 тыс. военнослужащих. Основные подразделения этих сил могут начать свои действия через несколько дней с момента возникновения противостояния с противником. Как отметил Столтенберг, на восточном ТВД Североатлантического альянса развернуты восемь небольших штабов. Они созданы для обучения войск и — в случае необходимости — для организации развертывания боеготовых воинских формирований. Кроме того, НАТО развернуло восемь подразделений своих сил в Болгарии, Венгрии, Латвии, Литве, Польше, Румынии, Словакии и Эстонии. Они подчиняются штабу

---

¹⁰ Gordon A.E., Ganesan K. Automated Story Capture From Conversational Speech, K-CAP'05, October 2–5, 2005, Banff, Canada.

многонационального корпуса «Северо-восток» в Щецине и штабу многонациональной дивизии «Юго-восток» в Бухаресте.

ПДОГ обеспечивает баланс между потребностями расширения военного присутствия сил НАТО в некоторых регионах и возможностью повышения боевого потенциала этих сил на любом ТВД блока. Мероприятия, проведенные в рамках данного плана, позволяют НАТО должным образом реагировать на потенциальные угрозы, исходящие с любого направления. Он дал возможность установить состав, численность и готовность СРН, включая конфигурацию Объединенной оперативной группы повышенной готовности, а также расставить новые акценты в процессах подготовки крупнейших воинских формирований ОВС, которые при необходимости могут повысить боевой потенциал любого государства — члена блока.

С целью гарантированного обеспечения безопасности своих членов в 2016 году НАТО осуществляло патрулирование силами истребительной авиации ОВС воздушного пространства прибалтийских стран. Самолеты дальнего радиолокационного обнаружения и управления (ДРЛОУ) осуществляли полеты над территориями государств блока, расположенных в восточной части общей территории Союза. Силами постоянных военно-морских противоминных групп НАТО велось патрулирование акваторий Балтийского и Черного морей. Патрульные самолеты ВМС контролировали восточные границы блока. Кроме того, для проведения учений на восточных территориях НАТО велось развертывание подразделений сухопутных войск. 83 из 246 учений, организованных в 2016 году, были направлены на обеспечение гарантий безопасности стран блока.

В последние годы, указывается в отчете НАТО, наблюдается увеличение числа гибридных угроз, при которых могут использоваться обычные и нетрадиционные средства ведения войны и проводиться открытые и тайные операции самого различного характера. В стратегии НАТО по противодействию гибридным угрозам подчеркивается необходимость готовности к потенциальным конфликтам такого рода. Неопределенность является неотъемлемой чертой таких противостояний. Ключевой составляющей данной стратегии является активизация сотрудничества НАТО с Европейским союзом, который играет важную роль в проведении акций гражданского характера в противодействии гибридным атакам.

В связи с появлением новых вызовов безопасности стран НАТО, руководители стран-членов блока на саммите в Варшаве в середине 2016 года приняли решение об организации передового присутствия воинских контингентов на ротационной основе в регионах Балтийского и Черного морей. В них будут входить развернутые в Латвии, Литве, Польше и Эстонии под руководством Канады, Германии, США и Великобритании многонациональные боевые группы. Под эгидой Румынии будет развернута многонациональная бригада для обучения военнослужащих. Эта бригада должна обеспечить безопасность стран НАТО в Черноморском регионе.

Передовое базирование станет неотъемлемой частью мер по сдерживанию агрессий и обеспечению обороноспособности стран альянса. В мирное время воинские контингенты НАТО, развернутые в Латвии, Литве, Эстонии и Польше, будут проходить боевую подготовку совместно с национальными ВС этих стран, что позволит повысить их оперативную совместимость и эффективность боевых действий. В условиях агрессии эти силы будут действовать в соответствии с правом на самооборону и в строгой координации с национальными силами принимающей страны¹¹.

Это, безусловно, позволит США решить главную для них задачу, которая выглядит следующим образом: сохранить в долгосрочной перспективе под своим контролем сложившиеся в мире финансово-экономические и военно-политические системы в условиях неизбежного изменения соотношения сил в пользу других ЛЧЦ, центров силы и коалиций.

Выбор в качестве наиболее вероятного (из большого числа возможных) сценария развития США до 2025 года представляет собой достаточно широкие рамки для манёвра и принятия тех или иных решений правящей элитой страны. Так, этот сценарий в начале 2017 года допускал приход к власти как Д. Трампа, так и Х. Клинтон, не исключая и других, «промежуточных» вариантов: основное направление и темпы движения по нему были предопределены уже задолго до выборов Президента США в ноябре 2016 года, а некоторые (порой существенные) детали, не влияли и не влияют в целом на весь сценарий.

---

¹¹ Иванов В. Гимн натовской Атлантиде / НВО, 31.03.2017 / http://nvo.ng.ru/gpolit/2017-03-31/1_942_nato.html

3.4. Три наиболее вероятных варианта базового сценария развития западной локальной человеческой цивилизации и США до 2025 года

Базовый сценарий развития США в рамках базового сценария развития западной ЛЧЦ до 2025 года вероятен в практической реализации, как минимум, в трех основных конкретных вариантах (формах). Здесь требуется оговориться: базовый сценарий представляет собой логически выстроенную тенденцию, суть которой в том, чтобы указать направления развития субъекта.

Дело в том, что базовый сценарий развития ЛЧЦ или государства достаточно абстрактен и основан на формальной логике, известных парадигмах и отсутствии массы постоянных факторов и переменных величин. Это предполагает, что его реализация в конкретный период и времени при определенных конкретных условиях будет происходить по одному из наиболее вероятных и конкретных вариантов.

Так, например, если базовый сценарий развития США один, то при его реализации администрацией Трампа или Клинтон он будет носить определенные конкретные черты и особенности того или иного варианта. И в конкретные периоды времени. Эти варианты будут находиться в целом в рамках одного сценария, но в деталях (иногда существенных для конкретных аспектов развития субъекта и его безопасности) могут существенно отличаться. Прежде всего, из-за учета некоторых субъективных особенностей развития и эволюции правящей элиты. Относительно заявленных стратегических целей в базовом сценарии развития и тех практических результатов, которые могут быть достигнуты, сегодня можно выделить три конкретных варианта развития «Военно-силового сценария США» до 2025 года:

Ни один из вариантов не предусматривает радикального изменения роли США в мире — ни с точки зрения усиления, ни с точки зрения ослабления. Однако разница в их реализации будет иметь для всех ЛЧЦ, наций и государств огромное значение ЛЧЦ.

Другое замечание: развитие до 2025 года США и западной ЛЧЦ не предполагает радикального влияния новых парадигм. Такие парадигмы, естественно, будут нарождаться в наступивший «пе-

реходный период» цивилизаций и смены формаций, но в 2018–2025 годы не ожидается их радикального усиления влияния на формирование МО и ВПО. Мы исходим из того факта, что уже известные технологические, политические и иные изменения достаточно революционны.

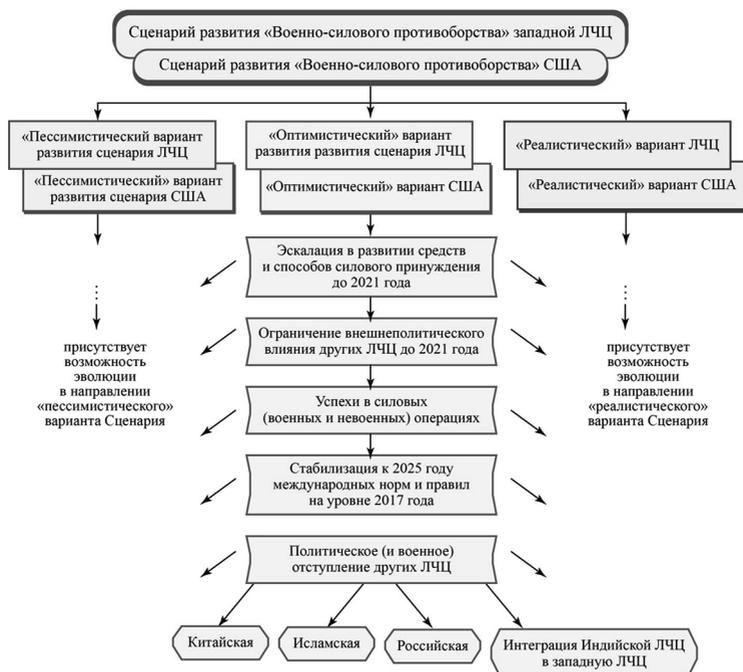
3.4. а). Вариант №1: «Оптимистический» вариант развития западной локальной человеческой цивилизации и США

В соответствии с этим вариантом сценария США не только сохранят, но и увеличат абсолютно и относительно свое научно-технологическое и экономическое превосходство, как в рамках западной коалиции, так и в мире в целом до 2025 года. Этот рост будет сопровождаться усилением глобального влияния США, которое, однако, не достигнет уровня после Второй мировой войны. Этот рост влияния будет:

- как в мире, так и отдельных регионах планеты, где американская модель и нормы укрепятся еще больше;
- в рамках созданной США широкой военно-политической коалиции, когда универсалистская, глобально-американизированная модель станет общей нормой.

Этот вариант сценария возможного развития США олицетворяет сегодня, прежде всего, подход значительной части консервативной американской элиты, возглавляемой Д. Трампом. Точнее — частью республиканского истеблишмента, ориентированного на то, чтобы США превратились из лидера Запада (несущего за многих стран коалиции бремя ответственности) в безусловного гегемона, который опирается на все ресурсы ЛЧЦ. Не случайно главные его лозунги: «Больше покупайте!» и «Больше производите в США!» нашли отклик у значительной части истеблишмента.

Уже в самом начале правления Трампа проявилось стремление найти баланс между традиционными консерваторами и новыми консерваторами. Этот баланс должен представлять собой идеальную прагматическую модель политики. При этом они не являются идеологами в классическом смысле. Как пишет Дмитрий Сулов: «Макмастер, а тем более Тиллерсон, не являются неоконсерваторами.

Рис. 3.6. Развитие «оптимистического» варианта сценария «Военно-силового противоборства» США до 2025 года

Первые два — ястребы, но ястребы — прагматики, а не идеологи». Именно прагматизм и лежит в основе отношения той части правящей элиты, которая пришла к власти в США. Этот прагматизм имеет достаточно агрессивное намерение — удержать позиции правящей элиты в условиях изменяющейся обстановки в мире.

Скорее всего в рамках реализации этого варианта сценария, можно говорить о постепенном формировании общего знаменателя между установками Дональда Трампа на национальные интересы США в их узком понимании и глобалистскими традициями республиканского консервативного истеблишмента. При этом по целому ряду вопросов (односторонность, максимизация военного превосходства США, максимальная свобода рук по части оборонной политики, утилитарный подход к союзническим отношениям) эти два

компонента вполне совпадают друг с другом. И не только в рамках республиканского, но и демократического и даже общенационального консенсуса. Другими словами, существующие варианты развития находятся в рамках одного сценария развития США.

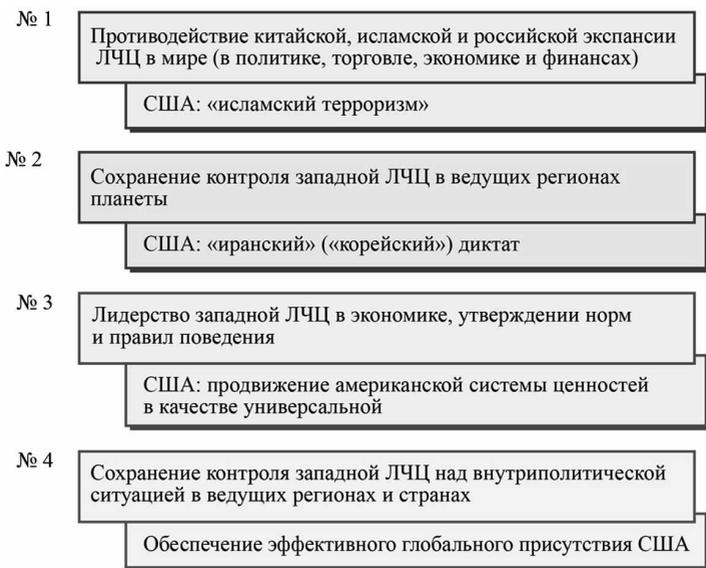
В соответствии с этим общим знаменателем, стратегическую цель внешней политики администрации Трампа можно определить следующим образом: обеспечить новое усиление Запада — и прежде всего США, как его центра, — возродить его глобальное первенство в материальном плане. Данная формулировка, призванная вызывать аналогии с никсоновско-рейгановскими временами, полностью соответствует лозунгам Трампа о возрождении величия США и проведении политики «Америка, прежде всего».

И Трамп, и представители американского истеблишмента внутри администрации сходятся в одном: невозможно лидировать и успешно бороться с угрозами и внешними условиями, не будучи самым сильным. Оба лагеря соглашаются, что активное перераспределение силы в пользу незападных великих держав и «проседание» США происходило в последнее десятилетие потому, что Америка слишком много тратила на попытки переделать другие страны и «слишком мало» занималась развитием собственной экономики и увеличением военной мощи. Пришло время заняться самоусилением, сфокусироваться на первенстве, а не лидерстве как таковом. Отсюда — экономический национализм администрации Трампа, её намерение существенно нарастить военные расходы и требование к европейцам делать то же самое.

В настоящее время сформировалось относительно внятное представление об иерархии угроз национальной безопасности США — в том виде как они понимаются новой администрацией (рис. 3.7).

На первое место выдвинута угроза: «международный исламский терроризм» в целом (примечательно, что с приходом Трампа прилагательное «исламский» в словосочетании «международный терроризм» перестало быть табуированным) и прежде всего ДАИШ (террористическая организация, запрещенная в РФ), как угроза важнейшим позициям США в отдельных регионах и угроза интересам всей западной ЛЧЦ.

На второе место выдвинута угроза со стороны Ирана, который рассматривается как главный спонсор терроризма, и как распространитель оружия массового поражения и ракетных технологий,

Рис. 3.7. Иерархия реальных внешнеполитических угроз западной ЛЧЦ и США

но, главное, как региональный лидер в Евразии, демонстративно отрицающий доминирование США и западной ЛЧЦ.

На третье место были отнесены Северная Корея и распространение ОМУ и ракетных технологий в целом.

Россия подразумевалась как важнейший вызов европейской безопасности и НАТО, но не называется, как правило, открытой угрозой национальной безопасности США. Во всяком случае, открыто и прямо. В этом — серьёзное отличие от подхода администрации Обамы, официально ставившей Москву на одну планку с ДАИШ и вирусом «Эбола». При этом, то время, которое Пенс и Мэттис, например, уделили в своих выступлениях терроризму и Ирану на традиционной конференции по безопасности в Мюнхене в начале 2017 года, несопоставимо больше того, что было посвящено России¹².

¹² Внешняя политика США — «большая сделка» между белым домом и республиканским истеблишментом. 2017. 3 марта / <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/vneshnyaya-politika-ssha-bolshaya-sdelka/>

3.4. б). Вариант №2: «Реалистический» вариант развития западной локальной человеческой цивилизации и США

Украинский кризис продемонстрировал, что мир вступил в новую реальность, определяющей характеристикой которой является конфронтация. Запад ввязался в борьбу с Россией, и это часть его противостояния со всем независимым, незападным сообществом

*А. Гилев,
военный эксперт*

В период 2017–2025 годов наиболее высока вероятность реализации «реалистического» варианта «Военно-силового сценария развития США», который сформировался еще в 2014–2016 годы при президентстве Б. Обамы и явился развитием силового сценария, существовавшего в США в 2008–2014 годы. Иными словами, «Реалистический» вариант сценария является последовательным развитием военно-силового сценария США, ставшего основой американской внешней политики еще в начале века. Его целью является сохранить (удержать, либо даже укрепить) существующее доминирование и контроль США над сложившимися МО и ВПО в мире к началу века в условиях усиления других ЛЧЦ и центров силы.

Этот вариант, по сути — инерционный вариант развития США, который реализовывался еще администрацией Б. Обамы, а до него — Буша. В целом он является консервативным вариантом реализации того же базового сценария развития США, при котором сохраняются в силе, прежде всего, парадигмы предыдущих десятилетий развития, когда страна находилась под управлением не только демократических, но и республиканских администраций, ориентированных на глобализацию, во «главе которой стоят США» и создания военно-политических и финансово-экономических систем, контролируемых США.

Этот вариант, также, предполагает, что США, как минимум, сохранят до 2025 года свое положение в военно-политической коалиции западной ЛЧЦ и в мире на сегодняшнем уровне, прежде всего, за счет активизации своего участия в расширении процессов глобализации. Его представляет и реализует в основном та часть правящей элиты, которая находится во главе с либералами-демократами из кланов Обамы–Клинтонов. Этот

вполне реалистический сценарий будет достаточно ресурсно-затратным, так как предполагает сохранение ситуации, этот вариант не предполагает резких движений и пересмотра правил внутри американских союзов и партнерств.

В условиях неизбежного изменения соотношения сил в пользу других центров силы, этот — подход будет неизбежно отвлекать все большее количество ресурсов для сохранения привычно-комфортной обстановки в мире для США. Даже в том случае, если придется и избегать ненужных военных интервенций и крупных заморских специальных операций. Но этот рост издержек будет существенно ниже, чем в случае реализации «оптимистического» варианта Д. Трампа.

Основными характерными чертами (параметрами) развития США по этому варианту при Д. Трампе могут быть следующие черты, которые были вполне допустимы, но не желательны и при реализации Варианта № 1 («Оптимистического») базового сценария, не противореча ему по принципиальным особенностям, либо даже совпадая по некоторым из них в деталях:

- **В области государственного управления** сохранение существующей системы управления, при которой:
  - как и при «оптимистическом» варианте Д. Трампа, огромную роль играют негосударственные и транснациональные институты, созданные в последние годы, в том числе отчасти в качестве альтернативы государственным институтам, но при возвращении части функций управления государственным институтам. По сути, этот вариант — компромисс между двумя частями американской элиты, возглавляемыми Д. Трампом и демократами;
  - создание новых институтов мирового управления с помощью транснациональных корпораций, фондов и ассоциаций, основная функция которых заключалась бы в усилении эффективности управления со стороны США. В частности, могло бы произойти делегирование части функций лидера западной коалиции таким ключевым ее членам как Япония (в АТР), саудовской Аравии (на Ближнем и среднем Востоке) и Германии (в Европе), возложив на них бремя и ответственность «региональных лидеров» западной ЛЧЦ;

- усиление «универсализации» международного права и институтов в интересах США, ослабления тех норм и правил, которые мешают США и их ЛЧЦ контролировать ситуацию в мире.
- **Территориальные изменения** станут частью общей политики сторонников ускоренной глобализации, включая нередко игнорирование собственно государственного суверенитета не только США, но и других государств, в самых разных областях:
  - политической (навязывание внешних норм);
  - дипломатической (свертывание дипломатических привилегий);
  - военной (игнорирование норм поведения) и т.д.;
- **Природные ресурсы** в рамках этого варианта сценария в среднесрочной перспективе будут играть более важную роль в политике США. При этом логика их использования и освоения все больше становилась бы под международный, в том числе корпоративный, контроль. Это предполагало бы также, что произойдет переоценка значения целого ряда таких ресурсов в пользу, например, пресной воды, редкоземельных металлов, газа;
- **Население** приобретает исключительно важное значение при развитии по этому варианту сценария потому, что его развитие зависит от качества человеческого потенциала и институтов его развития в США, которые должны обеспечить американское лидерство:
  - в области образования;
  - развития общественных институтов;
  - международного общественного сотрудничества и влияния на другие государства и их институты управления;
  - создания международных центров управления информационно-сетевой активностью и т.п.

Именно по отношению к населению своих противников предполагается использовать, прежде всего, преимущества США в «мягкой силе» и других невоенных инструментах насилия. Для понимания этих инструментов необходимо обратиться к показателям «мягкой силы»:

«**Культура**» — количество туристов, посещающих страну ежегодно, использование языка страны в мире, количество памятников

Всемирного наследия ЮНЕСКО, успех страны в Олимпийских играх, влияние культурного наследия страны на мировую культуру в целом¹³.

«**Политические ценности**» — критерий измеряет привлекательность политических ценностей, эффективность деятельности политических институтов государства, модель национального правительства: прозрачность, демократичность и др. Однако, как отмечают сами авторы исследования, индекс политической привлекательности страны смещен в сторону западных политических концепций.

«**Дипломатия**» — способность страны формировать благоприятный образ для мирового сообщества, внешняя политика и дипломатические ресурсы, членство в международных организациях и наличие культурных миссий за рубежом и др.

«**Образование**» — количество иностранных студентов в стране, качество высшего образования, наличие программ обмена студентами, количество учебной литературы и др.

«**Бизнес/Инновации**» — привлекательность экономической модели страны: открытость, способность к инновациям, уровень коррупции, конкурентоспособность отраслей экономики, регулирование.

США крупнейший экспортер в мире по объему культуры: киноиндустрия, музыка и др. Кроме того, весомым вкладом в фактор «мягкой силы» является качество высшего образования, привлекающее иностранных студентов, а также тот факт, что университеты США доминируют в рейтинге Times Higher Education Top 200 и в настоящее время 73 нынешних и бывших премьер-министров и президентов обучались в университетах США.

— **В области военной политики этот вариант соответствует «оптимистическому» варианту сценария развития США до 2025 года.**

Следует исходить из констатации того, что в США уже выстроена долгосрочная стратегия, заложены основные НИОКР (например, ПЛАРБ, МБР, ТБ и др.) и др. программы, которые будут реализо-

¹³ Смирнов А.И., Кохтюлина И.Н. Глобальная безопасность и «мягкая сила 2.0»: вызовы и возможности для России / А.И. Смирнов, И.Н. Кохтюлина. — М.: ВНИИгеосистем, 2012. — С.27.

вываться до 2050–2060 годов. Внесение существенных корректив в эту стратегию и программы возможно, но маловероятно. Причем, такие коррективы могут быть направлены на усиление и дополнительное развитие этих программ.

Исключительно важное значение будет иметь развитие наступательно-оборонительного потенциала США, который будет включать уже не только традиционную «триаду», но и различные системы стратегических неядерных вооружений (прежде всего ВТО), а также системы ПРО. Резкое обострение российско-американских отношений после удара по Шайрату во многом заслонило другой, стратегически во многом более важный сдвиг. Недавно российские высокопоставленные военные продолжили серию высказываний, идущих вразрез с ура-патриотическими штампами.

Замначальника главного оперативного управления Генштаба ВС России **Виктор Познихир**: «Наличие глобальной системы ПРО снижает порог применения ядерного оружия, так как у США создается иллюзия безнаказанности внезапного применения стратегических наступательных вооружений под зонтиком противоракетной обороны...». «Российские специалисты провели оценку ПРО США и считают, что сводные возможности третьего позиционного района ПРО на северо-востоке страны, который планирует развернуть Вашингтон, **смогут перехватывать любые ракеты РФ и Китая**». «Средства системы противоракетной обороны США уже сегодня обладают потенциалом перехвата российских и китайских баллистических ракет и представляют угрозы стратегическим ядерным силам России и Китая. В дальнейшем эти возможности будут возрастать». «По российским оценкам, количество ракет системы ПРО США к 2022 году составит более тысячи единиц, **а в перспективе превысит число боевых блоков, развернутых на российских межконтинентальных баллистических ракетах**. Такое количество огневых средств ПРО представляет серьезную угрозу для российского потенциала сдерживания, в особенности с учетом постоянно ведущихся работ по модернизации огневых комплексов ПРО».

Иными словами, пока бесчисленные «военные эксперты» объявляют ПРО США фейком, а американскую ядерную угрозу — эфемерной, у Генштаба ВС РФ сложилось принципиально другое мнение.

Немного теории. Почему формально сугубо оборонительная ПРО традиционно считалась дестабилизирующим фактором? Во-первых и в основном, задолго до того, как у нее появляется возможность более или менее успешно отразить полноценный удар противника по своей территории, она может быть использована как средство обеспечения безнаказанного первого удара — разумеется, при наличии специфического наступательного вооружения. **Схема сводится к тому, чтобы нейтрализовать подавляющую часть ядерных сил противника превентивным ударом, после чего уничтожить с помощью ПРО, их успевшие стартовать остатки.**

Во-вторых, не стоит забывать, что обмен взаимными ударами на уничтожение — это не единственный и, более того, наименее вероятный сценарий ядерного конфликта. Так, один из вариантов — проигрывающая сторона наносит ограниченный по масштабам удар, получает симметричный ответ, но «победитель» вынужден отступить перед непропорциональными потерями и перспективой дальнейшей эскалации. Однако развертывание ПРО фактически обнуляет сценарии ограниченной ядерной войны, заставляя жертву агрессии выбирать между полномасштабным применением атомного оружия, равносильным взаимному самоубийству и, скажем, некритичными для выживания территориальными потерями или другими требованиями. Очевидно, в этом случае агрессор останется безнаказанным.

Исторически ПРО США строилась именно по схеме «добить выживших». Так, СОИ принято считать чистым блефом. Факт, однако, состоит в том, что заявленную цель — перехват советских ракет, которые «империя зла» решил запустить в самоубийственном первом ударе — никто и никогда не планировал достичь. На практике развитие ПРО шло параллельно с наращиванием средств обезоруживающего удара, способных доставить боеголовки либо слишком быстро для реакции жертвы (ракеты средней дальности в Европе, баллистические ракеты подводных лодок повышенной точности), либо незаметно до последнего момента (низковысотные крылатые ракеты и стелсизированные самолёты). В 1980-х в СССР предполагалось, что возможна ситуация, когда выживут менее 3% от исходного ядерного потенциала; огромные размеры стратегических сил Союза должны были гарантировать доставку в США суммарной мощности «всего» 150 мегатонн. В нормальной ситуации для этого было бы достаточно 20 ракет Р-36М2.

Теперь вернемся к практике. В конце января 2016 года состоялось успешное испытание модернизированной противоракеты GB1, входящей в стационарную систему ПРО собственно США. При этом, как сообщается, баллистическая ракета, выступавшая в качестве условной цели, помимо инертной боеголовки была снаряжена ложными целями и средствами для создания помех — иными словами, имитировала полноценную МБР.

Здесь следует учитывать, во-первых, что прежние варианты противоракеты, ставшие объектом отечественных насмешек, вполне официально считались «суррогатными». Во-вторых, даже на предыдущем этапе программы речь шла отнюдь не о перехвате «простой баллистической цели» — т. е. единичной боеголовки без «сопровождения». Успешные испытания систем ПРО на способность выделить боеголовку при использовании средств ее преодоления датируются ещё 2008 годом. В-третьих, в качестве стандартной мишени уже на ранних испытаниях выступала STARS — комбинация из двух ступеней баллистической ракеты подводных лодок «Поларис А-3» с блоком ORBUS-1A в качестве дополнительной. Между тем, дальность двухступенчатого «Полариса» без «дополнений» достигала 4600 км.

При этом «поголовье» американских тяжелых противоракет активно увеличивается — если в 2014 году в Форт-Грили на Аляске было только 26 единиц, то в прошлом году — уже 40. Аналогичные «процессы» происходят в калифорнийском Ванденберге — с 4 в 2014 г. до 15 в этом году.

Ранее, в октябре 2015 года был заключен миллиардный контракт на строительство на Аляске РЛС LRDR (Long-Range Discrimination Radar) — то есть, новейшего радара ПРО с расширенными возможностями по высокоточным измерениям и, следовательно, отсеиванию/дискриминации ложных целей.

Тем временем, без особого шума началось полноценное развертывание ЕвроПРО. 12 мая прошлого года начал функционировать комплекс на румынской базе Девеселу. 13 мая было официально объявлено о строительстве «аналога» в Польше.

Первое успешное испытание наземного варианта SM-3(Aegis Ashore), размещаемого в Восточной Европе, было проведено в декабре 2015 года. Напомним, что именно эти системы в качестве «акта доброй воли» должны заменить планировавшиеся до 2009 года

десять GBV в Польше. Проблема в том, что десять противоракет планируется заменить 6–7 батареями SM-3 (в нынешнем варианте — 48–56 противоракет) и тремя батареями (24 перехватчика) в Румынии.

Ashore стационарен, однако никаких препятствий для создания наземной мобильной версии нет («масштабы» ракеты сопоставимы с «боеприпасами» С-300 в его «П» варианте и намного меньше, чем у С-300В) и такие работы ведутся. Потенциально это позволит почти произвольно наращивать, например, группировку в Европе в течении 24 часов. Мобильные радары ПРО с высокими характеристиками уже существуют (AN/TRY-2, используемый в комплексе THAAD).

SM-3 позиционируются как «нестратегическая ПРО», однако то, что практически это далеко не так, уже секрет Полишинеля. Фактически программа, предусматривавшая только перехват ракет средней и малой дальности, была перезагружена еще в 2001-м и новые цели программы озвучивались неоднократно. В статье, опубликованной в The New York Times, экс-министр обороны США **Роберт Гейтс** прямо заявил: «Мы продолжим развивать их (SM-3), чтобы добиться возможности перехватывать ракеты класса МБР». Начало четвёртого этапа развития системы, предусматривающего развертывание противоракет с нужными характеристиками, намечено на 2020 год, и пока американцы выдерживают заданный темп.

Параллельно Вашингтон и спутники неоднократно заявляли, что «нестратегическая» ПРО не угрожает России — в сопровождении хора отечественных «экспертов» и разработчиков стратегических ракет. Генсек НАТО **Андерс Фог Расмуссен**, 2012 год: РФ не может блокировать размещение ЕвроПРО, поскольку эта система «не направлена против России и не будет подрывать ее силы сдерживания».

Проблема в том, что это «описание» подходит для модификаций SM-3 Block-IA/B, однако они изначально рассматривались как промежуточный вариант на основе «классической» зенитной ракеты с добавленными третьей ступенью и кинетическим перехватчиком. Между тем, в феврале, после летных испытаний в 2015 году, мишень со средствами преодоления ПРО поразила SM-3 Block-IIA, которой предстоит сменить на вооружении Block-IB. Block-IIA — это, по сути, новая ракета, с в полтора раза большим диаметром маршевых ступеней и преобладанием новых компонентов в целом.

«Официально» скорость и дальность противоракеты «всего» в полтора раза больше чем у предшествующей модификации (4,5 км/с и 1500 км), однако 4,5 км/с — это договорный предел, при превышении которого перехватчик считается стратегическим, а изначальное техзадание предусматривало удвоение скорости и дальности по сравнению с «компромиссным» вариантом. «Неофициально» скорость составляет 5,6 км/с, что подтверждается, например, китайскими расчетами. Между тем, в реальности уже 4,5 км/с достаточно, чтобы перехватчик стал проблемой для ракет межконтинентальной дальности.

Проблемы усугубляются, если перехватчики расположены в относительной близости к району пуска МБР или патрулирования стратегических ПЛ. Так, в отличие от ситуации, обычной для перехвата на конечном участке, когда противоракета и мишень сближаются «лоб в лоб» со скоростями свыше 12 км/с, относительные скорости при раннем перехвате могут быть весьма невелики, что позволяет повысить вероятность попадания до 0,9. **Собственно, именно это, а отнюдь не защита спутников служит основным мотивом для максимального приближения передовых элементов американской ПРО к границам России и Китая (уже характеристики Block-ПА абсолютно избыточны для защиты Европы от иранской угрозы).**

При этом новая ракета, разумеется, полностью совместима со стандартным устройством вертикального пуска Mk41 и безболезненно заменит прежние модификации. Польша и участвовавшая в разработке и испытаниях «двойки» Япония, где также планируются и наземное размещение, получают ее изначально.

Следующая итерация — Block-ПВ — должна обладать увеличенной энергетикой за счет модификации верхней ступени (дальность должна вырасти на треть), усовершенствованной системой наведения и разделяющейся боевой частью (5 кинетических перехватчиков). Последнее, как нетрудно понять, представляет собой качественный скачок — одной «многоголовой» МБР не придется противопоставлять внушительное количество недешевых противоракет. Примечательно также, что речь идет о программе, формально отмененной в 2009 году, но неожиданно и эффективно всплывшей вновь два года назад.

При этом слухи о неуязвимости российских МБР сильно преувеличены и явно не разделяются Генштабом ВС РФ.

Иными словами, «оборонительный» (сугубо в кавычках) компонент американских стратегических сил развивается весьма бурно. Что происходит с наступательным?

Как обычно, слухи о кончине американских ядерных сил сильно преувеличены как оппонентами прошлой администрации, так и отечественными диванными экспертами. На практике, США, уступая России в количестве развернутых боеголовок, значительно превосходят ее в количестве носителей, при этом количество резервных боеголовок больше развернутого (2260). Примечание — речь именно о резервных боеголовах. Формально списанных и «ожидających демонтажа» — порядка 2800. В то же время, в отличие от Китая и РФ, перед Штатами в принципе не стоит проблема компенсации возможного обезоруживающего удара — пока его в полноценном варианте просто некому и нечем наносить.

При этом еще при Обаме начата модернизация ядерных сил. Наиболее примечательна модернизация боеголовок морских баллистических ракет, проведенная именно прошлой администрацией с 2008 года, при этом ее старту сопутствовала приснопамятная речь Обамы о всеобщем ядерном разоружении. Речь об установке на 100 кт. боевые блоки W76 новой системы MC4700, обеспечивающий подрыв боеголовок на оптимальной высоте с учетом обнаруженно-го отклонения. Это превращает устанавливаемые на «Трайденды» в количестве до 14 шт. «легкие» боевые блоки в эффективное средство ударов по высокозащищенным целям (ракетные шахты, бункеры и т.д.). Всего к 2019 году намечено модернизировать 1200 ед. Ранее такими возможностями располагали только гораздо более мощные (475 кт.) W88 (не более 8 на ракете, общий «тираж» из-за дороговизны не превысил 400 ед.). Иными словами, речь об огромном расширении потенциала для превентивного ядерного удара.

С 2012 года идет разработка, а с июля 2015 года — испытания новой модификации ядерной бомбы B-61 — по сути, нового планирующего боеприпаса с точностью (КВО) порядка 10 м. Вряд ли стоит уточнять, что она необходима только и исключительно для уничтожения весьма специфических целей и в сочетании с малозаметным носителем превращает бомбу в достаточно эффективное средство первого удара.

В 2013 году эта стратегия получила документальное оформление — 19 июня Обама подписал директиву по применению ядерного

оружия, предполагающую ставку на контрсилевой удар взамен «традиционной» стратегии минимального сдерживания. Примечательно, что в тот же день Президент «призвал Россию сократить вместе с США арсеналы стратегических наступательных вооружений на треть от уровня, предусмотренного новым Договором по СНВ. Он также предложил Москве обсудить перспективы сокращения нестратегического ядерного оружия», где Штаты резко уступают РФ.

В том же 2013 году начата разработка новой крылатой ракеты воздушного базирования (КРВБ) LRSO для замены AGM-86. Особенности — малозаметность, высокая точность (3–5 м), дальность 3–3,5 тыс. км.

В июне 2016 года в США начался приём предложений по разработке новых МБР.

Трамп уже в ходе предвыборной гонки постулировал необходимость ускоренного наращивания ядерного потенциала. Позднее к этому добавились заявления о необходимости пересмотра в пользу США договоров СНВ и усиленное раскручивание темы «нарушений» Россией договоров по РСМД (ракетам средней и малой дальности). При этом как «симметричный» ответ на отсутствующие нарушения заявлена разработка собственных ракет такого рода. Иными словами, второе пришествие «Першингов» в любой момент уже готовится в Вашингтоне.

Таким образом, мы видим комбинацию из быстрого наращивания возможностей ПРО и столь же быстрого — и официально декларированного как цель — наращивания возможностей для обезоруживающего удара. При этом в обоих случаях мы видим преемственность в действиях весьма разных по идеологии администраций. Так, решение о развертывании стратегической ПРО было принято в действительности еще при Клинтоне, начало явно воплощаться при Буше; курс был продолжен при Обаме и несомненно будет продолжен при Трампе. Иными словами, перед нами стратегическая цель, не подверженная политическим колебаниям и не зависящая от «поведения» Москвы и, тем более, от ситуации вокруг КНДР и Ирана.

Далее, курс на наращивание возможностей ядерного обезоруживающего удара был взят в 2012 году и официально декларирован в 2013 году — также вне контекста текущих российско-американских трений и будет продолжен администрацией Трампа. Иными

словами, под аккомпанемент антиядерных речей пять лет назад было принято решение воспроизвести рейгановский сценарий 1980-х. При этом несложно заметить, что и украинский кризис и «мелочи» в стиле обвала нефтяных цен как средства давления на Москву демонстрируют разительное совпадение методов и целей¹⁴.

В целом военная политика на 2017–2025 годы будет означать, что США будут стремиться сохранить и даже усилить свои качественные преимущества по отношению к другим центрам силы, прежде всего России и КНР.

Выводы: 1. Военная политика США на 2017–2025 годы запрограммирована и просчитана достаточно конкретно и обоснованно и вряд ли претерпит серьезные изменения.

2. Военная политика обеспечена материальными и может быть обеспечена дополнительными ресурсами, как США, так и всех стран коалиции.

3. Военная политика будет гарантировать силовую поддержку политике «новой публичной дипломатии» в реализации основного сценария «Военно-силового противоборства».

3.4. в). Вариант №3: «Пессимистический» вариант развития западной локальной человеческой цивилизации и США

Россия обладает необходимым опытом и возможностями, чтобы справляться с рисками, возникающими в процессе становления
Большой Евразии

Д. Ефременко

Развитие США по «пессимистическому» варианту базового сценария до 2025 года возможно в том случае, если их стратегия окажется в силу разных причин малоэффективной, либо когда противостоящие им ЛЧЦ, коалиции и центры силы смогут продемонстрировать успешные результаты своего развития.

---

¹⁴ Пожидаев Е. Ядерный клинч: США готовят почву для внезапного удара по России и Китаю. 2017. 10 апреля / https://eadaaily.com/ru/news/2017/04/10/yadernyy-klinch-ssha-gotovyat-pochvu-dlya-vnezapnogo-udara-po-rossii-i-kitayu?utm_source=smi2

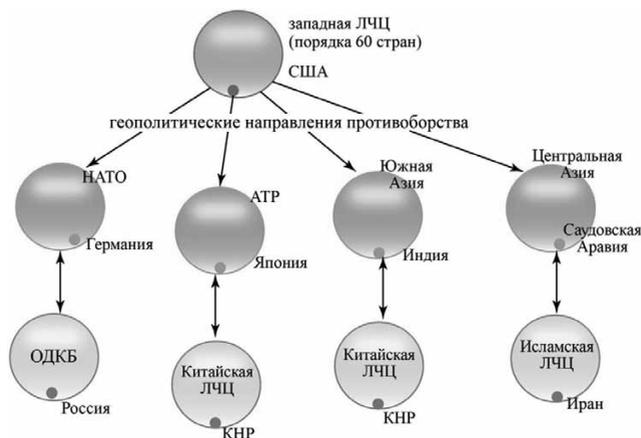

Рис. 3.8.

Во многом это будет зависеть от того, как быстро и эффективно США сумеют реализовать свою идею формирования региональных союзов единой западной ЛЧЦ во главе с ее региональными лидерами, которые смогут противостоять другим ЛЧЦ и центрам. Эта идея может выглядеть следующим образом (рис. 3.8).

Как видно из этого рисунка, развитие и стратегия других ЛЧЦ до 2025 года будет не менее важным обстоятельством, чем развитие и стратегия США и их союзников. На каждом из этих стратегических направлений в эти годы может возникнуть новое объединение, и это может привести к превращению этого союза в мощную военно-политическую коалицию, объединенную общими целями обеспечения безопасности и едиными вооруженными силами не только антитеррористической направленности, но и ВКО, и общим сухопутным командованием.

В 2017 году ОДКБ уже обладал двумя быстро развивающимися направлениями в своей военной политике — созданием совместных сил специального назначения, в которые входило порядка 10 батальонов (около 25 тыс. человек) и объединенной системой ВКО.

В настоящее время эта организация превратилась в международную структуру, обладающую общим потенциалом развития. Кроме входящих в нее сегодня государств (России, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Армении), чей демографический

Правовая база ОДКБ

1. Договор о коллективной безопасности. 1992 г.
2. Устав Организации Договора о коллективной безопасности. 2002 г.
3. Соглашение о создании единой системы технического прикрытия железных дорог. 2003 г.
4. Соглашение о взаимном обеспечении сохранности секретной информации. 2004 г.
5. Соглашение о подготовке военных кадров для государств-членов ОДКБ. 2005 г.
6. Соглашение о Коллективных силах оперативного реагирования ОДКБ. 2009 г.
7. Протокол о размещении объектов военной инфраструктуры на территориях государств-членов ОДКБ. 2011 г.
8. Протокол о противодействии преступной деятельности в информационной сфере. 2014 г.
9. Стратегия ОДКБ до 2030 года. 2016 г.

Рис. 3.9.¹⁵

потенциал уже превышает 200 млн человек, к ней в будущем могут присоединиться и другие государства. В том числе не только бывшие советские республики. Если предположить, что к 2025 году к ОДКБ присоединятся Узбекистан, Туркмения, Украина, Монголия, Иран, то этот потенциал существенно превысит 300 млн человек и станет вполне сопоставимым с потенциалами других ЛЧЦ.

Это развитие, соответственно, сделает относительно благополучную обстановку для развития США и западной ЛЧЦ в Евразии не столь «оптимистичной».

Можно констатировать, что принципы стратегии ОДКБ достаточно универсальны и подходят для большого числа стран, а не только участниц современной организации.

К этому же универсальному подходу можно отнести и правовую базу ОДКБ, которая в будущем может стать моделью базы широкой коалиции.

При таком «оптимистическом» варианте базового сценария развития США (несмотря на огромные ожидаемые усилия, принятые США и их союзниками до 2025 года), возможно, потеряют часть своих позиций в мире, а также в западной коалиции, но все равно останутся бесспорным мировым и коалиционным лидером, как минимум, до 2025 года.

¹⁵ Подберезкин А. И. Стратегия ОДКБ / Презентация на круглом столе послов стран-участниц ОДКБ. — Братислава. 2017. 17 мая.

Такое развитие событий возможно в том случае, когда руководство собственно США будет совершать серьезные ошибки, с одной стороны, а их потенциальные противники — ЛЧЦ, прежде всего, КНР, исламская и российская ЛЧЦ — максимально эффективно развиваться и проводить свою политику, с другой стороны.

В определенной степени такой результат также может возникнуть и в следствии усиления западноевропейского центра силы, его обособления от североамериканского, противопоставления ему, в том числе и в военно-политической области.

Очевидными оппонентами США до 2025 года становятся исламская и китайская ЛЧЦ, а также Россия, которые неизбежно будут объективно противодействовать сохранению влияния США в мире. При этом обе эти ЛЧЦ будут использовать разные средства (даже «набор» средств) противоборства с США.

Так, исламская ЛЧЦ будет активно использовать вооруженное противоборство. Последние годы достаточно определенно продемонстрировали, что эта деятельность:

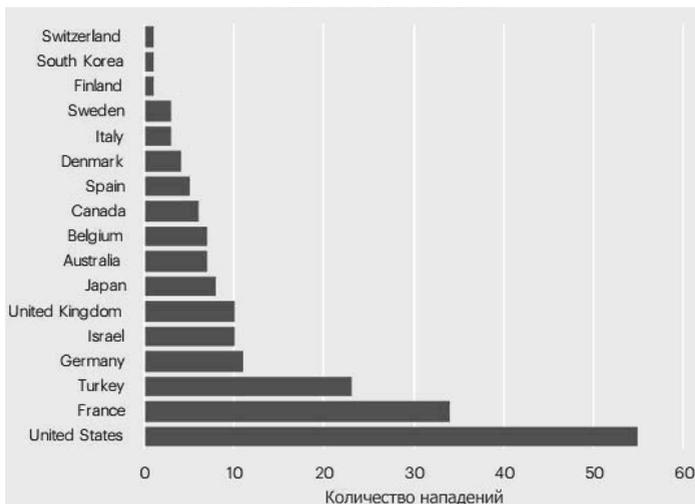
- во-первых, направлена преимущественно против США, как главного противника, который явно выделяется среди других представителей западной ЛЧЦ или любой другой ЛЧЦ;
- во-вторых, по мере увеличения численности собственно в странах исламского мира, а также в Европе и США, будет нарастать потенциал — экономический, политический, информационный и прочий — этих этнических и религиозных групп, что будет означать быстрый рост враждебности в отношении развитых государств и прежде всего США в мире.

Сказанное иллюстрируют последние данные посвященные статистике вооруженных нападений исламских радикалов (рис. 3.10)¹⁶.

Эта террористическая деятельность имеет самую разную направленность и характер, но организована преимущественно из одного центра. В 2014–2016 годах таким центром преимущественно был ИГИЛ. Но такие центры можно создать достаточно быстро и в будущем в случае заинтересованности какого-то государства и его спецслужб, которые готовы выступить против США, например,

---

¹⁶ Global Terrorism Index 2016 / Trends / Institute for Economics and Peace (IEP). P.44 / http://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/Global%20Terrorism%20Index%202016_0.pdf

Рис. 3.10. Нападения ИГИЛ на страны ОЭСР в 2014 — середине 2016 гг. (треть всех нападений на США)

Иран или КНДР. Их содействие быстро и многократно увеличило бы возможности террористов, которые сегодня страдают от недостатка базы и государственной поддержки. Так, например, современные средства ПВО, включая ПЗРК, могут поставляться организации только через посредничество государства и его спецслужб.

Кроме того, поддержка и даже создание террористических и экстремистских организаций может в ряде случаев решительным образом повлиять на формирование ВПО в мире и в регионах, более того, внести существенные коррективы в будущие сценарии развития МО. Известно, что поддерживаемые США и их союзниками бандформирования сыграли решающую роль во время войны СССР в Афганистане, поддержка Ираном антиизраильских и просирийских отрядов стала серьезным фактором, влияющим даже на отношения между Россией и США, и Израилем.

Яркий пример будущей возможности обострения обстановки может дать поддержка США и НАТО антироссийских вооруженных формирований на трех ТВД — украинском, кавказском и среднеазиатском, которые уже фактически сложились к 2017 году и могут быстро эскалировать до 2025 года.

Рис. 3.11.¹⁷ Количество смертей и атак с участием ИГИЛ

Существует и реальная угроза использования тех или иных экстремистских группировки и начала террористических операций для дестабилизации внутривнутриполитической ситуации в той или иной стране. Так было против СССР и России, но так может быть и против США. Так, например, государственная поддержка террористическим и радикальным организациям на территории самих США может привести к серьезной внутривнутриполитической дестабилизации в стране. Особенно, если она будет опираться на этнические или социальные слои американских граждан.

Таким образом, можно говорить о новых политических технологиях, включающих новые технологии войны. В этом случае США и их союзники будут в среднесрочной перспективе до 2025 года менее склонны использовать военную силу в прямой форме, прибегая к новым технологиям ведения войны как наиболее приоритетным. Прежде всего, с использованием специально создаваемых экстремистских и террористических организаций.

Сказанное означает, что США смогут до 2025 года существенно разнообразить как средства, так и способы ведения силовых операций, которые будут включать как уже известные невоенные и военные действия, так и принципиально новые. Это означает, что эволюция политического и военного искусства принуждения в США будет аккумулировать и отбирать из всего спектра

¹⁷ Global Terrorism Index 2016 / Trends / Institute for Economics and Peace (IEP). — P.44 / http://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/Global%20Terrorism%20Index%202016_0.pdf

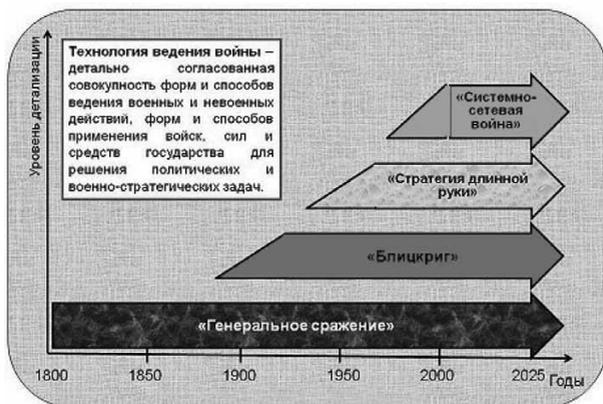

Рис. 3.12.¹⁸ Эволюция технологий войны

использования силы наиболее эффективные, но не отказываться от прежних. По сути до 2025 года не произойдет «революции» в военном искусстве, когда одни формы и способы вытесняли другие (танковые прорывы вместо прорывов конных армий), как иногда считали накануне Второй мировой войны.

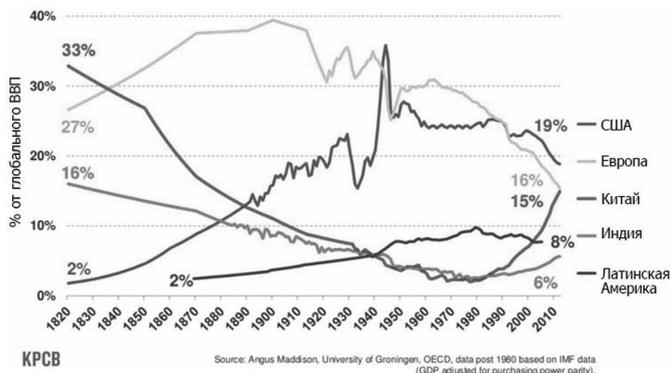
3.5. Сценарии развития западной локальной человеческой цивилизации и США после 2025 года

Опираясь на глубокое знание и понимание истории, а не на экстраполяцию в будущее, в угоду политическим настроениям... Свечин оказался в целом прав в оценке характера будущей войны

*А. Кокошин,
академик РАН*

Любой прогноз на долгосрочную, стратегическую перспективу 10 и более лет имеет исключительно важное значение для государств, акторов и других субъектов международной и военно-политической

¹⁸ Хамзатов М. М. Новая технология войны: «Системно-сетевая война». 21 февраля 2017 г. / <http://www.milresource.ru/War-Hamzatov.html>

Рис. 3.13.¹⁹ Процент глобального ВВП США против Европы, Китая, Индии и Латинской Америки, 1820–2012

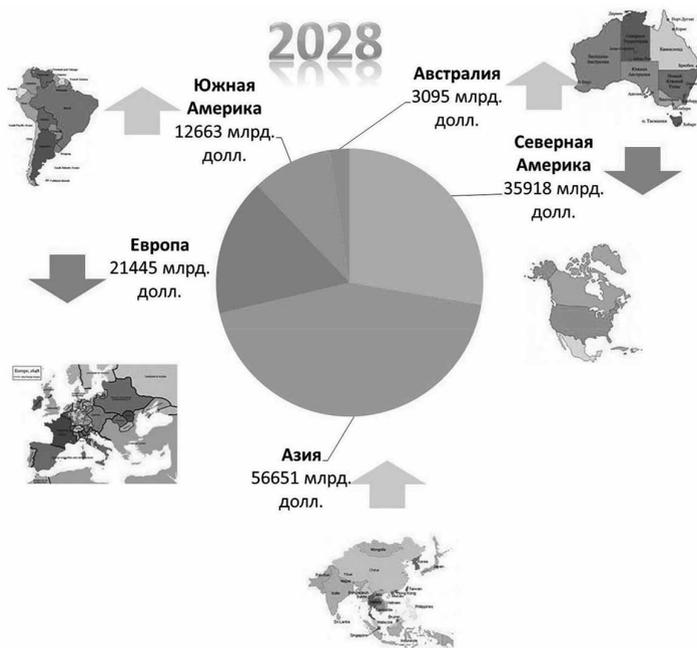
обстановки будущего. От него, в конечном счете, зависит стратегия развития государств в эти годы, политические, экономические и иные шаги, формирующие ту или иную тенденцию развития. А. Свечин, предсказавший будущий затяжной глобальный характер войны, не соответствовавший доминировавшим в то время в СССР представлениям о «пролетарской мировой революции», во многом предопределил характер подготовки к этой войне СССР в 1930-е годы.

Известные трудности долгосрочного прогноза в настоящее время усугубляются непредсказуемыми последствиями и различными особенностями «переходного периода», переживаемого человеческой цивилизацией с конца прошлого века во всех областях жизнедеятельности.

«Переходный период» неизбежно ведёт к самым радикальным изменениям в социальной и политической областях, включая, естественно, соотношение сил и отношения между субъектами и акторами, формирующими международную и военно-политическую обстановку.

Формируется не только новая международная реальность, но и качественно новые парадигмы политического, военного, общественного и экономического развития. Иными словами, смена технологического и экономического укладов неизбежно ведет к по-

¹⁹ http://ic.pics.livejournal.com/abcdefghijkl/108113/530475/530475_original.png

Рис. 3.14.²⁰

литическим, социальным и военным качественным переменам и трансформациям в отдельных областях человеческой жизнедеятельности имеющим крайне противоречивый и конфликтный характер. В связи с этим переход к военным действиям после 2025 года становится неизбежным, а до 2025 года — вероятным.

Стрелками на рисунке отмечены снижение и увеличение доли государств в структуре мирового ВВП. Не стоит, однако, забывать, что данные приводятся исключительно для 15 государств-лидеров. Также, за прогнозируемый период могут произойти политические или экономические события, в корне меняющие ситуацию на мировом рынке.

²⁰ <http://провэд.пф/analytics/research/9264-ppognoz-ekonomicheskogo-pazvitiya-stpan-mipa-na-pepiod-s-2015-po-2028-gody-mezhdunapodnyes-pavneniya.html>

Одной из таких особенностей будет усиление влияния развития собственно военных факторов на формирование стратегической и военно-политической обстановки, а также, в конечном счете, развитие того или иного сценария МО и его вариантов. Это означает, что как известные, так и неизвестные парадигмы развития ВПО–СО, будут в возрастающей степени влиять на будущую МО. Вероятно возвращение к ситуации после Второй мировой войны, когда появление ядерных боеприпасов и стратегических средств доставки резко повлияло на состояние всех областей, из которых формируется МО: экономических, финансовых, дипломатических, иных.

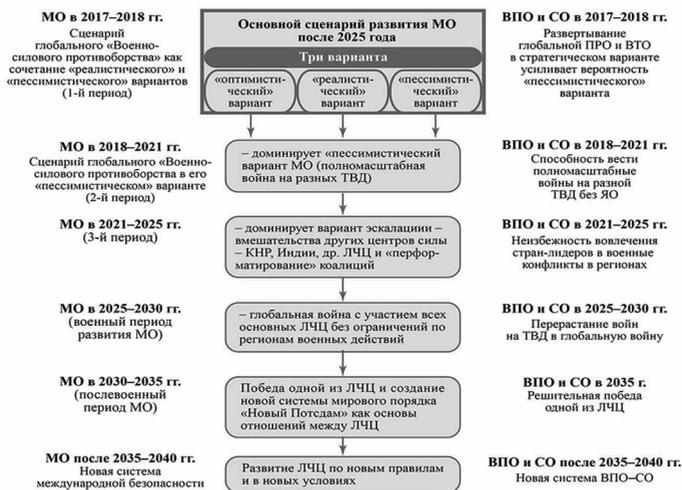
Так, появление и быстрое развитие у СССР ракетно-ядерного оружия в 1950-е и 1960-е годы сделало невозможным его уничтожение в глобальном военном конфликте. Более того, ЯО «уравновесило» абсолютное экономическое, финансовое и технологическое превосходство США над СССР.

В настоящее время мы наблюдали аналогичный процесс, но уже не связанный с оружием массового уничтожения (ОМУ), а с созданием превосходства западной ЛЧЦ в военно-технологических областях, имеющих ключевое значение для безопасности государств, — системах воздушно-космического нападения и обороны, ВТО, кибернетических системах, сетевом и информационном оружии, применении когнитивных приемов и т.д.

Представляется, что стратегическая перспектива развития ВВСТ и способов их использования в США выглядит именно таким образом (рис. 3.15). Как видно из этого рисунка-схемы, противоборство западной ЛЧЦ с другими ЛЧЦ будет развиваться по военно-силовому («реалистическому» или «пессимистическому») варианту, продвигаясь достаточно быстро по лестнице эскалации вооруженного конфликта. Этот вариант в 2021–2025 годы вероятно переходит в полномасштабную войну на большинстве театров военных действий от Европы и Арктики до АТР без использования ОМУ, а после 2025 года в глобальную войну.

Динамика развития вооруженного противоборства чрезвычайно высока и требует соответствующего политического, государственного и общественного управления из единого центра и с помощью единых средств информации, связи и управления.

Очевидно, что подобное «стратегическое будущее», формируемое США, требует попыток более глубокого анализа с тем, чтобы

Рис. 3.15.²¹ Развитие вероятных взаимосвязанных вариантов сценария МО–ВПО–СО до 2045 года

попытаться полнее представить себе возможные конкретные шаги США в этой области особенно в той ее части, от которой непосредственно зависит безопасность России.

Переход от одной формации в развитии человечества, как правило, происходил в условиях череды войн. Причем, во-первых, совершенно не обязательно этот процесс перехода от одной формации и системы МО завершится заведомо успешно: в XVI–XVIII вв. в ряде стран он закончился положительно, но до этого — в начале тысячелетия, например, — в Римской империи, он отнюдь таковым не оказался. Этому, видимо, соответствуют разные уровни качества управления и разные качества правящих элит (у которых, кстати, и судьба тоже оказалась разной). История России — СССР — Российской Федерации также иллюстрация того, как переход из одной социально-экономической системы в другую сопровождался огромными и нерациональными издержками. Также, впрочем, во многом из-за качества правящих элит — имперской, советской, российской.

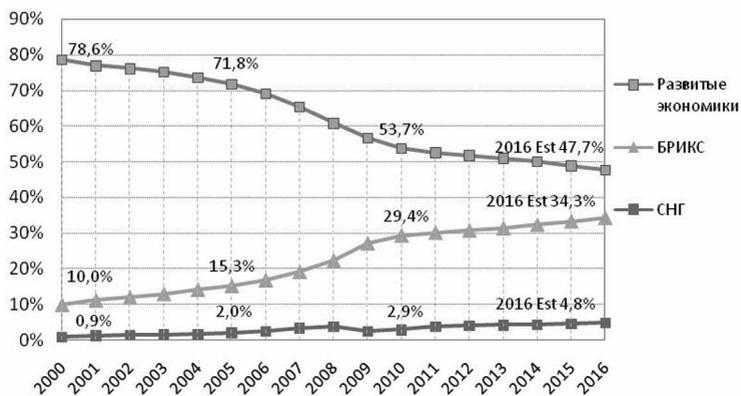
²¹ Подберезкин А. И. Стратегия ОДКБ / Презентация на круглом столе послов стран-участниц ОДКБ. — Братислава. 2017. 17 мая.

В наименьшей степени это, как думается, пока что затронуло США. История этого молодого государства показывает, что его развитие в прошлом сопровождалось в целом эффективной деятельностью правящей элиты, которая превратила эту страну к началу XXI века в единственную сверхдержаву на планете. Это, конечно, отнюдь не гарантирует того же в долгосрочной перспективе, но следует признать — опыт и результаты деятельности говорят в пользу правящей элиты США.

В долгосрочной перспективе после 2025 года можно ожидать, что от качества правящей элиты и эффективности управления в США, видимо, будет зависеть сама возможность перехода западной цивилизации из одного качественного состояния в другое. Естественно, что как первое, так и второе прямо относятся к эффективности стратегии национальной безопасности того или иного субъекта МО вообще и США, в частности. Во многом такая эффективность правящей элиты основывается на объективных тенденциях, которые сложились в настоящее время, и определяется, в частности, реалиями, которые меняются достаточно революционно. В частности, если говорить о роли тех или иных ЛЧЦ и центров силы в качестве мировых инвесторов, это видно, что с 2000 года значение США и западной ЛЧЦ радикально изменилось.

Во-вторых, такой переход США в новое качество неизбежно связан с радикальными изменениями и трансформациями в существовавшей системе международных отношений — экономической, технологической, финансовой и военной. Поэтому он в принципе не может быть плавным, безболезненным, бесконфликтным. А раз так, то в условиях повышенной конфликтности и рисков стремительно возрастает — объективно и субъективно — роль силовых инструментов в политике, прежде всего, военных, а вероятные сценарии развития отношений приобретают откровенно силовой характер. Сказанное означает, что именно сам характер переходного периода и его влияния на МО и ВПО делает вооруженное противоборство практически неизбежным. Его эскалация от силовых средств к военно-силовым и военным, уже отчасти произошедшая, доказывает такой характер перспектив в развитии МО.

Это означает, что правящая элита не только США, но и (как следствие) России, должна тщательно и очень оперативно анализировать и прогнозировать развитие подобных сценариев и сво-

Рис. 3.16.²² Доля инвестиций регионов в глобальном объеме инвестиций

евременно вносить коррективы в свои стратегии национальной безопасности, внешней политики и военные доктрины, а также доктрины информационной безопасности и стратегии научно-технологического развития.

Примечательно, что в последнем, самом важном в условиях переходного периода документе («Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», утвержденной 31 декабря 2015 года Президентом РФ) до сих пор почти ничего не говорилось об этих особенностях переходного периода. А зря, ведь именно от его результатов в наибольшей степени будет зависеть национальная безопасность России.

В перспективе периода с 2025 до 2050 годов США могут преимущественно развиваться как в рамках традиционных парадигм, сложившихся до 2025 годов, так и под влиянием известных новых парадигм или не известных парадигм, которые будут существовать к этому времени. При этом, естественно, что в любом случае неизбежно сохранится инерция и определенное влияние прежнего экономического, социально-политического и военного развития, существовавшего до 2025 года, которое, например, очень заметно в военно-технической области.

²² http://e.120-bal.ru/pars_docs/refs/21/20679/20679_html_6b5c7a05.png

ГЛАВА 4
Китайская локальная
человеческая цивилизация
в XXI веке

... Китай постепенно прорисовывается как общество, которое, скорее всего, бросит вызов Западу в борьбе за глобальное господство

С. Хантингтон

Развитие неравномерно.

На одном полюсе вырвавшаяся вперед, все более отрывающаяся от интересов человечества техносфера. На другом — трагически отстающие ... зародыши ноосферы.

Развитие китайской ЛЧЦ в XXI веке уже стало самым дестабилизирующим фактором МО, который еще только осознается в политике, потому, что поведение китайской правящей элиты в мире продолжает оставаться очень осторожным. КНР внимательно наблюдает и участвует во всех мировых процессах, более того, становится инициатором крупных, даже глобальных проектов, но пока что его активность (исключая экономическую) не носит глобального характера. Ясно, однако, что она будет быстро нарастать по мере усиления Китая и превратится в глобальный фактор политики уже в недалеком будущем. Это понимают все и ждут — кто с надеждой, а многие и с опасением.

Когда говорят о китайской ЛЧЦ, то имеют ввиду, как правило, собственно КНР, что заведомо искажает действительность. Необходимо рассматривать феномен китайской ЛЧЦ как несколько достаточно самостоятельных факторов и тенденций в мировой политике, которые можно свести, как минимум, к следующим:

Во-первых, финансово-экономической и торговой экспансии китайской экономики в мире, которая уже стала влиятельным фактором мировой политики для целых регионов и стран — от США и Европы до бассейна АТР.

Во-вторых, стремительного роста численности среднего класса граждан не только КНР, но и других стран, которая стало измеряться в нынешнем веке уже сотнями миллионов человек. Только

в КНР за последние десятилетия высшее образование получило более 300 миллионов китайцев, не говоря уже о гражданах Тайваня, Гонконга, США и других стран.

В-третьих, расширения перечня стран и целых регионов — от Австралии и Малайзии до африканских и многочисленных островных государств, — где не только экономическое, но и политическое влияние стремительно растет.

В-четвертых, неизбежное усиление военной мощи и влияния КНР, которая уже превратилась во вторую-третью по военной мощи страну мира, а в недалеком будущем сможет претендовать на первую роль. Так, по строительству ВМФ (по тоннажу), численности личного состава ВС, количеству ВВСТ КНР уже выходит на первое место в мире.

Ключевой вопрос, который неизбежно возникает у всех участников МО, как будет использоваться эта мощь государства в будущем, ради каких политических целей?

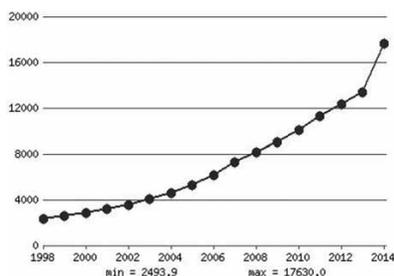
Неизбежность столкновения китайской и западной ЛЧЦ для большинства исследователей не вызывает сомнений. Вопрос, однако, заключается в следующем:

- когда такое столкновение произойдет?
- в какой форме оно произойдет?
- кто будут союзники у той и другой ЛЧЦ?

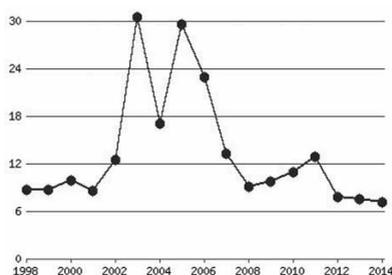
Эти рассуждения вытекают из того простого факта, что обе ЛЧЦ представляют собой два центра силы и формирующиеся коалиции, которые будут бороться за сохранение / смену мирового лидера.

У КНР, следует признать, все больше основания для этого. Так, Китай в начале XXI века является космической и ядерной державой. Построение рыночной экономики осуществляется в Китае под руководством Коммунистической партии на основе пятилетних планов. Экономика сохраняет свою многоукладность. При высокой доле иностранных инвестиций почти 80% всех иностранных инвесторов в экономику КНР — это этнические китайцы (хуацяо), проживающие за рубежом. К 2020 году Китай должен по планам КПК догнать США по совокупному доходу ВВП.

Чтобы способствовать структурным изменениям, Китай развивает собственную систему образования, обучение студентов за рубежом (особенно в США и Японии), поощряет импорт технологий, позволяющих развивать такие прогрессивные сектора экономики

Рис. 4.1.1 ВВП Китая по ППС, млрд долларов США

Рис. 4.2.2 Темпы роста промышленного производства в Китае

как производство программного обеспечения, новых материалов, телекоммуникационную индустрию, биотехнологии, здравоохранение. В КНР свыше 384 млн пользователей интернета, страна также лидирует в мире по числу пользователей мобильной телефонной связи (487,3 млн пользователей на апрель 2007 года). В районе Хайдянь севернее Пекина создана китайская «Силиконовая долина».

ВВП Китая в 2010 году составил 6,27 трлн долл. по сравнению с 5,02 трлн долл. годом ранее. ВВП Китая в 2010 году, рассчитанный с учётом паритета покупательной способности (ППС) валют, по данным МВФ составил 10,1 трлн долл., а в 2011 году — 11,2 трлн.

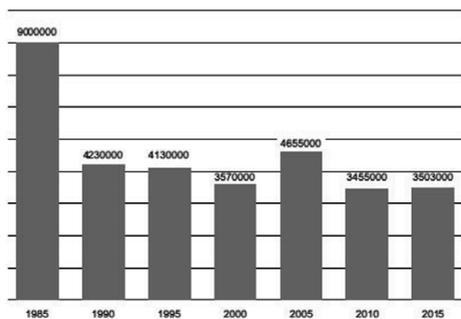
Подобная динамика экономического развития ставит вполне оправданно вопрос о политических целях КНР, той роли, которую она будет играть в МО и ВПО в мире в долгосрочной перспективе.

¹ Экономика Китая. Структура экономики КНР / <http://www.ereport.ru/articles/weconomy/china2.htm>

² Там же.

Долгие годы золотым правилом китайской внешней политики было сохранение «баланса гегемонии», что, по сути, означало лавирование между соперничавшими сверхдержавами. Новый взгляд на военно-стратегическую обстановку, основывающийся на тезисе, что Китай более не стоит на пороге глобальной войны, укоренился далеко не сразу даже по приходу к власти Дэн Сяопина. Консенсус по данному вопросу был достигнут лишь к 1984 г., вскоре после чего в НОАК начались первые крупные сокращения. С окончанием Холодной войны подход Пекина вновь изменился, и сегодня Китай скорее озабочен поиском союзника с целью снижения американского влияния в регионе³.

В так называемой Белой книге, опубликованной в Китае в 2013 г. и посвященной вопросам национальной обороны, впервые были названы своими именами многие приоритеты внешней и военной политики. По мнению В. Кашина, нарастание антизападной и антиамериканской риторики со стороны Китая имеет принципиально иную природу, чем нарастание антизападной риторики России. В случае Китая изменения в риторике отражают уже произошедшие изменения в военной, внешнеполитической и экономической сферах.

Рис. 4.3.⁴ Изменение общей численности НОАК в 1985–2015 гг.

³ Китайская военная мощь как новый фактор мировой политики — М.: Научный эксперт, 2016. — 112 с. / <https://centero.ru/wp-content/uploads/2016/10/kitayskaya-voennaya-mosch-kak-faktor-mirovoy-politiki.pdf>

⁴ Cordesman A.H., Collay S., Wang M. Chinese strategy and military modernization in 2015. A comparative analysis. CSIS. December, 2015. — P.203.

В китайских доктринальных документах прослеживаются пять приоритетных стратегических целей:

- 1) сохранение у власти существующего политического режима;
- 2) сохранение территориальной целостности страны;
- 3) национальное объединение;
- 4) безопасность на море;
- 5) региональная стабильность.

При этом Китай не преследует в явном виде сколь-нибудь широких экспансионистских целей, а также не инвестирует средства в те силы, создание и содержание которых не вписывается в данные стратегические цели. Си Цзиньпин почти наверняка стремится сделать НОАК более эффективной боевой силой, однако он, видимо, хочет добиться этого не ценой роста опасений соседей в отношении Китая. На официальном уровне в современном Китае спокойно признается тот факт, что военно-технические возможности США в своем развитии примерно на 20 лет опережают китайские. В обозримом будущем Китай не сможет создать экспедиционные силы, сравнимые по мощности с американскими. Однако вопрос о том, будет ли Китай вообще их создавать, внятного ответа, как правило, не получает⁵.

Тот факт, что НОАК разрабатывает доктрину исходя из наличия разнообразных угроз, начиная с ядерной войны и заканчивая десантными операциями на островах, сам по себе еще не раскрывает стратегических намерений Китая, как и не отражает состояния его военных возможностей на текущий период.

Утверждение США о способности КНР в перспективе бросить вызов гегемонии США в регионе встречает решительное неприятие со стороны Китая. В Пекине утверждают, что военная модернизация в КНР служит объективным потребностям национальной безопасности и развития страны, является позитивным фактором поддержания мира и стабильности в регионе и в конечном итоге отвечает интересам мирового сообщества, в чем должны быть заинтересованы и США. Однако пленум ЦК КПК, состоявшийся в 2014 г., констатировал общее осложнение для Китая внешнеполитической и военно-стратегической обстановки.

---

⁵ Китайская военная мощь как новый фактор мировой политики — М.: Научный эксперт, 2016. — С. 72 / <https://centero.ru/wp-content/uploads/2016/10/kitayskaya-voennaya-mosch-kak-faktor-mirovoy-politiki.pdf>

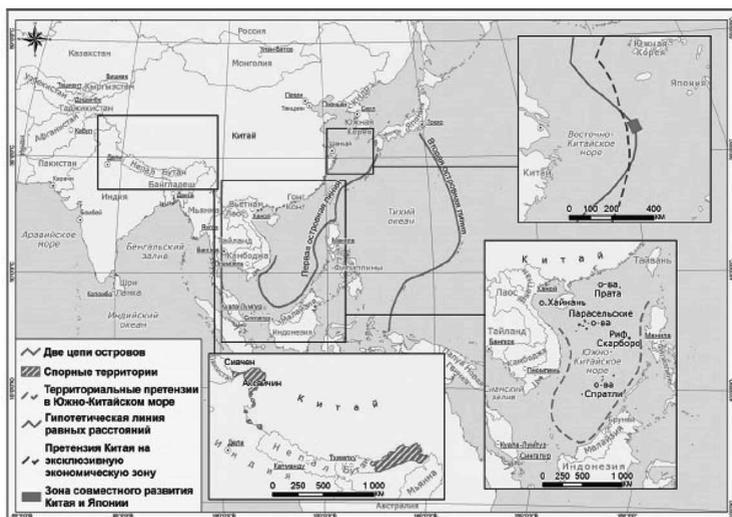

Рис. 4.4.⁶ Территориальные претензии Китая

4.1. Китайская «концепция глобального доминирования» и инициатива «Один пояс — один путь»

Форум «Один пояс — один путь», который прошел в мае 2017 года в Пекине показал, с одной стороны, реальные политические и экономические амбиции КНР, а, с другой, нарастающие противоречия, к которым может привести усиление этих амбиций Китая, в частности, глубину противоречий между Китаем и Индией по инициативе «Один пояс — Один путь».

Индия и ряд других стран видят его, как концепцию глобального доминирования Китая и контроля над морскими транспортными маршрутами и даже странами в Индийском океане и Юго-Вос-

⁶ Китайская военная мощь как новый фактор мировой политики — М.: Научный эксперт, 2016. — С. 73 / <https://centero.ru/wp-content/uploads/2016/10/kitayskaya-voennaya-mosch-kak-faktor-mirovoy-politiki.pdf>

точной Азии. Россия не рассматривает проект «Экономический пояс Шелкового пути» в качестве соперничающего с ЕАЭС в Центральной Азии. Эти разночтения усиливаются из-за отсутствия конкретики со стороны Китая по наполнению инициативы. Перед Россией стоит сложная задача определить формат взаимодействия между ЕАЭС и проектом «Экономический пояс Шелкового пути». А также помешать разночтениям ослабить сотрудничество в рамках БРИКС и ШОС.

Индия входит в БРИКС и является стратегическим партнером России. Более того, России необходимо развивать отношения с Индией, в том числе по транспортным маршрутам, чтобы укреплять транспортные и торговые связи ЕАЭС.

Опасения Индии разделяют ряд западных стран: Великобритания, США, их экспертное мнение и СМИ зачастую направлены на противодействие инициативе «Один пояс — Один путь», которую они называют концепцией «китайского глобального доминирования».

Понимание опасений ряда стран Запада и Индии по поводу «стратегии глобального доминирования Китая», дает более верное трактование и действий западных лидеров по отношению к КНДР и территориальным спорам Китая.

В апреле 2017 г. на встрече Дональда Трампа и Си Цзиньпина Президент США убедил КНР использовать свое политическое влияние на КНДР, чтобы остановить их ядерную программу.

Показательным жестом, свидетельствующим о реальных намерениях США в это время, стали авиаудары по территории Сирии. Многие российские эксперты и журналисты отнесли американские удары исключительно на российский счет.

Через день американские ВМС уже дислоцировались у Корейского полуострова. 11 апреля Дональд Трамп написал в Твиттере о готовности решить проблему Северной Кореи и без помощи Китая, если пуски северокорейских ракет продолжатся.

Продолжением действий США стала политика по привлечению Китая к сотрудничеству по противодействию ядерной программе КНДР. В таких конкретных условиях давления со стороны США КНР поддержал американцев и развернул направляющиеся к своим портам суда Северной Кореи, перевозящие уголь, который составляет основную статью дохода КНДР.

Действия США здесь нацелены не только на прекращение ядерной программы КНДР, но и на противодействие концепции «глобального доминирования Китая». В северокорейской проблеме поддержка Китаем США, даже вынужденная, сужает возможности Пекина по формированию коалиции из потенциальных стран-союзников. Таким образом, США реализуют стратегию вовлечения Китая в существующий мировой порядок.

Стратегия вовлечения Китая в существующий мировой порядок видна и в том, что первый Форум стран-участниц инициативы «Один пояс — один путь» прошел в мае в Пекине с минимальным участием стран G-7: в нем не приняли участие потенциальные партнеры инициативы первые лица Японии, Австралии, Новой Зеландии, Южной Кореи, Франции, Германии и Индии.

«Китайская стратегия глобального доминирования», как ее видят на Западе, исходит из логики, что Китай уже является ведущей экономической державой планеты по паритету покупательной способности, стал главным мировым кредитором, но сталкивается с военно-политическими и экономическими вызовами:

- территориальные конфликты и угроза блокады с моря, военно-политическое доминирование США в АТР — по мнению западных экспертов, для решения этой угрозы создан проект Морской Шелковый путь;
- зависимость от бесперебойного импорта энергетических и природных ресурсов — для решения этой задачи создан проект Экономический пояс Шелкового пути;
- необходимость поддержания экономического роста, продвижение глобализации и создание китайских финансовых институтов, продвижение через интернет-платформы (Азиатский банк инфраструктурных инвестиций — АБИИ, Фонд Шелкового пути — ФШП, глобальная розничная онлайн торговля — Alibaba, глобальная торговая площадка китайских товаров — Aliexpress).

Любой из этих вызовов может остановить развитие Китая, поэтому КНР очень аккуратно и последовательно продвигает идею глобализации и открытости рынков, чтобы получить доступ к ресурсам других стран. В КНР хорошо понимают, что если у Китая не будет гарантированного доступа к необходимым природным ресурсам, то его экономическое развитие будет сдерживаться.

Именно инициатива «Один пояс — один путь», которая состоит из Морского Шелкового пути и Экономического пояса Шелкового пути и должна решить вызовы Китая.

«Морской Шелковый путь» (МШП) и концепция «жемчужной цепи» — военно-политическая стратегия.

В октябре 2013 г., Председатель КНР Си Цзиньпин в ходе визита в Индонезию предложил странам АСЕАН совместно проложить «Морской Шелковый путь».

Китай активно арендует морские порты и строит базы в государствах, которые входят в стратегию Морского Шелкового пути: в государстве Джибути, в порту Гвадар в Пакистане, где будут дислоцированы китайские войска, возможна дислокация ВС Китая и на территории Шри-Ланки, куда уже подходят китайские подводные лодки и где летают китайские авиасилы без предупреждения властей Шри-Ланки. По пути МШП Китай арендовал порты или владеет ими на островах Океании, в Юго-Восточной Азии, на Шри-Ланке, в перспективе в Мьянме, Бангладеш. Китаю даже удалось взять в аренду порт Дарвин в Австралии на 99 лет, куда заходят американские военные корабли.

Морской Шелковый путь служит продвижением китайских интересов в ключевых странах для обеспечения безопасности с моря и обеспечения беспрепятственного продвижения китайских товаров — китайской глобализации.

В военно-политической сфере — поскольку Китай импортирует существенную долю жизненно необходимого сырья и транспортирует его преимущественно по морю, он чрезвычайно уязвим для морской блокады, к которой Вашингтон может прибегнуть в случае крупного конфликта с Пекином.

Продвижение военных морских баз и портов для китайских вооруженных сил происходит через их аренду, покупку и строительство, получение в доступ в качестве платы за кредит и через приход к власти китайской диаспоры.

В Джибути, как предполагается, китайская военная база будет построена в Доралех (Doraleh) в нескольких километрах от самой большой военной базы американцев в Африке. В Джибути Китай также построит второй по величине аэропорт и сможет использовать дроны, также как французы и американцы. Через водное пространство Джибути проходит до 30% всей мировой торговли,

а контроль над морским коридором в Европу — стратегическая цель Китая, который уже заявил о дислокации военных в порту Пакистана — Гвадар.

Понимая, что Соединенные Штаты могут перекрыть транспортные артерии, тот же Малаккский пролив, в акватории которого они уже проводили масштабные совместные учения с ВМС Филиппин, Сингапура, Малайзии, Таиланда, Индонезии и Брунея, КНР ищет альтернативные пути транспортировки углеводородного сырья. США и их союзники, Япония, Южная Корея, Сингапур, Австралия, Новая Зеландия, выстроили разветвленную сеть военных баз, которые, прежде всего, направлены на сдерживание Китая.

Китай строит и покупает порты вдоль Морского Шелкового Пути, по мнению западных экспертов, исходя из военно-политических соображений: — порт в Джибути — для защиты стратегических интересов КНР в регионе Африканского Рога, контроль Суэцкого и Баб-эль-Магдебского проливов; Порт Хамбантога (Шри-Ланка) и договоренность с Мальдивами; Остров Мадай (Мьянма) — для обеспечения безопасности с моря для южных китайских провинций, территориально отдаленных от центра и отдаленных протяженной высокогорной грядой; порты в Джакарте (Индонезия) и на острове Карей — в Малайзии; порт Гвадар (Пакистан) — для обеспечения энергетической безопасности.

В настоящее время Морской Шелковый путь проходит через военные базы КНР: о.Хайнань, о.Вуди, Читагонг (Бангладеш), Ситтве (Мьянма). Ведутся переговоры о дислокации китайских вооруженных сил для защиты транспортных путей, международных перевозок и средств доставки в порту Гвадар в Пакистане.

Установлены пункты для пополнения запасов военно-морских сил Китая в Морсби (Папуа—Новая Гвинея), Сиануквиль (Камбоджа), Ко Ланта (Таиланд), Дакка (Бангладеш), Хамбантога (Шри-Ланка), Мальдивы, Сейшельские острова, Джибути (Джибути), Лагос (Нигерия), Момбаса (Кения), Дар-эс-Салам (Танзания) и Луанда (Ангола):

Концепция «жемчужной цепи» или другое название концепции «двух островных гряд (цепей)», которая созвучна концепции расширения стратегических границ государства за его географические пределы. Это геополитическая теория потенциальных претензий Китая в регионе Индийского океана. Она рассматривает

совокупность китайских военных баз и торговых возможностей вдоль морских линий связи, которые протянулись от Китая до Порт-Судан. Морские линии связи проходят через несколько основных морских горловых мест — узких каналов, Баб-эль-Мандебский пролив, Малаккский пролив, Ормузский пролив и Ломбокский пролив, а также другие стратегические морские точки в Пакистане, Шри-Ланке, Бангладеш, на Мальдивах и в Сомали. Впервые определение было использовано в докладе Министерства Обороны США «Будущее энергетики в Азии» в 2005 г. Оно никогда не использовалось официальными представителями КНР или в правительственных источниках Китая, но часто используется СМИ Индии.

4.2. Кризисные районы

Со стратегической точки зрения КНР достаточно уязвим. Несмотря на береговую линию длиной в 18 тыс. км, выходы Китая в океанские пространства ограничены, одной самой протяженной в мире островной грядой, в центре которой расположен остров Тайвань. Он чрезвычайно важен со стратегической, экономической и политической точек зрения: если бы остров был окончательно отрезан от материка, то Китай навсегда оказался бы запертым этой грядой¹⁰, а также лишился бы значительного водного пространства и богатых океанских ресурсов. Наблюдаемое в настоящее время обострение ситуации в акватории Южно-Китайского моря несет в себе целый ряд вызовов для России — несмотря на то, что Москва непосредственно не вовлечена в территориальные споры в регионе. Речь идет как о глобальных факторах нестабильности, так и о более узконаправленных аспектах, напрямую затрагивающих российские интересы, о которых говорят российские политологи.

Фактор первый: повышение вероятности прямого военного столкновения США и Китая с участием военно-морских и военно-воздушных сил двух государств. В конце мая 2017 года США впервые за период президентства Дональда Трампа направили к занятому Китаем рифу Мисчиф военный корабль, подошедший к нему ближе традиционно оговоренной границы в 12 морских миль. Аналогичный вывод содержится и в докладе ведущих китайских военных

экспертов, подготовленном для партийно-государственного руководства страны. В документе признается наличие угрозы превращения Южно-Китайского моря в «поле сражения Китая и США».

Есть и более драматические прогнозы. В частности, советник американского президента Дональда Трампа по стратегическим вопросам Стив Бэннон в интервью лондонской газете *The Guardian* еще в начале февраля 2017 года заявил, что у него «нет сомнений» по поводу войны в Южно-Китайском море в течение ближайших десяти лет. А датская газета *Berlingske* уже объявила район Южно-Китайского моря «самым опасным местом» в современном мире в силу реального риска возникновения там военного конфликта, прежде всего, между Китаем и США.

Фактор второй: усиление напряженности по линии противостояния Китая и других стран Юго-Восточной Азии, особенно Вьетнама, которые очень быстро развиваются и претендуют на лидерские позиции в регионе и двух государств, традиционно активно взаимодействующих с Россией.

Многие политологи считают эти противоречия не принципиальными и «не нарушающими конфуцианские традиции». Тем не менее, зоны территориальных претензий Пекина и Ханоя практически накладываются друг на друга, включая не только находящиеся в центре споров острова Спратли, но и Парасельские острова. Уже размещенные в мае текущего года Китаем на входящем в состав архипелага Спратли рифе «Огненный крест» пусковые ракетные установки предназначены для противодействия именно вьетнамским подводным лодкам.

Серьезной остроты достигли и противоречия Китая с Филиппинами — еще одной страной, активно вовлеченной в конфликт вокруг акватории Южно-Китайского моря и при этом заинтересованной в сотрудничестве (в том числе в военно-технической области) с Россией. Именно иск Филиппин к Китаю, поданный в специально созданный Международным судом в Гааге Трибунал дал старт нынешнему витку международной напряженности в регионе. Обнародованное в июле 2016 года данным международно-правовым органом решение касалось действий Китая в районе атолла Скарборо-Шол. Вердикт не определил, принадлежат ли данные территории Филиппинам или Китаю, однако в остальном не отвечал интересам Пекина.

Неудивительно, что Китай заявил о непризнании решений Трибунала в Гааге и одновременно активизировал свою деятельность в спорной акватории, попутно ужесточив свою позицию по спорам с Японией в акватории Восточно-Китайского моря. Со своей стороны, президент Филиппин Родриго Дутерте в начале апреля текущего года заявил о намерении разместить войска на контролируемых его страной рифах.

Фактор третий: сам по себе широкий перечень стран, так или иначе вовлеченных в территориальные споры в акватории Южно-Китайского моря. Помимо Китая, Вьетнама и Филиппин, претендующих на самые обширные районы (Китай в 2009 году заявил о своих правах на 80% спорной акватории), о своих претензиях заявили также Малайзия, Бруней и Тайвань.

Фактор четвертый: высокий международный конфликтный потенциал территориальных споров в Южно-Китайском море, которые уже вышли за региональные рамки. К настоящему времени администрация Президента США Дональда Трампа в рамках своего глобального внешнеполитического курса на приоритетное противодействие Китаю уже привлекла к участию в международном антикитайском блоке Австралию и Японию. При этом если со стороны Канберры речь пока идет преимущественно о политической поддержке Вашингтона, то Токио является участником территориальных споров с Китаем вокруг островов Сенкаку/Дяоюйдао в акватории Восточно-Китайского моря.

Выступая 3 июня 2017 года на международном форуме по безопасности в Сингапуре, глава Пентагона Джеймс Мэттис заявил, что действия Китая в акватории Южно-Китайского моря (в том числе сооружение искусственных островов и размещение на них военных объектов) представляют собой «пренебрежение к международному праву и неуважение к интересам других государств», в чем с американским представителем немедленно солидаризировались его коллеги из Японии и Австралии. А госсекретарь США Рекс Тиллерсон именно в ходе своего визита в Австралию 5 июня отверг возможность проведения с Китаем переговоров на предмет сооружения Пекином искусственных островов в спорной зоне.

Фактор пятый: энергетический. Значимость контроля над акваторией Южно-Китайского моря определяется не только его площадью, почти в полтора раза превышающей площадь Сре-

диземного моря, или рыбными богатствами, но и возможным наличием богатых месторождений нефти и газа. Кроме того, зона конфликта затрагивает ключевые торговые маршруты. «Помимо обострения двустороннего соперничества усиление китайского контроля создает проблемы с точки зрения свободы движения (как морского, так и воздушного) в зоне, на которую приходится 40% мирового морского грузопотока. Именно ради этой свободы движения, которая крайне важна для Японии, Южной Кореи и Тайваня, США ведут патрулирование в зоне», — отмечает в этой связи бригадный генерал французских военно-воздушных сил, директор исследовательского центра IRIS Жан-Венсан Бриссе. «Трения между кораблями Китая и других стран могут привести к инцидентам. Это может показаться циничным, но гибель вьетнамских или филиппинских моряков не выльется во что-либо серьезное. В то же время, если пострадают американцы или китайцы, кризис может резко усилиться, и справиться с ним будет на порядок сложнее», — предупреждает французский эксперт. «Самым вероятным фактором, который мог бы спровоцировать американо-китайский конфликт, является инцидент в воздухе или на море. Как бы то ни было, нельзя исключать реакцию Вашингтона на завоевания Пекина, силовой захват занятого другой страной (в том числе Японией) острова или вторжение на Тайвань. Если такой конфликт наберет обороты, первым практическим последствием для Европы станет остановка мирового завода. Со всей вытекающей отсюда нехваткой потребительской продукции. Как бы то ни было, сложно сказать, какой могла бы быть реакция Европы на подобный конфликт. Последствия внешнеполитических решений Трампа в начале мандата непредсказуемы. Европа находится в зоне турбулентности, а у ЕС попросту отсутствует азиатская политика», — подчеркивает Жан-Венсан Бриссе. (*atlantico.fr*).

Еще более пессимистично настроено германское издание *Die Welt*. Напоминая о планах Китая «создать до 2030 года военно-морской флот, достойный мировой державы», на основе авианосцев в составе от шести до двенадцати боевых групп, газета предупреждает, что в этом случае «в 2030 году будут две страны, которые смогут продемонстрировать свою мощь перед любым побережьем Земли», а «обладание военными средствами усили-

вает националистические инстинкты». «Где же будет находиться в таком мире Европа?», — задается риторическим вопросом Die Welt. (welt.de)

Сложившаяся ситуация вынуждает Россию более внимательно отнестись к происходящему в регионе Южно-Китайского моря (а также в сфере китайско-японских споров в Восточно-Китайском море) с тем, чтобы, используя свой внешнеполитический вес, а также тесные взаимосвязи со многими ключевыми участниками споров, сыграть стабилизирующую роль и одновременно укрепить собственные политические (и не только политические) позиции во всем Азиатско-Тихоокеанском регионе. Представляется, что именно данный регион будет нести в ближайшие годы (по крайней мере, на период функционирования в Вашингтоне действующей администрации Дональда Трампа) наибольшую конфликтную нагрузку, чреватую возникновением масштабного вооруженного столкновения с участием США и Китая⁷.

Если Морской Шелковый путь обеспечивает контроль над морскими маршрутами Китая через аренду и владение портовой инфраструктурой, строительство военных баз и с помощью наращивания вооружений, то Экономический пояс Шелкового пути обеспечивает контроль над ресурсами других стран и доступ к рынкам с помощью реализации и контроля над инфраструктурными, экономическими и промышленными объектами.

4.3. Экономический пояс Шелкового пути

В сентябре 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин выступил с речью в Назарбаев Университете и предложил «совместно построить экономический пояс Шелкового пути». Такой экономический пояс Шелкового пути предусматривает создание 3 коридоров:

- северного (КНР-Центральная Азия — Россия — страны ЕС);
- центрального (КНР — Центральная Азия — Персидский залив и Средиземное море);
- южного (КНР — ЮВА — Южная Азия — Индийский океан).

⁷ Искандеров П. 2017. 21 июня / Эл. Ресурс «ВИПЕРСОН» / www.viperson.ru, 2017, 21 июня.

В ходе своего визита в Исламабад в мае 2013 г. премьер-министр КНР Ли Кэцян на встрече со своим пакистанским визави подтвердил намерение создать китайско-пакистанский экономический коридор, который заканчивается в глубоководном порту Гвадар. Порт находится в долгосрочной аренде КНР.

В порту Гвадар в Пакистане будут размещены китайско-пакистанские войска для охраны китайско-пакистанского экономического коридора. Сейчас в порт Гвадар заходят китайские подводные лодки, что сильно беспокоит Индию. Среди стран, которые западные и индийские СМИ называют возможными участниками проекта «жемчужной цепи» — Бангладеш, куда заходят китайские ПЛ. Страны с близкими военными контактами с Пекином — Непал, Шри-Ланка, Мьянма, Сейшелы, Мальдивы — расположены вдоль морского транспортного пути. У Индии и западных стран вызывает особенную озабоченность возникновение проблемы задолженности Шри-Ланки, что нередко используется для критики Морского шелкового пути.

Перед предстоящим саммитом стран БРИКС 2017 года в Китае, России нужно выработать позицию относительно варианта сопряжения ЕАЭС и «Экономического пояса Шелкового пути». Российские дипломатические усилия должны быть направлены на возвращение к диалогу между Китаем и Индией по Китайско-пакистанскому коридору. В рамках БРИКС нужно будет определить формат участия в китайском глобальном проекте «Пояс и путь», без этого полярность мнений продолжит усиливаться и будет мешать развитию сотрудничества в рамках БРИКС.

Если не удастся убедить Китай определить правила по участию в проекте «Пояса и пути», то нужно создать переговорную площадку в рамках БРИКС и ШОС, которая будет действовать на постоянной основе и где будут обсуждаться позиции стран для поиска компромиссов и предотвращения недопонимания и дезинформации.

Возможно, что Россия может представить проект сопряжения ЕАЭС и «Экономического пояса Шелкового пути», в котором будут определены самые сложные моменты, которые вызывают обеспокоенность по китайской инициативе:

- невозможность дислоцирования китайских вооруженных сил на постоянной основе на территории стран-членов ЕАЭС;

- определение условий предоставления китайских кредитов в рамках инициативы для предупреждения попадания в долговое бремя перед Китаем и в зависимость от китайских займов;
- обоснование выбора того или иного проекта Китаем для финансирования;
- недопустимость получения в управление инфраструктурных и транспортных переходов, коридоров Китаем.

Также необходимо определить аудиторов и порядок правового обеспечения сотрудничества для максимального регулирования сотрудничества.

Россия в обозримом будущем сохранит курс на распространение экономического и энергетического влияния в Евразии, развития Евразийской интеграции и решения вопроса по взаимодействию между ЕАЭС и «Экономическим поясом Шелкового пути». Для решения этих вопросов нужно учитывать обеспокоенность Индии и ряда западных стран по поводу китайского проекта. Наилучшая правовая форма взаимодействия интеграционного проекта России и экономического проекта Китая будет способствовать укреплению многополярного мира, развитию транспортного сообщения и экономическому росту стран Евразии. Тем не менее, существуют значительные угрозы при недостаточно удачном сопряжении проектов: потеря имиджевых позиций России в мире, углубление противоречий между Китаем и Индией, угроза ослабления сотрудничества в рамках БРИКС и ШОС.

ГЛАВА 5
Развитие российской
локальной человеческой
цивилизации и России
в XXI веке

С 2020-х годов начнется повышательная война шестого Кондратьевского цикла, на основе НТР-21 и базисных инноваций ускорятся темп экономического развития в мире

*Ю. Яковец, Е. Растворцев,
исследователи ИЭС РАН*

Наш мир стал безопаснее именно благодаря войнам... совершенно непреднамеренным последствием подобной политики стало 90-процентное падение индекса насильственной смерти в период с каменного и до XX века

*Ян Моррис,
английский социолог*

В целом относительные экономические и социальные перспективы развития России и возглавляемой ею ЛЧЦ до 2040 года выглядят (мягко говоря) очень скромно не только на фоне развития стран-лидеров других ЛЧЦ¹, но и, как минимум, 20–25 других ведущих государств. Более того (в ряде выступлений лидеров Госдумы в ходе отчета, например, правительства Д. Медведева 19 апреля 2017 года) даже пессимистически. Несмотря на все попытки перед отчетом правительства подретушировать ситуацию в стране и перспективы ее развития, вполне оправданными можно считать такие оценки, как: «депрессия», «стагнация», «стагфляция» и даже «кризис».

В 2026–2050 годах (в условиях нисходящей волны большого цикла и приближения «большой тройки» к уровню развитых стран 1960-х годов) среднегодовые темпы прироста ВВП на душу населения снизятся в Китае до 3,0%, Индии — до 3,5 и Бразилии — до

---

¹ Подберезкин А.И., Родионов О.Е., Харкевич М.В. Стратегический прогноз развития отношений между локальными человеческими цивилизациями. — М.: МГИМО-Университет, 2016. — С. 6–8.

3,0%. Результаты расчетов по странам, исходя из высказанных предположений, приведены в следующей таблице.

Перспективы экономического роста «большой тройки» и всей совокупности развивающихся стран

Страны	Китай	Индия	Бразилия	Все страны
Годы				
Численность населения, млн человек				
2000 г.	1275	1017	172	4767
2025 г.	1450	1335	215	6390
2050 г.	1400	1550	235	7150
ВВП на душу населения, тыс. долл. США в ценах и по ППС 2000 г.				
2000 г.	4,0	2,5	7,7	3,7
2025 г.	17,2	10,7	20,5	10,7
2050 г.	36,0	25,4	42,9	22,4
ВВП, трлн долл. США в ценах и по ППС 2000 г.				
2000 г.	5,1	2,5	1,3	18
2025 г.	24,9	14,3	4,4	68
2050 г.	50,4	39,4	7,4	160

На фоне ускоряющегося развития целого ряда стран такое состояние становится особенно опасным именно в силу относительного падения мощи и влияния России в мире, когда возникают своего рода «ножницы» между отрицательными тенденциями отно-

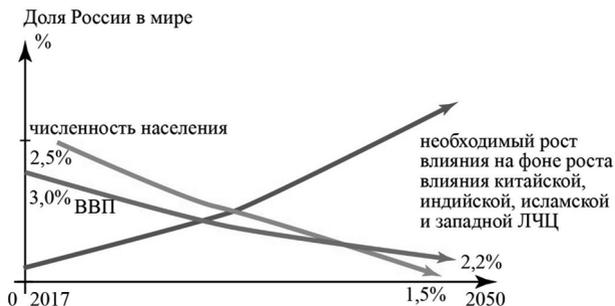

Рис. 5.1.

сительного уменьшения мощи (экономической и демографической) России и необходимостью увеличения ее политического, военного и иного влияния в мире, вытекающего из-за роста напряженности, дефицита ресурсов и демографических и иных проблем.

В целом можно говорить о том, что «столкновение цивилизаций» в XXI веке для российской ЛЧЦ будет означать очень опасный и длительный период борьбы за сохранение своей идентичности, суверенитета и ресурсов.

5.1. Место России в мире сегодня и в будущем

... ряд показателей государств-членов ЕАЕС опустился ниже 1990 года, т.е. они были отброшены более чем на четверть века назад, тогда как мировая экономика двигалась вперед...

*Ю. Яковец, Е. Растворцев,
сотрудники ИЭС РАН*

Место России в современном мире определяется множеством факторов — геополитических, цивилизационных, ресурсных, демографических, экономических, военных, политико-дипломатических и др., — которые отнюдь не однозначно свидетельствуют о том реальном положении, которое она занимает в мире. Тем более о том месте, которое она может занимать в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Можно попытаться представить себе это место в виде некоего рисунка (рис. 5.2).

Из рисунка видно «приплюснутость» потенциала России по осям «экономика» и «геополитика», что в принципе отражает то реальное место, которое занимает Россия в сегодняшнем мире. Учитывая же господствующие последние 30 лет в ее развитии тенденции, можно сказать, что в будущем это положение может еще больше ухудшиться, что связано, прежде всего, с темпами роста ВВП страны.

Другой ключевой показатель развития страны — национальный человеческий капитал, индекс которого рассчитывается институтами ООН с 1990 года, дает нам также достаточно много информации о положении России в мире. В частности, количественно, демографически, роль России изменилась за эти годы

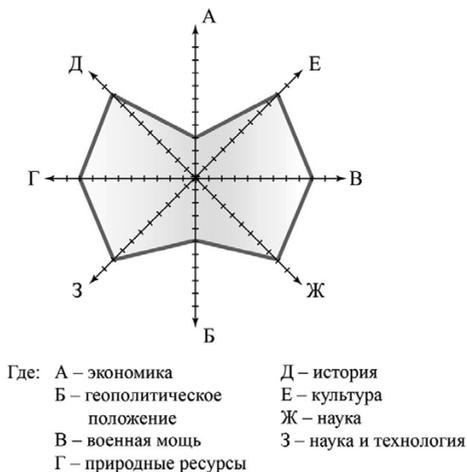

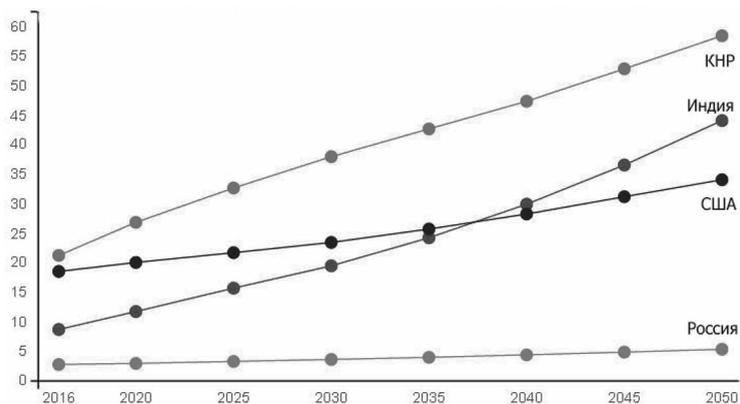
Рис. 5.2.

радикально: сегодня она уже уступает лидерство по численности граждан многим странам, а в будущем, к 2050 году, например, может превратиться просто в страну с численностью населения на уровне Ирана, Малайзии, Филиппин.

Еще сложнее ситуация с качеством НЧК, который за последние 30 лет также ухудшился. Россия занимает стабильно место во второй группе стран на уровне Малайзии, Казахстана, уступая Словакии и Словении причем ИРЧП России все эти годы очень существенно отличался не только по сравнению с другими странами, но и между регионами.

По основному показателю — объему ВВП — Россия не только не рассматривается в качестве конкурента ведущим странам мира, но и находится в лучшем случае на 7–10 месте в мире. Более того, ее положение в мире по всем основным показателям за последние 30 лет только ухудшалось.

Несколько лучше смотрится ситуация, если ее измерять по паритету покупательной способности (ППС), о чем свидетельствуют, например, официальные данные последних лет о динамике изменения странового и душевого ВВП по паритету покупательной способности России, стран ЕС, Австралии и Израиля (без таких лидеров роста как КНР, Индия, Индонезия, Бразилия и др. страны).

Рис. 5.3. ВВП страны по паритету покупательной способности (трлн долл. США)

Если же судить по показателям реального ВВП и целому ряду других критериев (особенно объему внешней торговли, уровню технологического развития, конкурентоспособности и др.), то ситуация выглядит намного хуже.

Это обстоятельство, а именно (состояние) в 2017 году неизбежно будет влиять на ее будущее положение в качестве самостоятельного центра силы в мире в 2025 и 2040 годах, предопределяя во многом возможности и характер ее внешней и военной политики на весь период. Его современное состояние и вероятное положение в будущем можно охарактеризовать как ограниченность национальных экономических и финансовых ресурсов и других национальных возможностей относительно других ЛЧЦ и центров силы².

В частности, если говорить о доли ВВП России (опять же по ППС) сегодня и в будущем относительно США, КНР и Индии, то она качественно отличается от этих государств сегодня, но еще больше будет отличаться в будущем. К сожалению, пока что, то же самое пессимистическое обоснование можно сделать и относительно темпов прироста ВВП до 2040–2050 годов, которые во всех странах прогнозируются выше, чем в России.

² См. подробнее: *Подберезкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 338.

Это означает, что если в настоящее время экономика России по ППС уступает экономике США и КНР в 10 раз, а индийской — в 2 раза, то к 2025 году этот разрыв еще больше увеличится, а к 2045 году станет соотноситься как 1 : 5 или даже 1 : 20. Соответственно и доля бюджета, выделяемая на внешнюю и оборонную политику, которая колеблется в пределах 3–4%, будет у России в 15–20 раз меньше, чем у этих стран, если исходить из одинаковых пропорций объема и темпов роста бюджетов.

Еще более существенно отставание России в численности и темпах роста населения и качества человеческого капитала³, которые отмечались, в том числе, и в проекте Стратегического прогноза РФ до 2035 года, подготовленного осенью 2016 года Министерством экономики России⁴. С этим прогнозом в целом сочетаются и большинство западных прогнозов развития России, в которых два главных показателя государственной мощи — ВВП и количество и качество человеческого капитала — продолжают расти медленными темпами относительно не только развитых государств, но и новых центров силы. Это видно, например, из стратегического прогноза, сделанного в феврале 2017 года

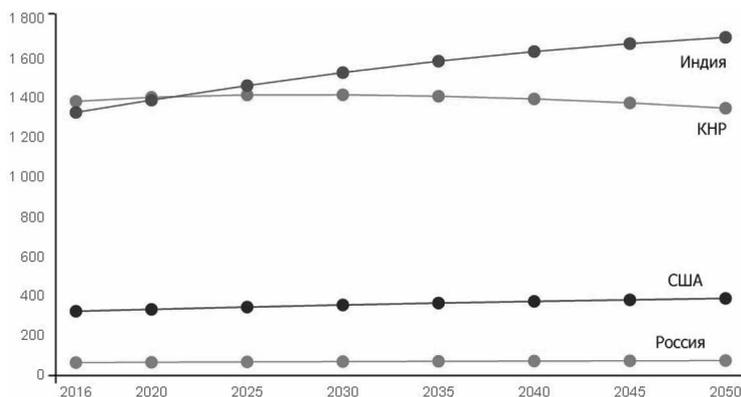

Рис. 5.4. Численность населения (млн)

³ См. подробнее: Подберезкин А.И. Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО-Университет, 2011. — Т. 3.

⁴ Бутрин Д. Генштаб не верит несекретным прогнозам // Коммерсант, 2017. 14 марта / <http://www.kommersant.ru/doc/3107308>

корпорацией «Проктер энд Гэмбл». Как видно из приводимых сопоставлений, численность населения России относительно других центров силы и основных ЛЧЦ будет снижаться. Можно говорить даже о критическом несоответствии мощи России, измеряемой ВВП и демографическим потенциалом, относительно лидеров ЛЧЦ.

Таким образом, развитие сценариев России, как минимум, до 2025 года во многом уже предопределенно ее базовыми ресурсными возможностями, которые выглядят достаточно скромно относительно других ЛЧЦ и центров силы если не использовать — активно и целенаправленно — главный современный ресурс развития национальный человеческий капитал, определяемый не столько количественными демографическими показателями сколько качеством человеческого потенциала граждан страны: образованием, здоровьем, творческими возможностями, интеллектом, культурой и другими качествами⁵ и его институтов.

Без сознательной ставки на опережающее развитие, которое возможно исключительно через развитие национального человеческого капитала, и его институтов, т.е. субъективного решительного и кардинального выбора правящей элиты в пользу этого приоритетного ресурса развития, сохранение в том или ином виде ресурсного и инерционного сценария развития России, ведущего к ее деградации, неизбежно.

Это неизбежное инерционное развитие России в условиях быстро развивающегося мира будет означать стагнацию и деградацию, которые, в свою очередь, поставят под сомнение способность страны сохранить суверенитет и национальную идентичность. Данные Минфина, иллюстрирующие динамику развития основных макроэкономических показателей, в случае продолжения такой политики, свидетельствуют, что к 2025–2030 годам основные показатели России останутся практически на нынешнем уровне⁶, в то время, когда другие страны (как и в предыдущие десятилетия) будут развиваться темпами в 3–7%.

⁵ См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Национальный человеческий капитал: монография в 3 т. Т.1–3. — М.: МГИМО (У), 2011–2013 гг.

⁶ Россию ждут 15 лет застоя, если не будет реформ и не подорожает нефть / <http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/02/15/629411-15-let-zastoya>

Дрейф российской экономики. Инерционный вариант прогноза до 2030 г.

	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025	2026	2027	2028	2029	2030
Цена нефти, \$/барр.	97,6	51,1	40	40,8	41,6	42,4	43,3	44,2	45	45,9	46,9	47,8	48,8	49,7	50,7	51,7	52,8
Экспорт всего, \$ млрд	498	347	304	Т	326	337	348	358	370	381	393	406	419	432	447	462	477
Импорт всего, \$ млрд	308	197	183	194	206	214	222	229	237	244	252	260	269	278	287	297	307
Инфляция на конец года, %	7,8	12,9	6,8	4	4	4	4	3,7	3,4	3,1	3	2,9	2,8	2,7	2,6	2,6	2,6
Курс рубля, руб./\$	38,38	60,97	68,17	68,29	68,77	69,61	70,87	71,97	72,85	73,6	74,27	74,87	75,41	75,9	76,34	76,74	77,17
ВВП, %	0,6	-3,8	-0,8	1	1,4	1,3	1,2	1,1	1	1,1	1,1	1,2	1,2	1,3	1,3	1,3	1,3
Рост зарплат в реальном выражении, %	1,2	-8,9	-3,5	0,2	1,7	1,6	1,9	1,9	1,6	1,6	1,6	1,5	1,6	1,5	1,5	1,4	1,5
Рост фонда зарплат, %	8,3	3,7	5	5,3	5,4	5,3	5,2	4,8	4,4	4,2	4,1	4,1	4	4	4	3,9	3,9
Рост прибыли, %	12,5	9,9	6,7	8	5,8	5,6	5,4	5	4,6	4,4	4,3	4,2	4,2	4,2	4,1	4,1	4,1

Источник: Минфин

5.2. Интересы и цели России

Национальные интересы могут содержать в себе как идеальную (духовную) так и материальную компоненту

*М. Александров,
эксперт ЦВПИ*

При всем разнообразии подходов к оценке значения категории «национальный интерес» и интерпретации этой категории следует остановиться на нескольких основных исходных посылках, из которых следует формирование модели и самой логики исследования. Но, прежде всего, следует оговориться, что категория «интерес» в нашем рассуждении соответствует категории «объективная потребность», т.е. физической, материальной, нравственной или иной конкретной потребности субъекта.

По аналогии с криминалистикой, где расследование начинается с поиска мотива преступления, анализ политики того или иного субъекта начинается с анализа его объективных (чаще всего национальных) интересов и потребностей.

Такой анализ национальных интересов оговаривается необходимостью следовать некоторым условиям, в частности:

Посылка № 1. Национальный интерес является лишь одним из интересов, который, как правило, является наиболее приоритетным политическим интересом по отношению к другим интересам. Его диалектическое значение заключается в том, что он в принципе выступает относительно частным по отношению, например, к глобальному и биологическому интересам, с одной стороны, но более общим по отношению к другим интересам (классовым, социальным, личным), с другой.

Это означает, что в определенные периоды времени его приоритетность может уступать свое место как более общим интересам (например, биологическим), так и частным — государственным, классовым и даже личным. Когда это происходит, то следует на какое-то время искажение объективных реалий, которое те же объективные законы человеческого развития, в конечном счете, «приводят в норму». Так было, например, когда классовые интересы большевиков превалировали над национальными, до 30-х годов прошлого века, или когда групповые интересы М. Горбачева

Общая матрица интересов России и других субъектов МО и ВПО, входящих в ее ЛЧЦ и коалицию

Приоритетность и последовательность	Временной отрезок		
	краткосрочный (до 1 года)	среднесрочный (до 5–7 лет)	долгосрочный (более 7 лет)
<p>1. Биологический интерес человечества как вида (экологический интерес, ресурсный, защиты от эпидемий, голода и пр.) и выживания. Это наиболее общий интерес для всех субъектов, акторов и личностей, участвующих в формировании МО, а также «экология живых систем и природопользования, стратегическая стабильность».</p> <p>С точки зрения России, этот интерес вполне адекватно отражается во всех основных документах, в частности положения о «создании благоприятных внутренних и внешних условий для реализации национальных интересов и стратегических национальных приоритетов РФ» (СНБ РФ, 2015 г.)</p>	— как правило, незначителен, но относительно постоянен	— обеспечить внешние и внутренние благоприятные условия развития, т.е. прежде всего, отсутствие войн;	
			— сокращение выбросов углекислого газа (Парижские соглашения), а также другие экологические последствия;
<p>2. Глобальный интерес России как части всего человечества и как социума, как право, достаточно общий для всех локальных человеческих цивилизаций и государств.</p>	— обеспечение безопасности России от широкого спектра внешних и внутренних угроз;		
	— сохранение цивилизации, гуманистических основ развития;	— сохранение цивилизации, гуманистических основ развития;	— сохранение цивилизации, гуманистических основ развития;

Приоритетность и последовательность	Временной отрезок		
	краткосрочный (до 1 года)	среднесрочный (до 5–7 лет)	долгосрочный (более 7 лет)
<p>3. Цивилизационный интерес России как части (локальной) цивилизации, объединяющей несколько наций и акторов, представляющих близкие системы политических ценностей и коалиционную стратегию (может включать представителей разных наций, цивилизаций, этносов).</p>	<p>— сотрудничество в научной, технологической и торговой областях.</p> <p>— укрепление позиций своей ЛЦЦ и коалиции, сохранение суверенитета, продвижение её системы ценностей</p>	<p>— сотрудничество в научной, технологической и торговой областях.</p> <p>— укрепление позиций своей ЛЦЦ и коалиции, сохранение суверенитета, продвижение её системы ценностей</p>	<p>— сотрудничество в научной, технологической и торговой областях.</p> <p>— укрепление позиций своей ЛЦЦ и коалиции, сохранение суверенитета, продвижение её системы ценностей</p>
<p>4. Национальный интерес России как общности той или иной нации, объединенной общими признаками (языком, культурой, территорией) и планами общего будущего</p>	<p>— укрепление государства, его суверенитета, конституционного строя, независимости и территориальной целостности...;</p>		
	<p>— укрепления национального согласия, политической и социальной стабильности, развития демократических институтов, совершенствования механизмов взаимодействия государства и гражданского общества, повышение качества жизни...</p>		

Окончание таблицы

Приоритетность и последовательность	Временной отрезок		
	краткосрочный (до 1 года)	среднесрочный (до 5–7 лет)	долгосрочный (более 7 лет)
5. Государственный интерес России как института (институтов) нации	— практически повторяет национальные интересы		
6. Социально-классовый интерес различных социальных групп в России как части общества	— повышение качества жизни граждан, экономический рост, наука, технологии и образование, здравоохранение, культура, экология — живых систем и природопользования, стратегическая стабильность		
7. Групповой интерес как интерес определенной (конкретной) социальной группы			
8. Корпоративный интерес конкретной группы правящей элиты России: — силовиков; — финансистов; — «оффшорной аристократии» — др.			
9. Личный интерес отдельной семьи или личности: — В. В. Путина; — «олигархов»			

и Б. Ельцина игнорировали какое-то время национальные и государственные интересы СССР и России.

Посылка №2. Надо ясно понимать, что политические решения принимаются правящей элитой не в идеальных условиях, когда требуется столько ресурсов, сколько имеется, а интересы всех субъектов совпадают, — а в условиях, когда (как правило, — всегда) ресурсы ограничены, а одни интересы противоречат другим: краткосрочные — долгосрочным, а биологические — групповым или личным. Доминирование тех или иных интересов не абсолютно, а носит вполне исторический, даже временный характер. Поэтому правящая элита всегда находится в поиске компромисса между различными группами интересов и различными возможностями их реализации.

Поэтому важно попытаться как-то формализовать и выстроить последовательность, приоритетность всех групп интересов. С точки зрения приоритетности и временного пространства категория «интерес» того или иного субъекта или конкретного актора МО и ВПО может иметь приблизительно следующую простую формулу (которая при возможности может быть еще больше детализирована) см. таблицу «Общая матрица интересов России и других субъектов МО и ВПО, входящих в ее ЛЧЦ и коалицию».

Совершенно определенно можно сказать, что эти интересы могут не только объективно не совпадать, но и прямо противоречат друг другу. В том числе и по субъективным причинам. Так, интерес «биологический» (и его разновидность — «экологический» интерес, в т.ч. ограничения CO²), противоречит национальным и государственным экономическим интересам, накладывая дополнительные издержки на промышленность и социальную сферу, чье влияние проявляется особенно активно, например, в современной политике США и КНР.

Поэтому реализуя ту или иную политику правящая элита страны вынуждена в обязательном порядке искать и находить компромиссы как между различными интересами по их формально-логической приоритетности, так и «по временной принадлежности». Известно, например, что, как правило, государственный деятель ориентируется, прежде всего, на долгосрочные интересы, а политический — на краткосрочные интересы, которые диктуются ближайшими выборами. Так, потребности безопасности требуют

Распределение категории «национальных интересов» России на «профильные» группы

Национальные интересы	Краткосрочные	Среднесрочные	Долгосрочные
— Безопасности: сохранение нации, ее самоидентификации и создание благоприятных условий развития;	— уменьшение напряженности в отношениях с Западом; — сокращение риска войны;	— уменьшение напряженности в отношениях с Западом; — сокращение риска войны;	— уменьшение напряженности в отношениях с Западом; — сокращение риска войны;
	— уничтожение международной террористической сети в Сирии, на Кавказе и в России;	— уничтожение международной террористической сети в Сирии, на Кавказе и в России;	— уничтожение международной террористической сети в Сирии, на Кавказе и в России;
	— обеспечение развития ВС, ВВСТ и ОПК; — преодоление влияния санкций; — стабилизация экономики;	— обеспечение развития ВС, ВВСТ и ОПК; — преодоление влияния санкций; — стабилизация экономики;	— обеспечение развития ВС, ВВСТ и ОПК; — преодоление влияния санкций; — стабилизация экономики;
	— прекращение падения уровня жизни граждан; — увеличение НЧК;	— прекращение падения уровня жизни граждан; — увеличение НЧК;	— прекращение падения уровня жизни граждан; — увеличение НЧК;
	— сохранение внутренней стабильности;	— сохранение внутренней стабильности;	— сохранение внутренней стабильности;
	— развитие ОДКБ и ЕВРАЗЭС	— развитие ОДКБ и ЕВРАЗЭС;	— развитие ОДКБ и ЕВРАЗЭС

<p>— Экономические: обеспечение жизнедеятельности экономики и развития;</p>	<p>— преодоление промышленного спада; — сокращение инфляции до 4%;</p> <p>— преодоление промышленного спада; — сокращение инфляции до 4%;</p>	<p>— преодоление промышленного спада; — сокращение инфляции до 4%;</p> <p>— сокращение инфляции до 4%;</p>	<p>— преодоление промышленного спада; — сокращение инфляции до 4%;</p> <p>— сокращение инфляции до 4%;</p>
<p>— Социальные: развитие общества, увеличение НЧК, демографических показателей, душевого дохода и развития социальных институтов</p>	<p>— сокращение последствий кризиса 2014–2016 годов и санкций;</p> <p>— улучшение положения граждан;</p>	<p>— сокращение последствий кризиса 2014–2016 годов и санкций</p>	<p>— сокращение последствий кризиса 2014–2016 годов и санкций</p>
<p>— Внешние: создание благоприятных внешних условий для сохранения суверенитета и развития России</p>	<p>— ограничение участия в военных конфликтах в Сирии и на Украине;</p> <p>— смягчение санкций;</p> <p>— ослабление международной напряженности.</p>		
<p>— Внутренние: обеспечения внутриполитической стабильности</p>	<p>— обеспечение улучшения социально-экономического положения граждан;</p> <p>— обеспечение президентских выборов 2018 года;</p> <p>— сохранение высокого рейтинга В. Путина</p>	<p>— сохранение внутренней политической стабильности</p>	
<p>и тд.</p>			

долгосрочного финансирования НИОКР ВВСТ, а потребности выборов — немедленного увеличения социальных ресурсов.

Посылка №3. Внутри любых интересов ЛЧЦ, национальных, государственных, иных — формируется самостоятельная и иногда весьма противоречивая «профильная» группа, которая является следствием проявления такой сущности интереса, как конкретная «объективная потребность»: она делит те или иные интересы в соответствии с их спецификой «профильные» на интересы экономические, интересы безопасности, политические и иные. Так, например, «национальные интересы» могут делиться на «профильные группы»: см. таблицу «Распределение категории „национальных интересов“ России на „профильные“ группы».

Для того или иного субъекта или актора МО и ВПО подобное деление порой имеет принципиальное значение потому, что некоторые интересы (потребности) могут серьезно противоречить другим интересам. Причем такие противоречия (даже внутри «профильных» групп) могут иметь порой достаточно радикальный характер. Так, интересы безопасности России, прежде всего сохранения идентичности и суверенитета в XXI веке, требуют проведения независимой внешней и внутренней политики, включая увеличение затрат на обеспечение военной безопасности, которая в краткосрочной перспективе может вести к значительным экономическим издержкам и противоречить как социально-экономическим интересам нации, так и интересам отдельных социальных групп и лиц.

Это неизбежно ведет к перераспределению национальных ресурсов в пользу интересов безопасности, что, в свою очередь, используется активно внешними оппонентами и оппозицией.

Посылка №4. Объективные национальные интересы (потребности) не реализуются сами по себе, а только в качестве политических целей, которые сформулированы субъективно отдельными представителями правящей элиты. Сказанное означает, что каждый интерес и его вид (в каждый период и на каждый период времени) формулируется в цель субъективно, в зависимости от способности, качеств и намерений правящей элиты. Подобная субъективность восприятия и изложения правящей элитой неизбежно ведет не только к искажению объективных интересов, но, нередко даже противоречиям с ними.

Это неизбежно означает, что полной идентичности между интересами и целями добиться невозможно: чем умнее, независимее и бескорыстнее элита, тем ближе, адекватнее будет конкретная политическая цель к объективной потребности (интересу). И наоборот: непрофессиональная, некачественная и корыстная элита может радикально исказить политические цели, делая их даже противоречивыми по отношению к интересам.

Эту логику можно проиллюстрировать на известном рисунке, изображающем модель политического процесса (рис. 5.5).

Из этой простой модели сразу же следуют выводы:

1) **качество элиты** и ее собственные интересы (группа факторов «Д») могут не только не точно формулировать цели, но и исказить их, более того делать так, что они будут противоречить объективным интересам. Это несоответствие в зависимости от множества факторов может продолжаться разное время — от нескольких дней до нескольких десятилетий;

2) **интересы** представляют собой очень сложный и многочисленный «набор» объективных и субъективных потребностей, ана-

Рис. 5.5.

лизировать который можно и нужно как в рамках общей системы потребностей, так и по отдельности в зависимости от субъективных потребностей;

3) **политические цели и задачи** являются производным от интересов (потребностей), но одновременно они также находятся под влиянием внешних условий (группа факторов «Б») и наличия определенных ресурсов (Группа «Г»).

Таким образом, с точки зрения значения и роли в политике интересов национальной безопасности России можно говорить о несколько упрощенной модели, в которой интересы — как более высокого порядка (биологические и глобальные), так и более низкого порядка — будут учитываться, но **в меньшей степени**, чем собственно национальные интересы. Просто потому, что их полный учет может слишком осложнить возможность анализа. Вместе с тем, неизбежен учет некоторых интересов, которые в отдельные периоды времени могут играть решающее значение. Так, личные амбиции и интересы Б. Ельцина сыграли огромное значение (в т.ч. в противовес национальным интересам) на рубеже 1990-х годов.

Формирование политических целей в нашей модели происходит:

- на основе, прежде всего, широкого круга объективных интересов (потребностей) различных субъектов и акторов политики, но
- **под влиянием:**
  - а) внешних условий (тенденций, политики других субъектов);
  - б) имеющихся ресурсов;
  - в) субъективных (нередко неадекватных) представлений правящей элиты различных субъектов и акторов, участвующих в политике.

Из этого следует, что прогноз того или иного сценария развития России делается **на основе** прогноза имеющихся и будущих объективных национальных интересов, находящихся **под влиянием** внешних условий, ресурсов и субъективного качества правящей элиты.

5.3. Влияние будущей международной обстановки на развитие России

... финансовый ресурс экстенсивного роста у большинства организаций ОПК практически исчерпан, а реальные затраты ежегодно увеличиваются более, чем на треть...

Авторы работы «Информационные технологии в ОПК России и странах НАТО»

Проблема эффективности стратегии национальной безопасности и эффективного ОПК, а в более широком плане — эффективной стратегии развития России — во многом зависит от внешних условий. В некоторые исторические периоды эти внешние факторы оказываются решающими.

Огромное значение имеет в этой связи стратегический прогноз развития внешних условий и обстоятельств (прежде всего МО и ВПО), которые будут в будущем влиять на политические цели. К сожалению, нередко в стратегических национальных прогнозах эти этапы игнорируются. Так, в Концепции социально-экономического развития России до 2020 года, подготовленной под руководством наиболее авторитетного специалиста А. Клепача в марте 2008 года, эти этапы вообще не учитывались. Начавшийся через несколько месяцев мировой кризис, обесценил этот первый серьезный опыт, прежде всего именно из-за этой ошибки.

Анализ интересов России (национальных, государственных и пр.) во многом невозможен без учета внешних обстоятельств, влияющих на эти интересы политически, стратегически, экономически, технологически и т.д. Именно поэтому такой анализ национальных интересов должен предвшаться анализом внешних условий.

Кроме того, мы обязаны учитывать объективные факторы развития России и наиболее устойчивые объективные тенденции, на которые наши решения могут не влиять, либо будут влиять в минимальной степени. В частности, если мы знаем демографическую динамику развития России до 2030 года, то правящая элита должна принимать (или не принимать) соответствующие решения. Наши самые радикальные и смелые решения не изменят качественно эту динамику, что требует от правящей элиты страны поиска принципиально новых решений.

Рис. 5.6.⁷

Так, исходя из этих тенденций, мы можем:

1. Увеличить рождаемость в стране посредством принятия самых радикальных материальных и иных решений;
2. Сократить смертность и увеличить продолжительность жизни, если удастся решить эти проблемы комплексно (сократив травматизм, убийства, болезни и т.п.);
3. Увеличить привлекательность для проживания в России для тех, кто остался за ее границами;
4. Увеличить (сформулировав это в качестве общенациональной цели) качество НЧК России.

Достижение любых политических целей и задач, которые лежат в основе национальной стратегии (Стратегии национальной безопасности), опирается, в свою очередь, на имеющийся прогноз будущих возможных национальных ресурсов. Иными словами, объективные интересы (потребности) нации и государства во многом формируются под влиянием понимания имеющихся материальных и духовных ресурсов, а не появляются из ниоткуда. Уже сама по себе формулировка потребностей несет в себе понимание возможностей.

Кроме того, очень важно правильное распределение имеющихся возможностей между интересами безопасности и интересами

⁷ http://urf.podelise.ru/tw_files2/urls_2/190/d-189968/189968_html_m1283304d.png

развития. В самые разные периоды эти пропорции имеют разные приоритеты.

В настоящее время для национального стратегического прогноза и планирования есть определенные возможности, которые позволяют полнее определить исходные данные для стратегии развития. В том числе, исходя и из внешних условий развития, о которых говорилось выше. Так, будущие интересы безопасности России во многом будут предопределяться будущим соотношением сил между ЛЧЦ и их коалициями, а также (о чем забывают иногда) других государств. Так, если не предпринять решительных мер, то Россия в 2050 году может оказаться в одном ряду по своему развитию и потенциалу с Нигерией, уступая не только Японии, но и Индонезии, Мексике и Бразилии.

Наконец, политические цели, стратегия и ресурсы, вытекающие из общей ситуации в мире и развития ЛЧЦ и их блоков, предопределяют возможности ответных действий на возможные внешние угрозы, которые также опираются на стратегический прогноз возможных угроз. Соответственно и определяют представления об интересах национальной безопасности и политических целях. Можно, конечно, пытаться абстрагироваться от этих факторов, формулируя, например, представления о будущем экономическом или военном суверенитете, но насколько адекватны будут такие представления?

Так, создание эшелонированной обороны России опирается, с одной стороны, на прогноз соотношения сил и внешних угроз, а, с другой, на стратегию противодействия им. В том числе на имеющиеся сегодня и планируемые в будущем ресурсы. Создание системы противоракетной обороны и стратегического нападения, например, потребует от России огромных ресурсов и не вполне гарантирует результат потому, что соотношение материальных ресурсов российской ЛЧЦ и западной ЛЧЦ будет в 2050 году составлять 1:30–40. Это означает, что представление о приоритете национального суверенитета и безопасности в будущем будет необходимо либо менять, либо обеспечивать дополнительными ресурсами.

Создание российской системы ВКО предполагает масштабные работы с огромными экономическими, научно-техническими и иными последствиями для России, требующими качественной

смены политики не только в области военного искусства и ОПК, но и в ряде смежных областей.

В любом случае России предстоит пересмотреть основные положения своей Стратегии национальной безопасности, а точнее — сформулировать их по-новому. Включая и представления о национальных и государственных интересах.

В конечном итоге в результате пересмотра приоритетности национальных интересов должна получиться комплексная и системная Стратегия национальной безопасности и развития России на разные периоды времени, сочетающая в той или иной степени самые разные интересы безопасности и развития. Вероятно, целесообразно для этого попытаться сформировать основные интересы России и описать представления о них у правящей элиты России, как минимум, в адаптированной форме, изначально опуская некоторые, в том числе важные, категории интересов.

5.4. Формирования долгосрочных целей

Они хотят вернуть то время, когда можно было втихаря за деньги иностранных инвесторов разрушать основы нашей государственности

Ю. Чайка,

Генеральный прокурор России

Для стратегического прогноза развития России необходимо как можно точнее определить цели национальной стратегии и безопасности, что, как известно, является результатом анализа четырех основных групп факторов:

- объективно существующих интересов и ценностей;
- представлений различных слоев и групп правящей элиты об этих ценностях и интересах;
- объемах и качестве национальных ресурсов;
- влиянии внешних условий и факторов на политические и иные цели.

Изначально принципиально важно попытаться определить основные (базовые) интересы потому, что эти интересы являются наиболее объективными и долгосрочными факторами политики субъекта МО в отличие от достаточно субъективных целей, завися-

щих от того как формулирует их элита, какая часть элиты в тот или иной момент является правящей, и пр. Нередко, как справедливо признал Ю. Чайка, это субъективное восприятие формируется под внешним влиянием. И здесь уместна длинная цитата А. Бовина, которая во многом описывает значение анализа интересов в политическом анализе. Комментируя известную мысль В. И. Ленина о том, что «Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми фразами ... разыскивать интересы тех или иных классов», А. Бовин писал, в конце своей жизни и на основе огромного политического опыта, полученного в элите СССР: «Реальное политическое пространство многомерно. Анализ любого события, любого процесса требует изучения самых разных интересов — общечеловеческих, классовых, национальных, государственных (геополитических), религиозных. Причем в зависимости от региона, традиций, проблемы удельный вес, значение каждой проблемы будут меняться. Конкретный анализ конкретной ситуации — одни из немногих «вечных истин» и науки, и политики»⁸.

Анализ и прогноз развития интересов (потребностей) — обязательный и важнейший этап в прогнозе развития того или иного субъекта. В полной мере это относится к России, вокруг трактовки интересов и ценностей которой в последние 30 лет в правящей элите ведутся принципиальные споры. В том числе интересов внешнеполитических. См. таблицу «Основные долгосрочные интересы и цели России до 2050 года».

Таким образом, среди основных групп интересов, формирующихся вокруг понятия «национальный интерес», предлагается оставить **4 основные группы**, каждая из которых делится, в свою очередь, условно **на 4 основные категории**. Предполагается, что не только четыре основные группы, но и категории будут учитывать в той или иной степени интересы оставшихся «за скобками» групп и категорий. Например, «элитно-групповая» группа должна учитывать такие нарождающиеся и влиятельные интересы, как интересы «креативного класса», которые на президентских выборах в США в 2016 году играли очень важную роль.

---

⁸ Бовин А.Е. XX век как жизнь. Воспоминания. — М.: Захаров, 2003. — С. 488.

Основные долгосрочные интересы и цели России до 2050 года

Основные интересы (потребности) России	Их функциональные направления	Краткосрочные и среднесрочные (до 2025 года)	Долгосрочные (до 2050 года)	Трансформация интересов в политические цели и задачи	Ранг
<p>1. Цивилизационные интересы России: наиболее общие интересы выживания и развития нации и всей локальной человеческой цивилизации во главе с «российским ядром» в XXI веке.</p> <p>Предполагается самый широкий спектр взаимосвязанных интересов в самых различных областях</p>	Обеспечение выживаемости и развития в политической области	Биологический интерес человека как вида (экологический интерес, ресурсный, защиты от эпидемий, голода и пр.) и выживания.	Биологический интерес человека как вида (экологический интерес, ресурсный, защиты от эпидемий, голода и пр.) и выживания.	Создание максимально благоприятных внешних условий для выживания и развития ЛПЦ и российско-го ядра человеческой цивилизации в условиях роста потребления и сокращения природных ресурсов	1
	Это наиболее общий интерес для всех субъектов, акторов и личностей, участвующих в формировании МО, а также «экология живых систем и природопользования, стратегическая стабильность»	Это наиболее общий интерес для всех субъектов, акторов и личностей, участвующих в формировании МО, а также «экология живых систем и природопользования, стратегическая стабильность».	Это наиболее общий интерес для всех субъектов, акторов и личностей, участвующих в формировании МО, а также «экология живых систем и природопользования, стратегическая стабильность».		
экономические:	Развитие экономики опережающими темпами	Сохранение места и роли России в мировой экономике	Сохранение места и роли России в мировой экономике	Выход России в лидеры (5-и) государств	1
военные:	Военно-силовое противостояние коалиции	Сохранение суверенитета с помощью военных средств	Сохранение суверенитета с помощью военных средств	Укрепление позиций России в мире	1

	гуманитарные:	Продвижение своих систем ценностей	Сохранение национальной идентичности	Развитие ЛЧЦ и нации	1
2. Национальные интересы всей российской нации и ее институтов, а также ЧК и его институтов:	политические:	Уменьшение силового соперничества ЛЧЦ и наций-государств	Предотвращение прямых военных действий	Предотвращение силового противоборства	1
	экономические:	Конкуренция национальных систем и экономик	Опережающее развитие	Выход в лидеры	1
	военные:	Военное противоборство	Победа в войне	Победа в войне	1
	гуманитарные:	Соперничество интересов и систем ценностей	Сохранение национальной системы ценностей	Развитие системы ценностей	1
3. Государственные интересы и интересы государственных институтов:	политические:	Противоборство военно-политических коалиций	Сохранение суверенитета и территориальной целостности	Сохранение суверенитета и территориальной целостности	1
	экономические:	Экономическая конкуренция	Улучшение экономических условий	Улучшение внешних условий	1
	военные:	Военное соперничество	Сохранение независимости	Сохранение независимости	1
4. Элитно-групповые интересы правящей российской элиты и ее отдельных групп и представителей:	гуманитарные:	Соперничество систем	Сохранение институтов государства	Развитие институтов государства	1
	политические:	а). Политическое влияние и б). Экономическая выгода	Укрепление позиций элиты в управлении	Сохранение власти и влияния	1
	экономические:	Личная выгода	Выгода, сохранение контроля	Выгода, сохранение контроля	1

Рис. 5.7. Приоритеты интересов России (по рангам)

Также такие крупные категории как категория «политические интересы» должны учитывать, например, интересы «социальные», и иные, а «военные» — «военно-политические» и «военно-технические», «стратегические и пр. Их в этом случае можно отнести к категории более низкого — второго или даже третьего — уровня, поставив в зависимость от интересов более высокого порядка. При этом более общие цели относятся к приоритету (Рангу) №1, более конкретные приоритетные — приоритету №2, а менее приоритетные — к рангам 3, 4 и 5 соответственно.

Нередко полезно и даже необходимо с практической точки зрения четко определить приоритетность интересов с тем, чтобы не путать стратегические и тактические интересы и вытекающие из них цели и задачи. В политике, особенно дипломатии, цели и задачи 5-го и 6-го уровня могут заслонить базовые интересы 1-го и 2-го уровня, что существенно искажает анализ и возможности стратегического прогноза.

Кроме того, представляется, что приоритеты интересов 1-го уровня «особенно интересы российской локальной человеческой цивилизации и национальные интересы страны, в новом столетии начинают играть все более важную роль в мировой политике вообще и в российской, в частности. Такие приоритеты были ясно обеспечены в Стратегии национальной безопасности и концепции внешней политики России 2000–2017 годов, создании и развитии ШОС, ОДКБ, ЕАЭС и других институтов евразийской интеграции.

Исходя из нашей искусственно ограниченной формализации, таких приоритетных интересов у России может быть 16–18, а конкретных интересов значительно больше, но для приоритетов уровня 3 и 4 все равно ограничено. При этом важно понимать, что приоритетов в политике страны в принципе не может быть много. В нашем случае таких, наиболее важных приоритетов предлагается 4, очень важных — 16, остальных — относительно ограниченное число.

Наконец, принципиально важно попытаться дать представление о субъективных представлениях правящей элиты об этих интересах, сформулированных в конкретных целях и задачах, ибо именно эти цели и задачи являются формально признанными и нормативно закрепленными целями и задачами совершенной стратегии России. В случае с Россией, это политические цели и задачи, оформленные в Стратегии национальной безопасности, Военной доктрине, Концепции внешней политики, Морской доктрине и других документах.

Исходя из предложенной матрицы, конкретизация национальных интересов России и их развитие до 2050 года может выглядеть следующим образом: таблица «Цивилизационные интересы и цели России до 2050 годов».

Цивилизационные интересы России, следует признать, до 2000 года не только не отставались и не защищались, но и не осознавались правящей элитой России. Ситуация стала меняться с приходом к власти В. Путина, но недооценка цивилизационного значения и недооценка роли НЧК и его институтов в российской элите сохраняется до настоящего времени. Это хорошо видно на примере образования, где отставание от советского периода значительное (рис. 5.8).

Очевидно, что с точки зрения развития цивилизационных интересов необходимо возвращение России к советской практике всеобщего и постоянного обучения (переобучения), которая сегодня лежит в основе мирового опыта развития образования. Достаточно сказать, что ИРЧП, исчисляемый ООН, во многом определяется продолжительностью образования в стране. Как видно на диаграмме выше, в СССР разными формами обучения было охвачено порядка 35 миллионов человек, включая 2 млн в высших учебных заведениях, что, как минимум, в несколько раз больше, чем в современной России.

1. Цивилизационные интересы и цели России до 2050 годов

Интересы (потребности), существующие объективно в 2017 г. (Ранг 1 и ранг 2)

1. Цивилизационные, биологические и локально-цивилизационные интересы России до 2050 года

Политические цели и задачи, сформулированные в 2017 г., либо не сформулированные в нормативных документах, но предлагаемые автором до 2025 года (Ранг 3 и 4) после 2025 года (Ранг 4 и 5)

Представление правящей элиты в 2015 году: «Объективно значимые потребности личности, общества и государства в обеспечении их защищенности и устойчивого развития» (Страт. Нац. Без-ти РФ, 2015 г.)

Сохранение, выживание и развитие человеческой и российской ЛЧЦ в условиях силового противоборства и растущего дефицита ресурсов и демографического перенаселения.

1.1. **Цивилизационно-политические:** выживание (сохранение) и развитие российской ЛЧЦ с концентрацией вокруг «российского ядра».

1.1.а). Сохранение человеческой и российской ЛЧЦ, их развитие в условиях возрастающей конфликтности и нехватки природных ресурсов

1.1.а). Превращение российской ЛЧЦ (на базе ОДКБ) в полноценный военно-политический союз, расширение его до участия в нем других членов ЛЧЦ и представителей других ЛЧЦ и союзов.

1.1.б). Развитие многовекторного сотрудничества в мире, прежде всего, в рамках СНГ, ОДКБ и ШОС, в качестве условия сохранения идентичности российской ЛЧЦ.

1.1.б). Сохранение российской ЛЧЦ в границах российской идентичности при распространении её влияния за пределы политического влияния.

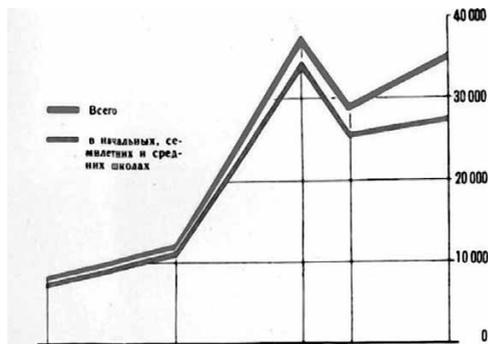
1.1.в). Противодействие западной ЛЧЦ, а также усилению влияния других ЛЧЦ и субъектов (акторов) МО, прежде всего, за счет развития политического и иного сотрудничества.

1.1.в). Сохранение и развитие уникальности и самостоятельности российской ЛЧЦ и нации в условиях противоборства других ЛЧЦ, союзов и государств.

1.1.г). Развитие потенциала российской ЛЧЦ и центра силы как самостоятельного фактора формирования МО по ряду направлений:
— Создания военно-политической коалиции;
— Создания единой ВКО;
— Развитие ВТС и кооперации;

1.1.г). Создание широкой коалиции с другими ЛЧЦ.

<p>1.2. Цивилизационно-экономические интересы: Создание конкурентоспособной экономики по сравнению с другими ЛЧЦ и коалициями и равноценного НЧК.</p>	<p>1.2.а). Опережающие темпы развития российской ЛЧЦ, позволяющие конкурировать с западной, исламской, китайской и другими ЛЧЦ;</p> <p>1.2.б). Переход на новый технологический уровень развития и научно-технологический уклад;</p> <p>1.2.в). Опережающие темпы развития НЧК, позволяющие сформировать конкурентоспособный НЧК по сравнению с другими ЛЧЦ и союзами</p>	<p>1.2. а). Развитие равноправной и конкурентоспособной с другими ЛЧЦ;</p> <p>1.2.б). Создание максимально благоприятных экономических условий для существования и развития нации, общества и государства.</p> <p>1.2.в). Формирование максимально развитого НЧК российской ЛЧЦ.</p>
<p>1.3. Цивилизационные интересы безопасности: сохранение и укрепление национальной идентичности и суверенитета, общественно-политического устройства и условий существования и развития личности, системы ценностей, исторического и культурного наследия.</p>	<p>1.3.а). «... сохранение и развитие культуры, традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (Страт. Нац. Без-ти РФ, 2015)</p>	<p>1.3.а). Максимальное развитие потенциала человеческой личности российской ЛЧЦ</p>
<p>1.4. Цивилизационно-гуманитарные интересы:</p>	<p>а). Восстановление национального человеческого капитала России в образовании, науке и технологиях;</p> <p>б). Превращение российской ЛЧЦ в лидера в гуманитарной области;</p>	
<p>1.4.а). Продвижение цивилизационной системы ценностей российской ЛЧЦ и выпеснение чужих систем</p>		
<p>1.4.б). Сопротивление чужим системам ценностей</p>		

Рис. 5.8. Численность учащихся в СССР по видам обучения (на начало учебного года; в тыс. человек)

Необходимо не только вернуть, но и полнее использовать этот опыт, сделав, например, высшее образование всеобщим и бесплатным. Наши подсчеты показывают, что это даст огромный экономический и политический эффект, который выразится в резком росте человеческого капитала России в будущем:

- продолжительность жизни лиц с высшим образованием на 10–12 лет выше, чем у лиц, не имеющих высшее образование;
- на пенсию лица с высшим образованием выходят позже, что выражается в разнице 5–15 и более лет;
- налогов лица с высшим образованием платят в 2,2 раза больше.

Соответственно эти качественные изменения влияют на социальную обстановку: резко сокращается преступность, алкоголизм, наркомания, в силу большей занятости, а общий культурный уровень и здоровье — увеличиваются. Подобные результаты в цивилизационной области очень позитивно отражаются на темпах развития России и ее перспективах в XXI веке. В частности советский опыт всеобщего обучения на постоянной основе должен стать эффективной государственной политикой, распространяемой, прежде всего, в депрессивных регионах. Советский опыт образования следует рассматривать не как опыт только в образовании, но опыт в развитии российской ЛЧЦ и ее перспектив, которые относятся к приоритетным интересам самого высокого уровня (1–2 ранга). Так, профессиональная подготовка в СССР способствовала созданию большого кадрового резерва профессиональных рабочих

и ИТР, которые в настоящее время стали очень острой проблемой для российской промышленности и особенно ОПК.

Исключительно важное значение среди наиболее приоритетных интересов играет такая категория как «национальный интерес», которая в последние десятилетия стала играть даже более важное значение, чем прежде. Строго говоря, анализ и прогноз развития МО или того или иного субъекта МО, как правило ограничивается анализом категории «государственные интересы», которые являются более частными по отношению к «национальным интересам». Поэтому само по себе обращение к предмету анализа — «национальные интересы» — безусловно, способствует повышению точности анализа государственной политики конкретного субъекта МО, в данном случае, — России.

Применительно к современной России происходит смешивание понятий «национальная» и «государственная» безопасность, которое существует до настоящего времени, и мешает повышению эффективности проводимой политики. Это особенно заметно в основных документах: «Стратегии национальной безопасности России», «Военной доктрине России», «Концепции внешней политики» и других⁹. В частности, в соответствии со «Стратегией», военная организация создается только в российском государстве и с участием его институтов с минимальным участием национальных институтов и общества. Это, безусловно, ограничивает не только круг интересов, но и средства и способы их обеспечения.

Представляется важным и полезным попытаться разделить национальные и государственные интересы России, что поможет их не только формализовать, но и увидеть отдельные особенности.

Национальные интересы могут стать приоритетными в экономике по отношению к государственным, если допустить, что они имеют более долгосрочный и «общественно-политический» характер. Так, с точки зрения государственно-экономической, не требуется сверх быстрых темпов роста наукоемкой продукции (что может привести к излишним рискам), а с точки зрения национальных интересов — такой сверх быстрый рост возможен,

---

⁹ Путин В.В. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» №683 от 31 декабря 2015 г.

2. Национальные интересы и цели России

Интересы (потребности)	Политические цели и задачи	после 2025 года
<p>2. Национальные интересы России:</p> <p>2.1. Национально-политические: развитие российского национального центра силы и максимально широкой коалиции вокруг «российского ядра» ЛЧЦ</p>	<p>Долгосрочные интересы нации как главного субъекта МО</p> <p>2.1.а). Превращение России в самодостаточный центр силы и лидера ЛЧЦ;</p> <p>2.1.б). Превращение российской экономики в конкурентоспособную экономику на мировом рынке;</p> <p>2.1.в). Возвращение России в ряды мировых политико-идеологических, технологических и экономических мировых лидеров</p>	<p>Долгосрочные интересы нации как главного субъекта МО</p>
<p>2.2. Национально-экономические: создание экономического центра силы способного конкурировать с мировыми центрами силы, основанными на использовании достижений нового технологического уклада экономики.</p>	<p>2.2.а). Развитие наукоемких технологий и обрабатывающей промышленности на основе сокращения инфляции до 4%;</p> <p>— уменьшение ставки рефинансирования;</p> <p>— укрепление рубля;</p> <p>2.2.а). Развитие наукоемких технологий и обрабатывающей промышленности на основе нового технологического уклада</p>	<p>Развитие наукоемких технологий и обрабатывающей промышленности на основе нового технологического уклада</p>
	<p>2.2.б). Изменение структуры экономики России в пользу обрабатывающих отраслей и наукоемкой промышленности</p>	<p>2.2.б). Изменение структуры экономики России в пользу обрабатывающих отраслей и наукоемкой промышленности</p>
	<p>2.2.в). Ограничение экспорта углеводородов</p>	

<p>2.2.г). Улучшение структуры экономики России в пользу наукоемких и ресурсосберегающих отраслей экономики;</p>	
<p>2.3.д). Устранение экономических дисбалансов, развитие промышленно-экономической базы, улучшение делового климата, обеспечения продовольственной безопасности и т.д. (Страт. нац-ой без-ти РФ, 2015 г., Ст. 55-66).</p>	
<p>2.3. Национальные безопасности (военные) интересы: обеспечение национальной безопасности, сохранение идентичности. ...</p>	<p>— уменьшение напряженности в отношениях с Западом; — сокращение риска войны; — уничтожение международной террористической сети в Сирии, на Кавказе и в России; — обеспечение развития ВС, ВВСТ и ОПК; — преодоление влияния санкций; — стабилизация экономики; — прекращение падения уровня жизни граждан; — увеличение НЧК; — сохранение внутривнутриполитической стабильности; — развитие ОДКБ и ЕВРАЗЭС;</p>
<p>2.4. Национально-гуманитарные: сохранение, укрепление и продвижение национальной системы ценностей.</p>	<p>2.4.а). Возращение России ведущих позиций в мире в образовании; 2.4.б). Занятие ведущих позиций в науке и НИОКР в мире; 2.4.в). Утверждение ведущей роли в мировой культуре; 2.4.г). Создание мощных интернет-ресурсов и социальных сетей;</p>

3. Государственные интересы и цели России

Интересы (потребности)	Политические цели и задачи	после 2025 года
<p>3. Государственные (и общественные) интересы (потребности) России до 2025 и 2050 годов:</p> <p>3.1. Государственно-политические интересы и интересы безопасности: укрепление обороны страны, государственного суверенитета, территориальной целостности, национального согласия, демократических институтов, развитие и совершенствование институтов государства, создание условий для мирного и динамичного социально-экономического развития России, обеспечения ее безопасности.</p>	<p>Сохранение и развитие государств как субъектов МО в условиях глобализации</p>	<p>Сохранение и развитие государств и использование в их интересах глобальных тенденций мирового развития</p>
<p>3.1.а). Сохранение суверенитета в условиях усиления внешнего давления;</p>	<p>3.1.а). Сохранение безопасности преимущественно невоенными средствами и способами;</p>	<p>3.1.а). Обеспечение безопасности преимущественно невоенными средствами и способами;</p>
<p>3.1.б). Обеспечение возможностей эффективной внешней политики в мире и в регионах;</p>	<p>3.1.б). Обеспечение возможностей эффективной внешней политики в мире и в регионах;</p>	<p>3.1.б). Расширение возможностей влияния и принуждения за счет быстрого увеличения российского НЧК (культурного, научного, образовательного, духовного влияния);</p>
<p>3.1.в). «реализация военной политики путем стратегического сдерживания и предотвращения военных конфликтов, совершенствования военной организации государства, форм и способов применения Вооруженных Сил...; других войск, воинских формирований и органов повышения мобилизационной готовности РФ и готовности сил и средств гражданской обороны» (Страт. Без-ти, 2015 г.);</p>	<p>3.1.в). «реализация военной политики путем стратегического сдерживания и предотвращения военных конфликтов, совершенствования военной организации государства, форм и способов применения Вооруженных Сил...; других войск, воинских формирований и органов повышения мобилизационной готовности РФ и готовности сил и средств гражданской обороны» (Страт. Без-ти, 2015 г.);</p>	<p>3.1.в). Создание эффективного государства и совершенных институтов государства и общества</p>

3.1.г). Повышение эффективности государства и его институтов;	3.1.г). Реализация военной политики путем стратегического сдерживания и предотвращения военных конфликтов, совершенствования военной организации государства, форм и способов применения Вооруженных Сил и других войск, воинских формирований и органов повышения мобилизационной готовности РФ и готовности сил и средств гражданской обороны и силовых, но не военных инструментов политики;
3.1.д). «Стратегическое сдерживание и предотвращение военных конфликтов осуществляется путем поддержания потенциала ядерного сдерживания на достаточном уровне, а других войск...в заданной степени готовности к боевому применению» (Страт. Нац. Без-ти, 2015 г.);	
3.1.е). Повышение мобилизационной готовности страны;	
3.1.ж). «Стратегическими целями государственной и общественной безопасности являются защита конституционного строя, прав и свобод человека, гражданского мира и стабильности в обществе, защита населения от чрезвычайных ситуаций» (Страт. Нац. Без-ти, 2015 г., Ст.42);	
3.1.з). Усиление роли государства в качестве гаранта безопасности прав личности, правопорядка, борьбы с коррупцией и т.д.	

Продолжение таблицы

Интересы (потребности)	до 2025 года	Политические цели и задачи	после 2025 года
<p>3.2. Государственно-экономические интересы: развитие экономических возможностей государства и его институтов, способностей его влияния на экономическое развитие, социальную и военную безопасность, финансово-экономическую и социально-политическую стабильность, обеспечение военной безопасности и способности защиты от внешних угроз.</p>	<p>3.2.а). Повышение конкурентоспособности экономики, закрепление за Россией статуса одной из лидирующих мировых держав;</p> <p>3.2.б). Стратегическими целями являются развитие экономики страны, обеспечение экономической безопасности, переход экономики на новый уровень технологического развития, условия для развития личности и вхождения России в число стран-лидеров по объему ВВП и успешному противостоянию внутренним и внешним угрозам (Страт. Нац. Без-ти РФ, 2015, Ст.55);</p> <p>3.2.в). Повышение уровня энергетической безопасности, снижение материалоемкости и повышение наукоемкости экономики, освоение новых ресурсов и возможностей;</p> <p>3.2.г). Развитие рынка труда, инфраструктуры, «новой географии экономического роста», повышение качества общего и специального образования, совершенствование финансовых и инвестиционных институтов и др.;</p> <p>3.2.д). Обеспечение технологического суверенитета страны, условий международной торговли и др. (Ст.59–62 Стратегии нац. без-ти РФ, 2015)</p>	<p>3.2.а). Повышение конкурентоспособности экономики, закрепление за Россией статуса одной из лидирующих мировых держав;</p> <p>3.2.б). Стратегическими целями являются развитие экономики страны, обеспечение экономической безопасности, переход экономики на новый уровень технологического развития, условия для развития личности и вхождения России в число стран-лидеров по объему ВВП и успешному противостоянию внутренним и внешним угрозам (Страт. Нац. Без-ти РФ, 2015, Ст.55);</p> <p>3.2.в). Повышение уровня энергетической безопасности, снижение материалоемкости и повышение наукоемкости экономики, освоение новых ресурсов и возможностей;</p> <p>3.2.г). Развитие рынка труда, инфраструктуры, «новой географии экономического роста», повышение качества общего и специального образования, совершенствование финансовых и инвестиционных институтов и др.;</p> <p>3.2.д). Обеспечение технологического суверенитета страны, условий международной торговли и др. (Ст.59–62 Стратегии нац. без-ти РФ, 2015)</p>	
<p>Государство, как институт, в новых условиях должно обеспечить максимально быстрое продвижение к новому технологическому укладу и быстрому развитию НЧК.</p>			

<p>3.3. Государственные военные интересы: укрепления суверенитета и возможностей обеспечения военной безопасности при минимальных материальных и иных издержках и сохранения возможностей влияния в мире в жизненно важных регионах.</p>	<p>3.3.а). «Достижение стратегических целей обороны ... достигается путем стратегического сдерживания и предотвращения военных конфликтов...»;</p> <p>3.3.б). Разрабатываются меры, «направленные на предотвращение применения военной силы в отношении России, защиту её суверенитета и территориальной целостности»;</p>	<p>3.3.а). Достижение стратегических целей обороны ... достигается путем стратегического сдерживания и предотвращения военных конфликтов...»;</p> <p>3.3.б). Разрабатываются меры, «направленные на предотвращение применения военной силы в отношении России, защиту её суверенитета и территориальной целостности»;</p>
	<p>3.3.в). Производятся «учет тенденций изменения характера современных войн и вооруженных конфликтов, создания условий для наиболее полной реализации возможностей ...; выработку требований к перспективным формированиям и новым средствам вооруженной борьбы» (страт. Нац. без-ти, 2015 г., Ст.38);</p>	<p>3.3.в). Производятся «учет тенденций изменения характера современных войн и вооруженных конфликтов, создания условий для наиболее полной реализации боевых возможностей...; выработку требований к перспективным формированиям и новым средствам вооруженной борьбы» (страт. Нац. без-ти, 2015 г., Ст.38);</p>
	<p>3.3.г). Повышение степени готовности вооруженной готовности войск и ВВСТ;</p>	<p>3.3.г). Повышение мобилизационной готовности войск и ВВСТ;</p>
	<p>3.3.д). Повышение степени готовности войск ГО;</p> <p>3.3.е). Применение принципа «рациональной достаточности», в т.ч. применения средств и методов невоенного реагирования (Ст.41 Стратегии)</p>	<p>3.3.д). Повышение степени готовности войск ГО;</p>

Окончание таблицы

Интересы (потребности)	Политические цели и задачи	до 2025 года	после 2025 года
<p>3.4. Государственно-гуманитарные интересы: сохранение и развитие институтов государства, укрепление этих институтов и их продвижение в мире</p>	<p>3.4.а). Содействие развитию институтов государства, регулирующих деятельность в области науки, культуры и образования;</p>	<p>3.4.б). Стратегической целью является развитие человеческого потенциала (Ст. 50 Стратегии);</p>	<p>3.4.в). Ликвидация нецелевых расходов бюджета, обеспечение комфортным жильем, ликвидация отставания в технологическом развитии, обеспечение продовольственной безопасности, социальной мобильности, современного образования и здравоохранения и т.д. (Ст.51–53 Страт. Нац. без-тн., 2015 г.);</p>
<p>3.4.г). Реализация государственной социально-экономической политики, которая предусматривает:</p> <ul style="list-style-type: none"> — устойчивую макроэкономическую ситуацию; — повышение эффективности и качества управления; — эффективность финансовой системы, устойчивость курса рубля, снижение инфляции, банковских ставок, доступности кредитов и т.д. 			

Рис. 5.9.

более того, необходим. В зависимости от отношения правящей элиты к этим интересам может быть избрана различная стратегия — стимулирование роста наукоемкой продукции или нейтральное отношение к такому развитию экономики. Это хорошо видно на примере возможных темпов роста только одной подотрасли IT-индустрии: интернет-индустрии (рис. 5.9¹⁰).

Быстрый и сверхбыстрый рост некоторых отраслей экономики, особенно наукоемкой и новых отраслей, показателен. Он иллюстрирует возможности новой экономики «перескакивания через этапы», когда не требуется повторять всю последовательность в развитии технологий и все этапы в развитии техники. А можно сразу же перейти к производству и использованию новейших образцов. При этом, такое «перескакивание» имеет как плюсы, так и минусы.

К плюсам можно отнести то обстоятельство, что передовые страны могут не захотеть переходить к новым образцам техники

¹⁰ <http://mega-eworld.com/upload/tny/d22/3a25a44ba1f4becae9356ab320765d56.png>

4. Групповые и личные интересы и цели

Интересы (потребности)	Политические цели и задачи	
	до 2025 года	после 2025 года
<p>4.Элитно-групповые и личные интересы (потребность) правящей элиты России</p> <p>4.1. Политические элитно-групповые интересы: укрепление власти внутри страны и условий существования за рубежом, возможностью использовать в своих интересах государственные институты и собственность</p>	<p>Расширение личного и группового влияния и способности к силовому принуждению ради экономической и политической выгоды</p>	<p>Расширение личного и группового влияния и способности к силовому принуждению ради экономической и политической выгоды</p>
<p>4.1.а). Возврат российского капитала и сокращение его вывоза за рубеж не должен привести к неоправданном издержкам и национализации;</p>	<p>Укрепление личного и группового влияния и выгоды в результате политической, общественной и экономической деятельности в интересах личности или узкой группы лиц, находящаяся у власти</p>	<p>Укрепление личного и группового влияния и выгоды в результате политической, общественной и экономической деятельности в интересах личности или узкой группы лиц, находящаяся у власти</p>
<p>4.1.б). Повышение привлекательности российской юрисдикции;</p>	<p>Повышение привлекательности российской юрисдикции;</p>	<p>Повышение привлекательности российской юрисдикции;</p>
<p>4.1.в). Стимулирование развития малого и среднего бизнеса;</p>	<p>Стимулирование развития малого и среднего бизнеса;</p>	<p>Стимулирование развития малого и среднего бизнеса;</p>
<p>4.1.г). Завершение формирования базовой инфраструктуры;</p>	<p>Завершение формирования базовой инфраструктуры;</p>	<p>Завершение формирования базовой инфраструктуры;</p>

<p>4.1.д). Развитие международных деловых контактов;</p>	<p>4.1.е). Расширение инструментов государственно-частного партнерства;</p>	<p>4.1.ж). Совершенствование нормативной базы и стратегического планирования;</p>	<p>4.1.з). Стабильное развитие регионов и оказание им федеральной поддержки; и т.д.</p>	<p>4.2.а). Гарантии неприкосновенности собственности и бизнеса;</p>	<p>4.2.б). Устранение инфраструктурных ограничений и препятствий;</p>	<p>4.3.в). Развитие финансовой системы страны и др.</p>
<p>4.2. Экономическо-элитно-групповые интересы: усиление экономической власти, влияния и могущества определенной группы правящей элиты</p>						
<p>Усиление власти, влияния и способности принуждения</p>						

и технологии по причине того, что предыдущие еще не выработали своего ресурса, а, возможно, и не отработали инвестиции. Это означает, что новичку будет относительно легче внедрить самые последние достижения.

К минусам такого «перескакивания» необходимо отнести дополнительные инвестиции в науку и НИОКР для новейших образцов техники потому, что их создание возможно только на национальной научной и конструкторской основе.

К плюсам также можно отнести и то, что наукоемкость дает большую прибыль на единицу сырья. Так, при сохранении добычи углеводородов на прежнем уровне к 2035 году, можно увеличить прибыль в результате увеличения глубины переработки сырья, как минимум, в 4–5 раз.

Групповые и личные интересы правящей элиты и общества в России имеют особенно важное значение. Как показала новейшая история страны, именно эта группа достаточно субъективных интересов во многом предопределяла развитие политики России в 1987–2017 годы: части правящей элиты М. Горбачева, Б. Ельцина, В. Путина нередко проводили политику, не соответствующую национальным интересам. Соответственно и цели, формулируемые той же самой правящей элитой, которая ориентируется преимущественно на свои интересы, становятся абсолютными, доминирующими над другими интересами и целями.

Иными словами, в период 1987–2017 годы в России интересы и ценности части правящей элиты играли гипертрофированную роль в политике, которые нередко оттесняли другие интересы — цивилизационные, национальные, государственные, социальные, — создав исключительную ситуацию «совпадения» интересов и целей одной группы.

5.5. Угроза инерции развития и будущее России

Сегодня фронт глобальных противоречий переместился с идеологического уровня именно на цивилизационный

*А. Орлов,
военный эксперт*

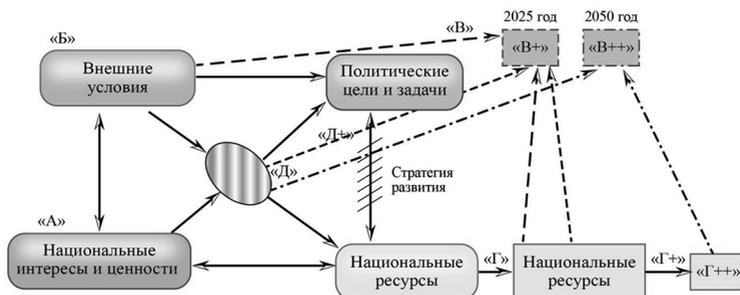
Начинается период смены экономической и политической парадигмы...

А. Безруков

Адекватность анализа состояния и перспектив развития России зависит от многих внутренних и внешних факторов, но прежде всего точной оценки абсолютного и относительного положения России в мире в настоящее время и попытки прогноза этого положения России в мире в будущем, во-первых.

Во-вторых, от оценок наиболее важных тенденций и факторов мирового развития и их влияния на те или иные субъекты МО–ВПО. Смена парадигм в развитии человечества и, как следствие, МО–ВПО делает невозможным для субъектов, сохранение в нетронутом виде сценариев и стратегий их развития. Иными словами, стратегическое планирование в любом государстве должно учитывать появление и смену парадигм, что на практике является трудноразрешимой задачей. Третья пятилетка в СССР оказалась прерванной Второй мировой войной, а политика–реформации 1980-х годов М. Горбачева развалом СССР. В современную эпоху радикальные воздействия, которые такие перемены в МО уже оказали на целый ряд государств, в 2016–2017 годах, свидетельствуют о невозможности сохранения в нетронутом виде прежних политических установок времен конца XX века. Этот вывод непосредственно касается, в том числе, и России: мы находимся уже на самом рубеже смены парадигм в развитии человечества, не учитывать которые мы не можем, а учитывать — не умеем. Пока что ясно: в краткосрочной перспективе ожидаются радикальные изменения в МО и ВПО, но какие именно и каковы будут их последствия мы себе представляем очень смутно.

Еще хуже то, что в стратегическом планировании России (если о нем можно так говорить) эти перемены вообще не учитываются.

Рис. 5.10. Логическая модель сценария развития России (настоящее время, в период до 2025 года и до 2050 года)

Во всяком случае прогнозы МЭР, Минфин, ЦБ РФ исходят из инерционного развития простой экстраполяции, во-первых, и не учитывают растущее влияние внешних факторов, во-вторых.

Эти обстоятельства требуют от нас хотя бы попытаться представить себе будущее России и влияние внешних факторов развития МО и ВПО. И здесь мы вновь обращаемся к нашему опыту, когда в основе теоретического и методологического подхода к прогнозу развития того или иного субъекта международных и военно-политических отношений, в частности России, находится известная модель политического процесса, в которой на этот процесс, оказывающее решающее влияние известные четыре основные группы факторов¹¹: рис. 5.10.

- базовые интересы и ценности государства, нации и общества (группа «А»);
- внешние условия развития, опасности и угрозы (группа «Б»);
- национальные ресурсы (группа «Г»);
- качество, профессионализм и умение управлять национальной элиты («Д»).

Для нас, прежде всего, важно попытаться рассмотреть развитие этих четырех групп факторов как с точки зрения простой экстраполяции (инерционного сценария), так и с точки зрения возможного появления новых парадигм в их среде.

¹¹ См. подробнее: Подберезкин А. И. Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО-Университет, 2016.

С точки зрения новых военно-политических парадигм среди базовых систем ценностей и интересов субъектов МО ожидается, на наш взгляд:

- усиление стремления к обособлению национальной и цивилизационной идентичности, которое будет развиваться в противовес универсализму и глобализму, и приведет к оформлению широких коалиций на базе нескольких ЛЧЦ. В частности, возможно, например, создание широкой коалиции на базе западной ЛЧЦ с привлечением союзников из других ЛЧЦ. Это просматривается уже сегодня в политике Запада на Ближнем и Среднем Востоке, когда в союзе с США и НАТО действуют не только европейские, но и арабские государства. Другой пример — расширение ШОС до участия в нем кроме российской и китайской ЛЧЦ, исламской ЛЧЦ (Пакистан, Иран, Афганистан), индийской ЛЧЦ и, возможно, других ЛЧЦ;
- созданию единого фронта противостоящих западной ЛЧЦ государств и цивилизаций по аналогии с широкой коалицией западной ЛЧЦ, но без видимого одного лидера, на место которого могут претендовать КНР, Индия или Россия;
- расширение пространственно-информационного совета отдельных районов и ТВД до глобального уровня, когда отдельные ТВД и конфликты исчезнут, уступив место глобальному противоборству.

Эти и другие группы факторов влияют на целеполагание (группа факторов «В», «В+» и «В++») и, соответственно, стратегии развития страны.

В 2017 году эти обстоятельства не учитывались в стратегическом планировании России, а само целеполагание ограничивалось крайне низкими амбициями темпов развития, уступавшими даже среднемировым (2% и 3,5% соответственно).

Эти четыре основные группы факторов взаимодействуют в рамках известной общей логической модели политического процесса, где, далеко не все определяется только объемом и соотношением ресурсов (соотношением сил субъектов МО). На политику (сценарий) развития страны или группы стран влияют также три другие группы факторов, которые необходимо обязательно учитывать.

Так, темпы и качество развития ресурсов и возможностей России определяются, в том числе, правящей элитой, эффективностью

ее управления и выбором вектора развития страны, который следует признать, последние 30 лет свидетельствует о низкой, близкой к катастрофической по эффективности, качеству принимаемых решений. Это качество правящей элиты и эффективности управления страной абсолютно не соответствовало надвигающемуся «переходному периоду» и смене парадигм.

Если, например, внешние условия для России в 1990–2013 годы были достаточно благоприятны (некоторые даже считали, что «уникально благоприятны»), а национальные ресурсы — достаточно стабильны, — то даже в этих условиях эффективность принимаемых решений была очень низкой, а иногда и откровенно антинациональной. Это — главное объяснение отставания России в развитии с 2013 до 2017 года, которое до этого происходило даже в относительно благоприятные периоды. Другими словами, у правящей элиты страны в реальности не было понимания острой политической необходимости ускорения экономического развития. Стагнация, как стратегия, вполне устраивала. Во всяком случае, какое-то время: не было ни смены министров, ни чрезвычайных мер, ни каких-либо программ опережающего развития (исключая отдельные регионы).

И это же, наверное, **главная причина для объяснения формирования малоэффективного сценария развития страны до 2025 года и позже, до 2050 года**, существовавшего у правящей элиты. Формально-логически, этот тезис может быть иллюстрирован следующим образом, где ясно видно, что все основные группы факторов, определяющие развитие нации и государства, зависят от «группы Д», характеризующей качество правящей элиты и принимаемых ею решений.

За последние 30 лет это качество было настолько низким, что позволило увеличить ВВП РФ (по сравнению с ВВП РСФСР) только на 30%, причем при катастрофическом снижении доли продукции обрабатывающих отраслей экономики и качества национального человеческого капитала¹².

Движение (развитие) России, выбор ею наиболее оптимального сценария и его конечная реализация, таким образом, зависит не

¹² См.: Подберезкин А.И. Национальный человеческий капитал. — ТТ. 1–3. — М.: МГИМО–Университет, 2011–2013.

только от внешних и внутренних объективных условий, которые будут меняться относительно медленно, или объема национальных ресурсов, сколько **от эффективности принимаемых решений правящей элитой**. Прежде всего, от роли субъективного фактора целеполагания, в выборе сценария развития, в особенности его конкретного варианта. Эта роль правящей элиты очень высока, что делает стратегический прогноз развития России в значительной степени зависимым от адекватности элиты и переменных величин — внутривнутриполитической стабильности, эффективности государственного управления, качества принимаемых решений, нравственности правящей элиты и пр.

Это обстоятельство все отчетливее сознается политиками и экспертами, но далеко не всегда учитывается в политическом планировании и особенно конкретной политике, где доминируют по-прежнему субъективные критерии — личная преданность, угодливость, мнимая исполнительность, отсутствие амбиций и др. качества, которые отнюдь не влияют на эффективность работы, но делают исполнителя максимально удобным для начальника.

Тем не менее «набор» необходимых для представителей правящей элиты качеств регулярно исследуется и даже делаются попытки нормативно-административного внедрения. Так, российские военные эксперты рассматривают, например, эту функцию правящей элиты следующим образом: рис. 5.11.

Рис. 5.11.

Проблема, однако, заключается в том, что самые лучшие логические модели и методические рекомендации по подбору представителей правящей и управляющей элиты оказываются бесполезными. Решения по продвижению тех или иных кадров остаются за пределами научного или рационального понимания и могут быть оптимизированы только в случае создания относительно независимой и объективной системы кадровой службы, которая может, так или иначе, учитывать достоинства и недостатки кандидатов.

В настоящее время, следует признать с горечью, такой системы нет. Хуже того, требования, необходимые для продвижения того или иного кандидата, как правило, либо остаются неясными, либо прямо противоречат потребностям опережающего развития России и укрепления ее безопасности. Проблема инерционности и неадекватности принимаемых решений — самая трудная и наименее поддающаяся решению проблема современной России. Ее представители не понимают главного: если инерционный прогноз развития экономики России, подготовленный экспертами МЭР, подтвердится в будущем, то это будет означать уже не только сокращение и без того очень ограниченных экономических ресурсов для проведения эффективной внешней и военной политики, но и их относительное уменьшение по сравнению с растущими возможностями других ЛЧЦ и государств. Возникают своего рода «ножницы», когда потребности безопасности требуют увеличения

Рис. 5.12. «Ножницы» возможностей и потребностей России

относительной мощи ресурсов, а реальные возможности нации сокращаются относительно других наций и субъектов МО.

Подобная логика инерционного развития неизбежно ведет к тому, что после 2025 года возможности России не будут соответствовать ее главным потребностям по защите суверенитета и территориальной ценности.

Подобное отставание, очевидно, неизбежно скажется, прежде всего, на оборонительных возможностях России, ее способности обеспечивать национальную безопасность. Если допустить, что рост ВВП России будет в ранее запланированных МЭР рамках, а развитие стран западной ЛЧЦ продолжится теми же темпами при планируемом увеличении военных расходов США и их союзников, а также доли европейских государств с 30% расходов НАТО до 45–50%, то можно ожидать, что к 2025 году общие военные расходы НАТО превысят 1500 млрд долл., а российские останутся на уровне 2017 года — 60–70 млрд долл. (и даже снизятся), — т.е. военный бюджет западной ЛЧЦ будет в 20 раз выше российского, а с учетом других участников западной коалиции — в 30 раз выше российского. Это будет означать, например, что военные расходы только восточноевропейских государств-членов НАТО сравняются с российскими.

В настоящее время ситуация выглядит следующим образом. Европейские страны НАТО и Канада под давлением США наращивают свои военные расходы, но в разной мере. Как следует из опубликованного в марте 2017 года годового отчета НАТО, общие расходы на оборону всех членов альянса выросли в 2016 году до 2,43% их ВВП по сравнению с 2,4% в 2015 г., и это первое увеличение с 2009 года.

Оборонные расходы США в прошлом году составили 3,61% ВВП, а европейские члены НАТО потратили в среднем 1,47%. Только Эстония, Греция, Польша и США достигли поставленной НАТО цели довести оборонные расходы минимум до 2% ВВП. Германия в прошлом году увеличила расходы на оборону до 1,2% ВВП в прошлом году по сравнению с 1,18% в предыдущем, в то время как Испания снизила до 0,9% с 0,93%, а Франция — до 1,79% с 1,80%. Канада довела военный бюджет до 1,02% ВВП по сравнению с 0,98% в 2015 году. Другими словами у союзников США есть огромный резерв для увеличения военных расходов.

Россия в мире

	Мировой итог				Россия				Россия в процентах к мировому итогу			
	2005	2010	2014	2005	2010	2014	2005	2010	2014	2005	2010	2014
Среднегодовая численность населения, млн человек	6515	6916	7266	143,5	142,8	146,1	2,2	2,1	2,0			
Добыча:												
газа (естественного), млрд м ³	2874	3288	3524	641	651	642	22	20	18			
угля (товарного), млн т.	5997	7170	8023	299 ²⁾	322	357	5,0	4,5	4,4			
железной руды (товарной), млн т.	1402	1870	2001	95,1	95,9	102	6,8	...	...			
Производство продукции промышленности:												
электроэнергия:												
всего, млрд кВт.ч.	18367	21549	23391	953	1038	1064	5,2	4,8	4,5			
на душу населения, кВт.ч.	2819	3116	3257	6628	7267	7285	235	233	227			
чугун, млн т.	800	1034	1183	49,2	48,0	51,5	6,2	4,6	4,4			
сталь, млн т.	1148	1433	1670	66,3	66,8	70,5	5,8	4,7	4,2			
легковые автомобили (включая сборку):												
всего, млн шт.	42,7	...	...	1,1	1,2	1,7	2,4	...	...			

	Мировой итог				Россия				Россия в процентах к мировому итогу			
	2005	2010	2014	2005	2010	2014	2005	2010	2014	2005	2010	2014
на 1000 человек населения, шт.	6,7	...	...	7,4	8,5	11,5	103	...	...	...	...	
минеральные удобрения, млн т.	172	193	208	16,6	17,9	19,7	9,7	9,3	9,3	9,3	9,5	
древесина (вывозка), млн плотных м ³	3585	3527	3690	113	117	123	3,2	...	...	...	...	
пиломатериалы (включая шпалы), млн м ³	438	376	439	22,3	21,9	21,5	5,1	5,8	4,9	4,9	4,9	
бумага и картон:												
всего, млн т.	365	392	400	7,1	7,7	8,2	1,9	2,0	2,1	2,1	2,1	
на душу населения, кг.	56,0	56,8	55,1	49,6	53,7	55,8	89	95	101	101	101	
цемент гидравлический, млн т.	2360	...	...	48,5	50,4	69,1	2,1	...	...	...	...	
сахар-песок (из отечественного сырья):												
всего, млн т.	130	143	166	2,5	2,8	4,6	1,9	...	...	...	...	
на душу населения, кг.	20,0	20,7	23,3	17,4	19,5	31,5	87	...	...	...	...	
Производство сельскохозяйственной продукции												
зерновые и зернобобовые:												
всего, млн т.	2330	2546	2878	77,8	61,0	105,3	3,3	2,4	3,7	2,4	3,7	

США по-прежнему обеспечивают около 70% оборонных расходов НАТО, и министр обороны Дж. Мэттис в середине февраля 2017 года в Брюсселе предупредил союзников, что Вашингтон может уменьшить финансовую подпитку альянса, если остальные члены не увеличат свою долю¹³.

С точки зрения военно-экономической, подобная расстановка сил может привести к ситуации, когда, например, один «фланг» НАТО (Польша и др. государства) смогут использовать Украину в качестве плацдарма агрессии против России. Поддержка «старых» европейских государств и США, а также Канады и их союзников в материальной области без привлечения личного состава сможет обеспечить им достаточный потенциал для этого. Как минимум, на первом этапе конфликта.

Подобная ВПО вполне устроила бы США, Великобританию, Францию и Германию потому, что:

- они, например, непосредственно могут не участвовать в военно-силовом противоборстве, ограничившись политико-дипломатической и военно-технической поддержкой. Это в полной мере соответствовало бы их традиции войны на чужой территории и чужими руками;
- у них осталось бы большое «поле для маневра» политическими и военными средствами;
- это не привело бы к экономическим катастрофическим издержкам.

Такая ВПО, в свою очередь, сформировала бы уникальную и крайне опасную стратегическую обстановку, когда нынешний конфликт на Украине приобрел бы большие масштабы, но не превратился бы в войну между всем блоком НАТО и Россией: расширение пространства конфликта шло бы с участием Украины и восточноевропейских стран-членов НАТО.

Сказанное выше означает, что необходимая стратегия развития России, укрепления ее национальной безопасности, и экономическая стратегия, подготовленная МЭР РФ, не имеют ничего общего. Это две **разные** стратегии для двух **разных** государств, действующих в **разных** условиях МО и ВПО. Существующая

¹³ Оборонные расходы НАТО увеличились впервые с 2009 года / Эл. ресурс: «Интерфакс». 2017. 12 марта / <http://www.interfax.ru/world/553423>

экономическая стратегия страны и представления о ее будущем в МЭР РФ и ЦБ РФ, среди либеральных экспертов, означают лишь инерцию стагнации и отставания, где отчетливо видно абсолютное и относительное падение доли нашей страны в мировой мощи.

В целом место, которое занимает экономика России в мире, может быть проиллюстрировано на примере основных материальных показателей. Из них, в частности, следует, что в настоящее время Россия в среднем производит 2–2,5% мировой продукции. При этом на долю высокотехнологичной и наукоемкой продукции приходится существенно меньше (по оценке В. Путина, 0,2%).

Как видно из официальных данных (см. таблицу «Россия в мире») в физических показателях за 2005–2014 годы, позитивных изменений почти не произошло, что очень невыгодно отличает нашу страну не только от стран с быстро растущими экономиками (КНР, Индия, Вьетнам и др.), но и развитыми странами. Увеличение ВВП России на 31% с 2005 года произошло, прежде всего, за счет роста стоимости экспорта сырья и энергетики и некоторых точечных изменений в экономике. При этом в статистике отсутствуют основные показатели физического объема промышленного производства, обработки и приборостроения, которые существенно ухудшили бы представления о ситуации с экономикой России. То, что по некоторым показателям в 2016 году Россия улучшила свое положение в мире (инфляция, падение ВВП, оборот внешней торговли и др.) означает только, что к 2017 году удалось остановить падение, но отнюдь не обеспечить рост. На общем фоне достаточно динамичного развития в мире в среднем в 3% ВВП, эти положительные результаты выглядят не оптимистично (как пытаются иногда показать), а уныло.

Еще тревожнее ситуация выглядит при сопоставлении потенциалов возможных военно-политических коалиций ЛЧЦ и центров силы, которые условно можно увидеть через сравнение, прежде всего, показателей экспорта и импорта (см. таблицу «Россия и основные международные объединения и организации в 2014 году»).

Надо понимать, что валовой прирост России к 2014 году по сравнению с 2005 годом в 131% означает лишь только восстановление экономики до уровня 1990 г. РСФСР. При этом структура

Россия и основные международные объединения и организации в 2014 году

	Россия	Страны СНГ	ЕС ⁽¹⁾	ОЭСР	АСЕАН	ЕАЭС	БРИКС
Территория, млн км ²	17,1	...	4,3	35,0	4,4	20,3	4,0
Среднегодовая численность населения, млн человек	146,1	282 ⁽³⁾	508	1266	620	183	3004
Валовой внутренний продукт (2005=100)	131	136	110	115	...	135	...
Сельскохозяйственные угодья, млн га.	222,1	416	186	1212	131,0	308	1286,8
в том числе пашня, процентов	55,3	45	58,1	32,1	53,2	48	44,2
Производство зерновых и зернобобовых культур:							
всего, млн т.	105,3	213,8	321	919	257	134,1	1105
Импорт:							
всего, млрд долл. США	287,1	457	5882	11244	1235	384	3052
на одного жителя, долл. США	1965	1859	11579	8882	1993	2148	1016
Экспорт:							
всего, млрд долл. США	497,4	700	5988	10532	1288	620	3479
на одного жителя, долл. США	3404	2845	11787	8319	2077	3471	1158

Оптимальная технологическая структура экономик развитых стран

Обрабатывающие отрасли, уровень технологичности, %	Доля	Россия, 2005 г.
Высокотехнологичные	19	7,8
Средне-высокотехнологичные	28	17,3
Итого:	47	25,1
Средне и низкотехнологичные	53,0	74,9

и качество экономики России, если и улучшались, то темпами, заведомо более низкими, чем в развитых странах¹⁴.

Иными словами инерционность в развитии России консервирует ее технологическую отсталость и развал обрабатывающих отраслей промышленности, которые не могут компенсироваться ни макроэкономической стабильностью, ни снижением инфляции, ни темпами роста ВВП. Эти успехи 2016 года — лишь тактические полужитательные результаты, которые не в состоянии изменить общую тенденцию падения роли экономики России в мировой экономике. Падения роли и возможностей России в условиях фактического ведения войны. Можно сколько угодно спорить о том, началась ли эта война, когда она началась и где идет, но, как минимум, нужно согласиться с А. Гилевым, который еще в 2014 году писал о том, что «... если прямое военное нападение относится к категории вероятного, то атака «другими средствами» давно идет. Нужна не только Военная доктрина, но прежде всего политическая доктрина укрепления обороны России — обеспечение выживаемости страны в самом широком смысле¹⁵.

Такое «обеспечение выживаемости» возможно только при условии ускоренного (опережающего) экономического, социального и технологического развития, реализуемых в рамках долгосрочной стратегии развития России.

¹⁴ Подберезкин А. И. Военная сила и политика новой публичной дипломатии / Обозреватель, 2016. Декабрь. — №12. — С. 20.

¹⁵ Гилев А. Многомерная война и новая оборонная стратегия // Россия в глобальной политике. 2014. — Т. 12. — №5. — С. 80.

5.6. Будущие угрозы национальным интересам и возможности России

Систематические исследования военных угроз и военного измерения мировой политики в целом до сих пор остаются редкостью в России...

*А. Торкунов,
академик РАН*

Россия обладает необходимым опытом и возможностями, чтобы сравняться с рисками, возникающими в процессе становления большой Евразии

Д. Ефременко

Переход человечества к новому этапу развития при сохранении старых парадигм развития МО и ВПО в начале XXI века означает наиболее дестабилизирующий период, который характеризуется обострением прежних и появлением новых опасностей и угроз. Их анализом и перечислением последние годы занимаются многие, но для целей данного исследования требуется, прежде всего, рассмотреть те из них, которые связаны со стратегией развития России¹⁶. Именно они представляются наиболее важными и актуальными, а не скрупулезный перечень всех опасностей и угроз, конкретный анализ которых превратился в своего рода специальность среди ряда чиновников и экспертов Совета безопасности, администрации, Минобороны и МИД России¹⁷.

И главная проблема правящей российской элиты и общества заключается в том, что существующий официальный базовый (инерционный) сценарий развития России, очевидно, прямо противоречит геополитической обстановке, истории России и ее идентичности, превращая страну в заложника мирового экономического и военно-политического развития.

¹⁶ Путин В. В. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» №683 от 31 декабря 2015 г.

¹⁷ Подберезкин А. И. Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО-Университет, 2016.

Огромные внутренние ресурсы и возможности России, очевидно, не соответствуют убогим темпам и масштабу развития экономики и человеческого капитала в последние 35–40 лет. И это качественное и радикальное противоречие неизбежно предстоит разрешить российской правящей элите еще до 2020 года, либо смириться с нарастающей деградацией и постепенной фактической потерей суверенитета и, в конечном счете, национальной идентичности. Никакие пропагандистские и даже внешние политические успехи не смогут изменить этого вывода.

Будущая опасная МО и ВПО будут развиваться в соответствии с объективной своей логикой, но они окажут еще более негативное и решающее влияние на формирование сценария развития России, который уже не должен быть, инерционным, ибо его сохранение уже сейчас равносильно самоуничтожению. Речь должна идти только о новой стратегии и новом сценарии развития России. Новый базовый сценарий развития России даже при отсутствии такой стратегии все равно будет формироваться под влиянием следующих обстоятельств, которые следует в определенном смысле воспринимать в качестве опасностей и угроз нации и государству:

1. Россия и возглавляемая ею ЛЧЦ являются, с экономической точки зрения наиболее слабым мировым центром силы, более того, центром силы, еще больше теряющим свое относительное значение в экономике. С разной степенью успеха время от времени Россия усиливает и будет усиливать свое влияние в мире до 2030 года, но не за счет экономики, а других, прежде всего политических и военных областей, что будет требовать от нее дополнительных усилий и неизбежно вести к торможению темпов ее социально-экономического развития. Существующий инерционный сценарий говорит о неизбежности сокращения влияния России в мире до минимального регионального уровня, который не сможет быть компенсирован ни союзами, ни частичными относительными успехами.

2. У Запада и других ЛЧЦ есть огромные оперативные резервы, которые могут быть использованы даже в краткосрочной перспективе. Относительные экономические резервы наращивания военной мощи западной ЛЧЦ существуют, уже сегодня, сейчас, а у российской они практически исчерпаны, если не переходить на

уровень милитаризации. В настоящее время военные расходы России составляют порядка 4%, а стран Запада (исключая Саудовскую Аравию и Израиль) — от 1,2% в Германии, до 3,5% — в США. Это означает, что Запад относительно безболезненно может значительно увеличить свои военные расходы (до 2–2,5%, или на 250–350 и даже на 700 млрд долл.), что для России является даже частично абсолютно нереальным.

Поэтому России будет необходимо, неизбежно полагаться и планировать свое развитие в расчете на неэкономические ресурсы обеспечения безопасности. Что до сего дня находится на периферии внимания правящей элиты страны

3. Уникальность российской ЛЧЦ природные ресурсы, положение, территория превращает ее в самостоятельное «ядро» всей евразийской территории и предоставляет ей серьезные геополитические позиции, включая возможность сохранения национальной идентичности и суверенитета даже в условиях относительного отставания в экономической области. Но такое положение не может продолжаться бесконечно долго, если не проявить активности во внешней политике. У России есть определенные ресурсы, прежде всего, геополитические, природные и НЧК, которые не используются эффективно, и которые в короткие сроки нужно использовать максимально эффективно в интересах укрепления безопасности страны¹⁸.

4. У России есть экономические, и промышленные ресурсы для опережающего развития, о чем свидетельствует то место, которое она занимает в мире по отдельным физическим показателям промышленного и сельскохозяйственного производства¹⁹.

Эти ресурсы и возможности активно не используются из-за неадекватной финансовой и промышленной политики страны.

В конечном счете, такая нарастающая экономическая, технологическая и финансовая слабость России превращаются в слабость социальную, политическую и военную. Думается, что такое

¹⁸ Подберезкин А. И., Родионов О. Е., Харкевич М. В. Стратегический прогноз развития отношений между локальными человеческими цивилизациями в Евразии. — М.: МГИМО–Университет, аналитич. доклад, 2016. Декабрь. — С. 63–104.

¹⁹ Российский статистический ежегодник 2016. Статистический сборник / Россия в цифрах: Росстат, 2016. — С. 536.

Место, занимаемое Россией в мире по производству отдельных видов промышленной и сельскохозяйственной продукции в 2014 году

Виды промышленной и сельскохозяйственной продукции	Место, занимаемое Россией
Нефть добытая (включая газовый конденсат), газ природный и попутный, сахарная свекла	2
Картофель	3
Электроэнергия, чугун, зерновые и зернобобовые культуры, скот и птица на убой (в убойном весе)	4
Вывозка древесины, цементы гидравлические	5
Уголь, сталь, хлопчатобумажные ткани, молоко коровье	6
Шерстяные ткани, обувь с верхом из кожи	11
Легковые автомобили (включая сборку)	12
Бумага и картон	14

несоответствие между экономической и государственной мощью может существовать не более 20–25 лет, что означает, что даже без военно-силового давления Россия будет вынуждена капитулировать перед остальными развитыми странами, если не удастся преодолеть нарастающего глубокого социально-экономического разрыва с западной и другими ЛЧЦ²⁰.

5. Динамика неравномерного развития мировых центров силы, ЛЧЦ и ведущих стран ставит под угрозу не только будущие позиции России в мире, но и саму возможность сохранения ею государственного суверенитета и идентичности. Отставание до определенного времени может не угрожать государственному суверенитету, но когда это превращается в очевидную угрозу, которая может стать реальностью, то следует понимать, что, как правило, вслед за суверенитетом быстро исчезает и идентич-

²⁰ Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 83–91.

Рис. 5.13.

ность, а затем и сама нация. Иначе говоря, правящей элите России предстоит скоро осознать всю остроту экономической, а затем и цивилизационной угрозы, чью логику можно изобразить следующим образом²¹ (рис. 5.13).

Процесс такого осознания должен произойти быстро и в острой форме, которая может приобрести форму социального катаклизма. Угроза такого взрыва должна серьезно рассматриваться правящей элитой России.

Это означает, что разработка и реализация успешной социально-экономической стратегии, которые не удавались правящей российской элите последние 30 лет, не будет больше продолжаться потому, что неудачи привели к угрозе потери суверенитета и адекватности.

6. Есть основание полагать, что подобная логика лежит в основе всех сценариев развития противоборствующих ЛЧЦ в XXI веке, которые конкурируют в мире за ресурсы, транспортные коридоры и рынки сбыта. Ликвидация суверенитетов, государств и наций оставляет территории, ресурсы и рынки сбыта победителю. Иначе говоря, борьба между государствами и ЛЧЦ вступает в форму борьбы за победу той или иной локальной человеческой цивилизации и сохранение той или иной идентичности.

²¹ Подберезкин А. И. Долгосрочный прогноз развития сценария международной и военно-политической обстановки в XXI веке / Международная научная конференция «Долгосрочное прогнозирование развития международных отношений в интересах национальной безопасности России». — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 11–20.

5.7. Российская локальная человеческая цивилизация и евразийская интеграция

С окончанием холодной войны общность культуры быстро вытесняет идеологические различия²²

*С. Хантингтон,
политолог*

Общность культуры и истории, отмечал С. Хантингтон, способствует экономической интеграции и стремительному росту экономических связей. В качестве примера он приводит Китай, Тайвань, Гонконг, Сингапур и ряд других стран, которые уже после публикации работы С. Хантингтона вошли в китайскую «жемчужную сеть», включающую множество опорных пунктов в Пакистане, Шри-Ланке, государствах Персидского залива, Африки и стран Средиземноморья.

Похожий, но значительно более слабый процесс, наблюдается и вокруг России, ставшей «российским ядром» евразийской интеграции. Можно попытаться сегодня суммировать некоторые неэкономические предпосылки, основанные, прежде всего, на культурно-исторической общности и общих интересах безопасности России в Евразии.

Во-первых, представляется, что проблема единой системы ценностей как основы российской и любой ЛЧЦ и цивилизационной евразийской интеграции сегодня очевидно недооценивается. Прежде всего, в военно-политической области. Забывается, что в основе успешного примера европейской интеграции лежит фундамент общеевропейской системы ценностей, сложившийся в античную эпоху и христианский период развития, а также общие представления о европейской безопасности. Торгово-экономические аспекты и финансовая выгода — вторичны в этом процессе, что отнюдь не является сегодня общепринятой точкой зрения. Может быть, этим и объясняются некоторые проблемы евразийской интеграции,

---

²² Huntington S.P. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs, 1993. Summer / <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1993-06-01/clash-civilizations>

которые являются следствием именно недооценки общих систем ценностей для тех наций и ЛЧЦ, которые развиваются в Евразии сегодня.

Прежде всего, нельзя игнорировать то, что в течение многих столетий на огромном евразийском пространстве — от Центральной Европы до Сибири и Казахстана — такая общая система ценностей и безопасности формировалась. Прежде всего, потому, что большинство населявших эту территорию народов были некогда частью таких государственных формирований как Золотая Орда, Российская Империя и Советский Союз, а до этого и в другие союзы. Исследованиями в этой области не занимались целенаправленно, хотя археологические, исторические, генетические и многие другие факты свидетельствуют о некоей евразийской общности населявших Евразию народов.

Славяне и кипчакская ветвь тюркских народов — татары, башкиры, казахи, киргизы и другие — тесно интегрировались с русскими в единую культурно-историческую среду. К началу нынешнего века славяне заселили большую часть северо-восточное Евразии. Современные ученые насчитывают 16 славянских народов общей численностью более 300 миллионов человек (русских — более 133 миллионов), составляющих основу 14 государств, а общая численность тюрков — примерно 170 миллионов (из них тюрков-кипчаков — примерно 20%). Недавние исследования генетиков также подтверждают близость генотипов народов, проживающих от Сибири до Центральной Европы. Не случайно в книге Афанасия Никитина «Хождение за три моря» написанной на русском языке, многочисленные абзацы написаны на тюркском (татарском) языке.

Во-вторых, культурно-историческая общность также совпадает с геополитическим единым пространством Евразии, интересами безопасности проживавших и проживающих сегодня на этой территории народов. К сожалению, этот фактор сегодня также в полной мере недооценивается, когда говорят о евразийской интеграции. Если в основе современной европейской интеграции находится идея формирования общей системы ценностей, которая отодвигает на второй план даже национальные интересы стран Евросоюза, то общность ценностной системы и геополитического пространства Евразии, а тем более пространства безопасности,

пока что не стали приоритетом интеграционного процессу в Евразии.

Между тем объективно общий «центр безопасности» в Евразии уже формируется. Его развитие подталкивают две набирающие силу тенденции: стремление США создать максимально большое количество очагов нестабильности в Евразии — от Ю.-В. Азии до Ближнего Востока — как гарантию сохранения своих военно-политических позиций и развитие региональных связей не только в области экономики, но и в области безопасности, подталкивающее к формированию региональных институтов обеспечения безопасности на основе сотрудничества незападных ЛЧЦ.

В-третьих, необходимо признать, что два интеграционных процесса, идущих в Евразии, — в Евросоюзе и на постсоветском пространстве — принципиально не отличаются друг от друга и вполне совместимы. Они не должны противопоставляться друг другу и могут быть при желании объединены в единый процесс, в котором участвуют все евразийские государства от Лиссабона до Владивостока. Проблема в разнице политических подходов, а не системах ценностей, которые пока что искусственно противопоставляются друг-другу, разнице в способах обеспечения безопасности в отдельных регионах Евразии.

Вместе с тем реализация общей для всей Евразии концепции безопасности становится все менее реальной из-за стратегического курса, избранного западной ЛЧЦ на конфронтацию с другими ЛЧЦ Евразии. Это обстоятельство, вероятно, будет доминировать при формировании МО в XXI веке.

Но, это же, обстоятельство позволяет предположить, что системе безопасности Евразии можно будет формировать и без участия западной ЛЧЦ силами российской, исламской, китайской, индийской и буддийской ЛЧЦ, т.е. коалицией ЛЧЦ, имеющей объективно антизападный оборонительный характер.

В-четвертых, для развития евразийской военно-политической интеграции на постсоветском пространстве ключевое значение имеют опережающие темпы развития восточных регионов России и транспортной инфраструктуры. Регион АТР превратился в новый мировой центр силы, в котором всё больше концентрируется мощь мировой экономики и торговли. Доступ к странам этого региона для стран Евросоюза, Белоруссии, Казахстана и предста-

вителей исламской ЛЧЦ будет во многом определяться степенью развития транспортной инфраструктуры России. И здесь так же огромное значение имеет общность исторических и культурных корней постсоветских государств: не только отсутствие языковых барьеров, общие традиции образования и воспитания, опыт освоения восточных регионов и строительство железных дорог, портов, аэродромов, но и создание в течение столетий интеграционных и кооперационных связей в промышленности, — всё это говорит о фундаментальной культурно-исторической общей интеграционной основе. Достаточно напомнить о сверхтяжелых карьерных самосвалах, производящихся в Белоруссии, которые могут обеспечить потребности всех ЛЧЦ.

В-пятых, сегодня, очевидно, что в мире форсированными темпами идут два интеграционных процесса по созданию Трансатлантического и Транс-тихоокеанского партнерства, из которых сознательно исключены не только постсоветские государства, но и другие страны и ЛЧЦ. По сути дела речь идет не столько об экономической интеграции части стран Евразии и АТР, сколько о борьбе за политический контроль над Евразией. В этих условиях просто сожалеть о распаде ОВД и СССР — бессмысленно. Нужно формировать геополитику будущего, понимая, что этот процесс будет встречать яростное противодействие, ибо речь идет о контроле над Евразией и, в конечном счете, о контроле над миром.

Такой контроль подразумевает, прежде всего, продвижение ценностной системы своей ЛЧЦ и союзных ЛЧЦ, в том числе и с помощью военной силы, навязывания другим странам норм и стандартов поведения, которые относятся к ценностям иной цивилизации. Политическая борьба за Евразию всё больше приобретает формы культурно-ценностного, цивилизационного противоборства. Победа в такой борьбе будет означать потерю не только суверенитета и контроля над территорией и природными ресурсами (что сегодня вполне осознается), но и, главное, потерю национальной идентичности, разрушение системы национальных ценностей, т.е. уничтожение нации.

В этих условиях «альтернативная» евразийская интеграция ЛЧЦ означает не больше и не меньше как политику сохранения суверенитета и национальной идентичности этих ЛЧЦ перед угрозой внешней агрессии. Неверный политический выбор неизбежно

Тенденции динамики мировой экономики

Показатели	1950	1960	1970	1980	1990	2000	2000 к 1950
Численность населения, млн чел.	2507	3050	3700	4400	5235	6000	239
Среднегодовые темпы прироста, % к предыдущему периоду		1,8	2,1	1,4	0,6	0,6	50
Число занятых, млн чел.	1088	1328	1594	1883	2148	2490	229
% к численности населения		44	43	43	41	41	95
Производительность труда, ВВП в ценах и по ППС 2000 г. на одного занятого, тыс. долл.	6,9	9,3	12,1	14,4	16,8	18,7	271
% к предыдущему периоду		134	130	119	117	111	–
Мировой ВВП в ценах и по ППС 2000 г., млрд долл.	7555	12 305	19 270	27 105	36 055	46 580	643
Среднегодовые темпы прироста, %		9,0	4,6	3,5	2,9	2,6	113
Товарный экспорт в ценах и по ППС 2000 г., млрд долл.	775	1280	2435	3935	5985	9040	1166
% к ВВП	10,0	10,5	12,0	14,5	16,5	19,5	190

Источник: Мировая экономика. Глобальные тенденции за 100 лет. — М.: Экономистъ. 2003. — С. 497, 503, 529, 539, 596.

приведет к размыванию национальной системы ценностей и самоидентификации.

В-шестых, в этой связи принципиально важно определиться со стратегией евразийской интеграции российской ЛЧЦ, в основе которой должна лежать не только торгово-экономическая выгода, но прежде всего сохранение общей системы ценностей и культурно-исторического наследия народов Евразии, включая тех, которые

входят в другие ЛЧЦ, обеспечение безопасности и суверенитета этих государств. Собственно гуманитарная, информационная и образовательная составляющие интеграционного процесса в странах Евразии (на которые обращают большое внимание в странах Евросоюза) должны стать государственным и общественным приоритетом.

Общие интересы безопасности исторические и культурные корни, общие ценности должны сознательно культивироваться на постсоветском пространстве, а не уничтожаться. Не секрет, что нередко мы наблюдаем сознательно направляемые процессы по «переписыванию истории», искажению современной политики союзных государств. Мы должны иметь не только общую историю, но и общее будущее, общие цели и общие ценности, которые базируются на общих корнях и наследии. Мы должны предложить общую цивилизационную, экономическую и социальную модель развития, которая была бы привлекательна и конкурентоспособна по сравнению с американской и западноевропейской. Другими словами, мы должны предложить, прежде всего, привлекательную систему взглядов, т.е. идеологию евразийской, которая стала бы основой интеграционной политики — внешней, военной, экономической, социальной.

В относительно отдаленной перспективе 20–25 лет соотношение мировых сил и ЛЧЦ может существенно меняться. Это имеет прямое отношение к российской ЛЧЦ и конкретно России²³.

Как видно из приведенных данных (таблица «Тенденции динамики мировой экономики»), за 50 лет основные показатели человеческой цивилизации изменились на 200–1000%, т.е. на порядки, что радикально меняет всю картину мира. По мере ускорения развития экономики и общества в XXI веке, можно ожидать, что к 2050 году эти показатели также изменятся на 100–300%. При этом для разных ЛЧЦ и стран они будут существенно отличаться друг от друга.

Сохранение и развитие национальной идентичности, суверенитета и независимости обеспечивается сегодня, прежде всего,

---

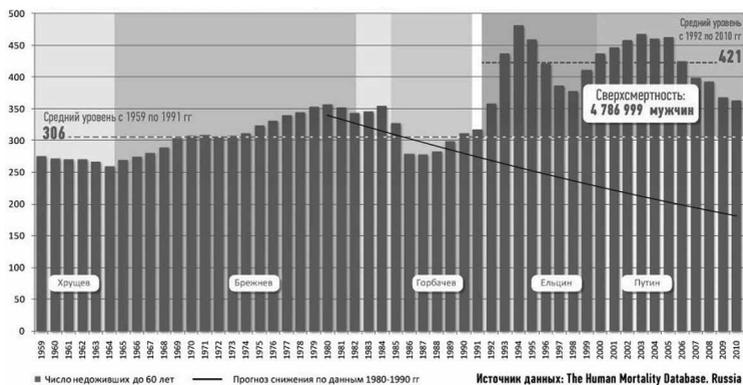
²³ Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Интегральный макропрогноз инновационно-технологической и структурной динамики экономики России на период до 2030 года / Б.Н. Кузык, Ю.В. Яковец; авт. вступ. ст. А.Д. Некипелов. — М.: Институт экономических стратегий, 2006. — С. 64.

быстрыми темпами развития НЧК и его институтов в рамках отдельных цивилизаций, которые формируют не только общее историческое, культурное и духовное наследие, но и общее представление о будущем. Раздел на «мы» и «они» происходит не только в прошлом и настоящем, но и в будущем. Та цивилизация или нация, которая сможет представить наиболее привлекательное общее будущее, та и становится ядром, концентрирующим вокруг себя нации, государства и народности. Таким образом, успех экономической интеграции (значение которой сегодня абсолютизируется среди участников евразийского процесса) предопределяются темпами развития НЧК и общей системы ценностей в этих странах, основанных на культуре, истории и представлениях об общем будущем.

Развивающийся конфликт между цивилизациями, неизбежно вынуждает отдельные страны делать выбор в пользу той или иной идентичности и ЛЧЦ, ограничивая в той или иной степени национальный суверенитет. Это очень наглядно видно на примере современной Европы, где не только «новые европейские государства», но и традиционные страны Европы — от Италии и Великобритании до Германии — вынуждены часто выбирать между национальной и общеевропейской системой ценностей, суверенитетом и универсализмом.

Следует откровенно признать, что идеология развития «российского ядра» ЛЧЦ должна стать основой процесса формирования евразийской цивилизации и интеграции, более того, не только политико-идеологическим фундаментом внешнеполитической стратегии России, но и даже ее нормативной Стратегией национальной безопасности, внешнеполитической доктриной! Прежде всего, потому, что сформированная в России система ценностей, история Евразии демонстрировали на протяжении столетий не только свою устойчивость и универсальность, но и способность учитывать и бережно относиться к национальным системам ценностей, а так же, противостоять чужим ценностным системам. Это принципиально важно в эпоху, когда цивилизационно-ценностные противоречия становятся основными в отношениях между государствами, вытесняя нередко даже экономические и военные.

В основе этой идеологии и политики развития «российского ядра» ЛЧЦ должна находиться установка на опережающее развитие

Рис. 5.14. Вероятность умереть мужчине в России в возрасте от 20 до 60 лет. 1959–2010 гг.

национального человеческого капитала — как количественно, так и качественно. К настоящему времени наблюдается обратная тенденция, когда темпы развития российского НЧК по всем основным показателям стагнируют. В частности динамика демографического развития российского центра силы существенно отстает от общемировых тенденций, в особенности, если речь идет о наиболее важных, дееспособных, возрастных категориях, например, мужчинах в возрасте 20–60 лет.

«В советский период наблюдается рост этого показателя с 1964 по 1980-й годы. После 1980 года идет снижение, убыстрившееся после 1985 года. Но если отбросить эти детали, мы имеем средний уровень с 1959 по 1991 гг. равный 306. Именно столько мужчин из 1000 не доживало до пенсии в РСФСР.

После 1991 года этот показатель растет резко вверх до показателя 480 человек из 1000 (почти половина!) в 1994 году с падением к 1998 году и новым резким ростом в весь первый срок В. Путина до 2005 года. Всего средний показатель с 1991 по 2010 гг. равен 421 человеку из 1000. Нужно понимать, что эта цифра растекается на все возрасты от 20 до 60 лет.

Исходя из получившихся цифр «306» и «421» я произвел подсчет сверхсмертности мужчин за период 1992–2010. Если принять за данность неизменность среднего советского показателя в 306 из 1000, то выйдет, что сверхсмертность мужчин от 20 до 60 лет за период

с 1992 года в России составила 4 млн 787 тыс. То есть почти 5 млн здоровых, крепких мужчин не дожило до пенсии в условиях правления либералов в России. Очевидно, что эта цифра занижена, если учесть общемировой фактор снижения данного показателя и фактор снижения этого показателя именно для России на основании прогноза 1980–1990 гг. Прогноз показан на графике черной линией. Если считать от него, то цифру в 4,8 млн можно смело умножать в 1,6–1,8 раза.

Если кому-то эти цифры кажутся нереальными, те могут ознакомиться с аналогичными данными, которые дает прогноз ООН для периода 2010–2015 годов для возрастов 15–60 лет для разных регионов мира. Так, согласно этим прогнозам европейский подросток 15 лет имеет шанс не дожить до 60 лет равным 183. Африканский — 323. Российский, 20-летний молодой человек — 363»²⁴.

Возвращаясь к эпиграфу раздела, который говорит о значении творческих личностей в развитии цивилизаций, необходимо подчеркнуть, что количество и качество этого социального слоя креативного класса должно стать главной заботой власти и общества, а стимулирование развития институтов НЧК — наиболее приоритетной задачей. Как справедливо заметил А. Тойнби «Рост цивилизаций — дело рук творческих личностей или творческих меньшинств ... Творческие личности при любых условиях составляют в обществе меньшинство, но именно это меньшинство и вдыхает в социальную систему новую жизнь»²⁵. Именно выполнение этих двух условий может обеспечить опережающее развитие российской ЛЧЦ.

Российская локальная цивилизация кроме того обладает уникальной способностью ненасильственного распространения и проникновения по всем азимутам, что очень важно в условиях резко возросшей роли стран АТР и Центральной Азии. Напомню в этой связи, что «евразийская центрифуга» тысячелетиями «выталкивала» народы с востока на запад евразийского континента. И только русский народ двигался с запада на восток и юго-восток. Всей своей историей он доказал способность к развитию и бережному отношению чужого национального наследия и системы ценностей.

²⁴ Донская М. Какова вероятность дожить до пенсии в России? 2016. 21 февраля / <http://ivan-ushenin.com/?p=416>

²⁵ Тойнби А. Теория локальных цивилизаций. Сборник. — М. 1996. — С. 184.

ГЛАВА 6
Обоснование развития
наиболее вероятного сценария
«Военно-силового
противоборства ЛЧЦ»
в Евразии в среднесрочной
перспективе
(до 2025 года)

Обострение междивизиационного и межгосударственного конфликта, начавшегося в первом десятилетии XXI века, уже привело к тому, что этот конфликт перерос в силовую фазу развития и достаточно динамично сползает к ее вооруженному этапу...

А. Подберезкин, В. Соколенко, С. Цырендоржиев

В краткосрочной перспективе 2016–2017 годов завершится окончательное оформление коалиции западной ЛЧЦ...

авторы доклада ЦВПИ

Переходный период от относительно мирного состояния МО к ее военно-силовой фазе развития, характерный для существующего сценария глобального «Военно-силового противоборства ЛЧЦ» во втором десятилетии XXI века, может, на наш взгляд, развиваться по нескольким наиболее вероятным вариантам этого сценария вплоть до 2025 года. Это означает, что в среднесрочной перспективе наиболее вероятный сценарий может реализовываться, как минимум, по трем вариантам, очень условно обозначаемым как «Вариант №1», «Вариант №2» и «Вариант №3» (соответственно — «пессимистический», «реалистический» и «оптимистический»)¹.

Таким образом, наиболее вероятный сценарий глобального «Военно-силового противоборства ЛЧЦ», как уже говорилось, может развиваться не вообще, а по нескольким своим конкретным вариантам в зависимости **от конкретных политических и иных условий**, сложившихся к началу этого периода или в процессе его реализации. Так, например, в ноябре 2013 года конкретные условия МО и ВПО на Украине были одни, а в феврале 2014 года, после переворота в Киеве, — совершенно иные. Смена условий МО, ВПО и даже СО не повлияла принципиально на смену «Военно-силового сценария противоборства ЛЧЦ» на какой-то иной, но, безусловно,

---

¹ См., например: Подберезкин А. И. Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016 г.

изменила вариант его реализации в Европе и в мире с «Варианта №3» на Вариант №2», а позднее и приблизилась к «Варианту №1» осенью 2015 года. Аналогичная ситуация повторилась осенью 2015 года, когда Россия ввела свои ВКС в Сирию: «Вариант №3» развития сценария МО–ВПО вплотную приблизился к «Варианту №2», а позднее (с участием спецназа США и России) — к «Варианту №1». Иными словами в рамках одного сценария «Военно-силового противоборства ЛЧЦ» в 2014–2016 годы наблюдался периодический переход от одного варианта этого сценария к другому. При этом общая тенденция этих лет, очевидно, была в направлении сползания от «Варианта №2» к «Варианту №3» этого сценария.

Таким образом, теоретически в 2014–2016 годы можно утверждать, что развивался наиболее вероятный сценарий «Военно-силового противоборства ЛЧЦ», который не оставлял реальных возможностей для возврата к МО «до 2014 года», когда сохранялись определенные надежды на возможность развития более оптимистического сценария противоборства, исключавшего военные составляющие. В окончательном виде к 2017 году можно было выделить три варианта этого сценария: «пессимистический» («Вариант №1»), «реалистический» («Вариант №2») и «оптимистический» («Вариант №3»). Наглядно это разделение показано на нижеприведенной схеме².

Рис. 6.1. Логика наиболее вероятного сценария развития МО до 2050 года

² Здесь и далее: Подберезкин А. И., Харкевич М. В. Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — 581 с.

6.1. Основные периоды развития сценария международной обстановки глобального «Военно-силового противоборства ЛЧЦ» до 2025 года

Универсализм — идеология, принятая Западом для противостояния незападным культурам... Деление человечества времен холодной войны позади. Более фундаментальные принципы деления человечества — этнические, религиозные, цивилизационные — остаются и становятся причиной новых конфликтов

*С. Хантингтон,
политолог*

Переходный период от состояния МО начала XXI века к ожидаемой смене парадигм во второй половине 2020 годов можно охарактеризовать точнее как «этап» в развитии человеческой цивилизации, характеризуемый в основном теми же основными парадигмами, которые существовали с конца XX века. В этом смысле ожидаемый новый этап развития сценария МО (со второй половины 2020-х годов до 2040-х годов XXI века) в начале должен достаточно радикально отличаться от нынешнего этапа. Следует изначально уточнить: понятие «этап» означает время бытия (сохранения сценария МО) определенной ситуации, понимаемой как относительно неизменное состояние объекта, а «периоды» — это ситуации, объединенные общей тенденцией развития³. В этом смысле сценарий глобального «Военно-силового противоборства» на этапе с 2016 по 2025 гг. можно рассматривать как некую серию периодов, которые объединены тенденцией наращивания силового (в т.ч. вооруженного) противоборства западной ЛЧЦ с другими ЛЧЦ. Условно весь этап развития сценария МО до 2025 года можно разделить **на 3 периода:**

- период 2016–2018 годов — завершение формирования западной военно-политической коалиции ЛЧЦ;
- 2018–2021 годы — завершение военно-технической подготовки для ведения глобальных военных действий западной ЛЧЦ, и создание внутренней оппозиции;

³ Хрусталева М. А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. — М.: Аспект Пресс, 2015. — С. 28.

- 2021–2025 годы — военно-силовое использование мощи западной ЛЧЦ для утверждения норм и правил, соответствующих системе интересов и ценностей этой ЛЧЦ.

Таким образом, конечной целью всего современного этапа развития МО, который завершается третьим периодом, является утверждение в качестве доминирующих международных норм и правил системы ценностей и интересов западной ЛЧЦ, которое на этом этапе планируется обеспечить с помощью силы, включая военную силу. Графически развитие этих периодов первого этапа можно проиллюстрировать следующим образом.

Развитие МО на первом этапе военно-силового сценария, реализуемого западной ЛЧЦ (конец 90-х годов XX века — вторая половина 2020-х годов XXI века)

Конец 90-х гг. XX в. (подготовительный период)	2016–2018 гг. (период завершения формирования коалиции)	2018–2021 гг. (военно-техническая подготовка западной ЛЧЦ)	2021 — конец 2020-х гг.	
Подготовительный период перехода к доминированию западной ЛЧЦ (однополюсной / односистемной системе МО)			Силовое и военное противоборство	утверждение силой норм, правил и процедур
Завершение формирования военно-политической коалиции		управление	развитие и применение	утверждение
Военно-технические приготовления	ускорение	завершение	применение	развитие
Политическое использование насилия	публично-демонстративное (устрашение)	повсеместное распространение	результаты	закрепление

Таким образом, подобная периодизация предполагает, что по завершению последнего, третьего, периода (во второй половине 2020-х г.) все ЛЧЦ будут вынуждены принять правила, нормы и законы, установленные западной ЛЧЦ.

6.2. Обоснование периода завершения формирования военно-политической коалиции западной локальной человеческой цивилизации

2016–2018 годы можно назвать периодом завершения политико-идеологической и организационной подготовки формирования на базе западной ЛЧЦ военно-политической коалиции, включающей в себя более 50 государств, которые (по примеру НАТО) будут делиться на три группы — «члены» коалиции, члены ассоциации, входящие в круг влияния.

По этой причине целесообразно рассмотреть некоторые возможные отдельные периоды развития сценария МО на этапе в 2016–2025 годах, характерной чертой которых (общей тенденцией) является инициирование вооруженного противоборства с правящими режимами в ряде ЛЧЦ и странах. К лету 2016 года таких стран было уже несколько. Наиболее известные случаи — Ливия, Сирия, Ирак, Украина, Йемен и Македония.

Следует иметь в виду, что подготовительные этапы для вооруженного выступления оппозиции против власти, в этих странах имеют исключительно важное значение. Без этих подготовительных этапов на территории противника невозможно начало успешной вооруженной борьбы, хотя в истории такие свидетельства все-таки имеются. (Например, известная высадка десанта на Кубе во главе с Ф. Кастро).

В краткосрочной перспективе 2016–2018 годов, т.е. в первом периоде, завершится окончательное оформление коалиции западной ЛЧЦ и ее внешнеполитической стратегии до 2025 года. Суть этой стратегии будет заключаться во внедрении в политику западной ЛЧЦ в 2016–2025 годы широкого спектра новых эффективных силовых инструментов, которые должны будут компенсировать ослабление влияния западной ЛЧЦ в мире.

Рис. 6.2. Два вида деятельности войск (сил) на поле боя

Анализ существующего сценария развития МО в конце 2016 года подтверждает, что западная ЛЧЦ во главе с США сделала ставку на усиление силового противоборства с другими ЛЧЦ, включая в свою политику все чаще вооруженные средства. Поэтому можно говорить о том, что период 2016–2025 годов будет тем этапом, когда военная сила станет регулярно, использоваться в политических целях в двух формах: во-первых, как инструмент внутривосточной борьбы, а, во-вторых, как реальное средство внешней политики в отношениях между ЛЧЦ в ограниченных масштабах⁴.

В среднесрочной перспективе с 2016 до 2025 года западная стратегия военно-силового противоборства будет придерживаться нескольких основных внешнеполитических принципов. Основным принципом будет концентрация усилий западной ЛЧЦ на инициировании внутренних конфликтов в основных странах, представляющих угрозу сохранению контроля Западом над МО в мире. Соответственно такая активная политика потребует новых

⁴ Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрова. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 551–594.

Рис. 6.3. Небоевая деятельность войск на поле боя: работа с местным населением

средств и способов силового и вооруженного воздействия, которые будут выходить далеко за рамки традиционных представлений о межгосударственных и междивилизационных отношениях. Так, бывший советник НГШ ВС РФ И. Попов изобразил это следующим образом (рис. 6.2).

Прежде всего, это будут средства и способы, предоставляемые внутренней оппозиции конкретных стран для формирования т.н. «облачного противника» официальной власти. Это будет сопровождаться мощной дипломатической, политической и даже силовой поддержкой извне, включая в случае необходимости прямую военную поддержку, как было, например, в Ливии. Как правило, «облачный противник» будет получать внешнюю поддержку из неизвестных (не доказанных) источников — медийную, финансовую, организационную, моральную во все возрастающих масштабах. А на этапе 2016–2021 годов эта внешняя поддержка может быть даже усилена и вооруженными, и специальными средствами, но в ней значительную роль будут играть инструменты экономического и социального порядка.

Вторым принципом развития данного сценария станет принцип системного политического противоборства. Этот принцип пред-

усматривает интегрированное использование всех возможностей западной ЛЧЦ — коалиционных, экономических, финансовых, военных и других. Системность, в данном случае предполагает, что все частные задачи и средства их решения в 2016–2021 годы подчиняются главной политической цели — сохранению контроля Запада. Конфликты на Украине, в Ираке, Сирии, Афганистане, Йемене и других странах, наглядно, иллюстрируют этот принцип «политической системности», когда собственно военная сила Запада применяется ограниченно, а предпочтение отдается системно-силовым инструментам влияния: политико-дипломатическим, финансово-экономическим, поддержке оппозиции и дозированной военной помощи. Как справедливо полагает И. Попов, эта деятельность будет направлена, прежде всего, на создание и поддержку оппозиции.

Системное противоборство ради сохранения существующей финансово-экономической и военно-политической системы в 2016–2021 годах означает использование всех силовых ресурсов западной ЛЧЦ до завершения подготовки вооруженной стадии противоборства в глобальном масштабе. При этом акцент в ближайшие годы будет сделан на то, чтобы не допустить формирования коалиций и даже неформальных союзов, которые будут ставить под сомнение право на такой контроль со стороны западной ЛЧЦ во главе с США, и использование в этих целях стратегии «управляемого хаоса» — искусственной дестабилизации положения в этих странах и отношений между членами возможных коалиций.

Третий принцип предусматривает, что противоборство будет носить сетевидный характер. А это предполагает создание эффективной системы политического, информационного и военного управления, со стороны западной ЛЧЦ, направленной, прежде всего, против правящей элиты противника. Данная система будет объединять все другие информационные системы и позволять, в опережающем режиме, управлять всеми процессами «сверху–донижу», контролируя одновременно все уровни эскалации и использование всех коалиционных и национальных ресурсов — политических, экономических, военных⁵. Этот принцип отчетливо проявился в ходе противостояния Запада с Россией в 2014–2016 годах, когда

---

⁵ Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

все управление антироссийскими действиями осуществлялось из Вашингтона.

Можно констатировать, что к лету 2015 года сетевая война против России прошла свои первые периоды развития, в результате чего произошел целый ряд негативных социально-экономических и политических изменений в МО. Но в целом принцип сетевости полностью не удалось реализовать. В политике отдельные страны Запада позволяли себе действовать иногда не согласованно, а в развитии негативных процессов в России проявилась противоречивость.

Хотя резко обострилась МО, а также существенно ухудшились показатели инфляции и курс рубля, краха экономики России, как рассчитывали на Западе, не произошло. В то же время, некоторые показатели качества жизни, доходов, возможности приобретения товаров длительного пользования заметно просели. Уровень жизни населения опустился до ситуации 2008 (кризисного) года, а к апрелю 2015 года, например, продажи автомашин сократились более чем на 40%. Вместе с тем, хотя системное давление на РФ привело к определенным результатам, внутривнутриполитического кризиса так и не произошло. Ухудшение внешнеполитической обстановки и социально-экономического положения в стране не оказали негативного влияния на доверие граждан к В. Путину. Напротив уровень поддержки Президента достиг своей высшей точки — 85%. Сохранилась и социально-политическая стабильность, которую планировали подорвать еще в 2015 году. Выборы в Госдуму 2016 года стали новым поводом ускорения развития событий.

Таким образом, в 2016 году осложнение МО и социально-экономический кризис в России не перерос в кризис социально-политический. Убийство Б. Немцова, например, вообще никак не отразилось на политической стабильности, а война на Украине не привела к появлению острых кризисных явлений в российском обществе. Совсем наоборот: парад 9 мая и демонстрации по всей стране, показали стабильность политической системы. Между тем в «классическом» сценарии развития сетевой войны предполагался именно такой переход от этапа социально-экономического кризиса к этапу политической дестабилизации.

Наконец, четвертый принцип реализации сценария глобального «Военно-силового противоборства» в первом периоде этапа

2016–2025 годов заключается в постоянном усилении давления на Россию с целью радикализации социально-политической обстановки в стране посредством создания внутренних условий и сил, способных изменить политику страны. Речь идет не о внешнем давлении с целью обострения кризисных явлений, как при реализации первого принципа, а о создании внутри правящей элиты и общественности социальных групп, способных изменить политический курс страны. С Владимиром Путиным или без него, но в представлении лидеров западной ЛЧЦ, Россия должна признать сложившийся мировой политический и финансовый порядок во главе с США.

Подобная тактика в свое время успешно применялась в СССР против М. Горбачева, когда давление «демократических слоев» общества заставляло его идти на бесконечные уступки Западу, а нередко и на заведомо глупые и предательские шаги. Позже, при Б. Ельцине, этот принцип оказался не просто ведущим, но и наиболее популярным: принимаемые Россией решения полностью находились в русле западной политики и соответствовали интересам западной ЛЧЦ.

Вместе с тем, реализация четвертого принципа возможна только при вполне определенных условиях. В том числе и при формальном смягчении градуса противоборства. Очевидно, что создавать и активизировать прозападные силы в условиях открытой конфронтации трудно. Поэтому на Западе активно применяется тактика «хорошего и плохого полицейского», когда одни представители западной элиты выступают с резкими антироссийскими заявлениями, нагнетают напряженность и требуют «остановить Путина», в то время как другие на словах демонстрируют доброе отношение к России и ее руководству, одновременно предлагая различные «компромиссы».

На поверку эти «компромиссы», в случае их принятия российской стороной, неминуемо приведут к отказу от принципиальной линии и постепенной сдаче позиций страны, как это происходило при М. Горбачеве. Однако такая тактика открывает для прозападных кругов российской элиты возможности по манипулированию общественным мнением страны и определенному воздействию на руководство страны. Эта тактика позволяет представлять Запад не в качестве врага, каковым он, безусловно, является, а в качестве партнера, с которым имеются лишь небольшие разногласия

и который, на самом деле, желает улучшить отношения. А для их улучшения надо то, всего-ничего, пойти на некие, вполне приемлемые на первый взгляд, договоренности.

В середине 2015 года Запад рассматривал два варианта воздействия на Россию в соответствии с вышеизложенными принципами. Первый предусматривал дестабилизацию ситуации в России путем дальнейшего раскручивания ситуации на Украине. Этот вариант обострения социально-политической обстановки в России исходил из необходимости дальнейшей контролируемой эскалации военного конфликта, расширения его масштаба, интенсивности и территории.

Второй вариант делал основной упор на российские оппозиционные силы и пятую колонну в руководстве страны, которые должны были эксплуатировать народное недовольство, вызванное ухудшением социально-экономической ситуации под воздействием западных санкций. Это происходило бы при одновременном снижении военного противостояния на Донбассе.

К концу 2015 года стало очевидно, что ставка делается на второй вариант, а ситуация на Украине временно замораживается. Это, видимо, было связано с тем, что обострение ситуации на Украине, как показывал предыдущий опыт, только подстегивало патриотические и антизападные настроения в России. В этих условиях ослабление поддержки Президента Путина и укрепление позиций прозападных кругов было бы малореальным.

Учитывая стабильность режима В. Путина, «растянуть» переход к политической дестабилизации на более длительный срок, за который можно было бы нанести основные удары именно по авторитету В. Путина и его руководства. Это можно назвать принципом перехвата информационной инициативы, когда действия в информационном пространстве фактически заменяют, на какое-то время (иногда весьма длительное), реальные шаги по развалу государства, либо существенно опережают их.

Действия на Украине в 2014–2016 годах показывают, насколько такая информационная политика в действительности становится откровенно провокационной и дезинформационной. Ее задача сформировать «виртуальную реальность», которая будет заменять действительность и служить политико-пропагандистским прикрытием усилий по дестабилизации. Сетевая и сетевая

ская стратегия становятся реальным практическим содержанием этой внешне бессодержательной политики, достигающей вполне реалистических и конкретных целей. Так, за набором внешне бессодержательных и беспочвенных деклараций, указов и решений на Украине в 2014–2016 годах проводилась реальная политика русофобии.

6.3. Обоснование периода завершения военно-технической подготовки для ведения глобальных военных действий западной локальной человеческой цивилизации

Чтобы добиться победы над Ираком, Соединенным Штатам пришлось послать в Персидский залив 75% действующих тактических самолетов, 42% современных танков, 46% авианосцев, 37% военнослужащих из армии и 46% морской пехоты... Военные безопасность по всему миру все больше зависит не столько от глобального распределения сил и шагов сверхдержав, сколько от распределения сил в каждом регионе и действий стержневых государств цивилизаций

*С. Хантингтон,
политолог*

Угроза национальной безопасности — совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам

Стратегия национальной безопасности России

Основной акцент периода 2018–2021 годов будет сделан на завершении военно-технических программ, начатых в прежние годы. Для обеспечения эффективности своей силовой политики США требуются военные гарантии, прежде всего, в отдельных регионах, таких, например, как Евразия, которые выражаются в наличии превосходства, как в военной мощи, так и в качестве ВиВСТ. Прежде всего, речь идет о средствах воздушно-космического нападения (ВКН), эффективность которых за последние 20 лет резко возросла.

Так, если сравнивать две войны США в Ираке (1991 г. и 2003 г.), то получается, что в 2003 году значительно меньшими силами (менее 1000 самолетов в 2003 г. и более 2000 самолетов в 1991 г.), в меньшие сроки (21 день и 38 дней соответственно) было уничтожено почти в 5 раз больше целей (19 900 объектов против 4500).

В этой связи обращает на себя внимание массивное строительство в области средств ВКН, предпринятое США в последние годы и рассчитанное до 2025 годов.

Естественно, что подготовка и реализация данного периода требует много ресурсов и среди них главного ресурса в условиях обострения МО и ВПО — времени. Авторы стратегии западной ЛЧЦ отдают себе в этом отчет. В этих целях, как показывает опыт Украины, могут быть задействованы не только все материальные военно-технические и экономические ресурсы военно-политической коалиции западной ЛЧЦ, но и тысячи НКО и различных «центров» одновременно. Результат их деятельности начнет сказываться уже через несколько месяцев, хотя изначально они рассчитаны на долгосрочную перспективу. Сетевой принцип организации таких структур и отдельных индивидуумов позволяет создать огромную сеть в течение короткого отрезка времени. Эта сеть становится почти мгновенно политическим ресурсом созданного в виртуальном пространстве «облачного противника», при том понимании, что любые сетевые возможности усиливают, прежде всего, власть государства и корпораций, обладающих ими⁶.

Необходимо напомнить в этой связи, еще раз, что главной целью варианта системного политического противоборства и сетецентрической войны являются не прежние традиционные цели — оккупация столицы, разгром ВС, уничтожение военного потенциала противника, — а установление контроля над политическим руководством страны или его уничтожение и замена на элиту, признающую новые нормы. Поэтому контроль над В. Путиным и поддерживающими его соратниками в настоящее время — главные цели такой уже ведущейся войны⁷. Они должны либо подчиниться «правилам международного поведения» (т.е. контролю со стороны

⁶ Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрова. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 597–607.

⁷ Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — 169 с.

западной ЛЧЦ), либо быть лишены не только власти, но и жизни. Последнее делается, как правило, демонстративно жестоко «в назидании» действующим пока лидерам. Примеры Чаушеску, Хонеккера, Хусейна, Милошевича и Каддафи не случайно наглядно демонстрируют лидерам других стран, что и как это может быть сделано: беспощадно, публично, оскорбительно. Эту известную схему изменения приоритетов и целей политики в США сформулировали еще несколько десятилетий назад и настойчиво и последовательно реализуют с тех пор, не меняя по сути концепции, которая, как им кажется, себя полностью оправдала.

В настоящее время (2015–2017 гг.) такими наиболее приоритетными целями являлись Х. Асад, В. Янукович и В. Путин. Свержение В. Януковича и война против Х. Асада (при всех видимых различиях) обладают одной общей чертой: весь силовой инструментарий — от экономических санкций до политико-дипломатического и информационного давления — был обеспечен угрозой и скрытым (но фактически имевшим место), и прямым применением военной силы. В этих целях, с одной стороны, применялись меры по дезорганизации институтов государства (на Украине, например, было смещено до 95% руководства службы безопасности и правопорядка), но, с другой, проведена мобилизация вооруженных формирований оппозиции и создана сеть экстремистских и террористических организаций.

Таким образом, главной особенностью периода завершения военно-технической подготовки западной ЛЧЦ к масштабной войне является не только создание эффективного традиционного военного потенциала, но и:

- создание потенциала для ведения системных сетецентрических войн;
- создание потенциала для ведения войн на территории противника на базе экстремистских, террористических и оппозиционных группировок.

Переход к следующему этапу развития враждебного сценария МО предполагает, таким образом, создание не просто организованной оппозиции, а именно вооруженной оппозиции, способной пусть на частные, местные, но силовые в т.ч. вооруженные акции. До мая 2015 года такие акции проводились преимущественно на Кавказе, но опыт всех революций в России, однако, свидетельствует,

что очень важно вооруженное выступление против власти именно в столицах и других крупных городах.

Таким образом, перед западной стратегией развития сценария МО в 2016–2021 годы по формуле сетцентрической войны стоит задача усиления всех элементов системы давления на Россию с тем, чтобы в стране появилась социальная группа или силы, способные к открытому силовому противостоянию с властью. Учитывая, что легальная оппозиция режиму В. Путина не смогла этого пока обеспечить, необходимо будет — следуя логике форсирования противостояния — активизировать системное воздействие на Россию по всем направлениям, включая переход к активным действиям в военно-силовой области.

Прогнозировать подобное развитие событий — крайне неблагоприятная задача потому, что проявления такого силового давления могут быть (и будут) в самых необычных формах, местах и растянуты по времени. Так, к ним могут быть отнесены не только откровенно диверсионные акты, но и активизация бандитского подполья на Кавказе, провокации на границе с Украиной, диверсии на транспорте и т.п. То есть активные мероприятия, суть которых одна: переход противостояния с Россией в вооруженную фазу, превращение силовой борьбы в вооруженную борьбу против политического режима. Период 2018–2021 годов может, таким образом, быть назван периодом **перехода к фазе масштабной вооруженной борьбы** западной ЛЧЦ не только против исламской, но и против российской ЛЧЦ⁸.

Важно помнить и о том, о чем, как правило, всегда почему-то забывают, а именно: внешне благоприятная политическая стабильность может резко смениться на радикальные выступления, вооруженное противостояние и хаос. Это происходит потому, что люди не хотят верить в реальность радикальных изменений и далеко не всегда обнаруживают очаги напряженности, даже если они и заметны. Ни в 1917 году, ни в 1991, ни в 1993 году никто не предполагал переход политического конфликта в вооруженную и даже военную стадию. Не предполагалось такое развитие событий на Украине еще в ноябре 2013 года. Скрытая подготовка

---

⁸ Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — 169 с.

развития такого сценария ведется и в России. По сути, она мало отличается от украинского или сирийского сценария, но масштаб, стабильность режима в России, традиционная система ценностей вносят, естественно, серьезные поправки. Важно отметить, что стратегия западной ЛЧЦ по отношению к России от этого:

- во-первых, не меняется. Она носит долгосрочный характер. Как и на Украине, в начале 1990-х годов, когда начался уже открыто реализовываться сценарий развития русофобства, мало кто верил в его реалистичность. Но в США выстраивали долгосрочную стратегию, рассчитанную на десятилетия, а не на тактические результаты при любой администрации;
- во-вторых, суть стратегии «принуждения России к послушанию и подчинению» не меняется из-за ее особенностей, которые просто учитываются в общем алгоритме действий западной ЛЧЦ, который показал бывший советник НГШ ВС РФ М. Хамзатов следующим образом (рис. 6.4⁹)

Таким образом, существующие в настоящее время основные принципы стратегии западной ЛЧЦ в отношении России на 2016–2021 годы свидетельствуют о долгосрочной тенденции эволюции сценария глобального «Военно-силового противоборства» в сторону уже не только силовой, но и реальной вооруженной борьбы. Альтернативой развития такому сценарию в эти годы может служить только гипотетическая смена политического курса и признание за США права на сохранение сложившейся после холодной войны финансово-экономической и военно-политической системы в мире. То есть фактически капитуляция.

Следовательно, можно ожидать, что к 2021 году МО будет сформирована по «пессимистическому» варианту развития сценария глобального «Военно-силового противоборства» и **в дальнейшем (до 2025 года) будет одновариантной**. Если до 2021 года еще можно ожидать, что МО будет колебаться в зависимости от множества субъективных факторов между «реалистическим» и «пессимистическим» вариантами этого сценария, то после 2021 года она устойчиво приобретет характер «пессимистического» варианта.

---

⁹ Хамзатов М. М. «Облачный противник»: новая угроза международной безопасности / Доклад на конференции «Современные аспекты международной безопасности». — М.: МГИМО–Университет, 2014. 9 апреля.

Создание «пятой колонны»:
<ol style="list-style-type: none"> 1. поддержка псевдоопиты, псевдодибралов, националистов и различного типа авантюристов; 2. внедрение в сознание молодежи мысли о превосходстве западного образа жизни...
Усиление религиозной розни:
<ol style="list-style-type: none"> 1. активное внедрение ортодоксальных течений различных религий в массы; 2. высмеивание Православия; 3. демонизация мусульманства; 4. оскорбление атеистов
Формирование центробежных тенденций:
<ol style="list-style-type: none"> 1. Дискредитация властной вертикали; 2. Подготовка и активная помощь сепаратистам: <ul style="list-style-type: none"> • переписывание истории; • финансовая и информационная поддержка псевдонаучных исследований «уникальности» той или иной нации (категории населения); • «объяснение» жителям того или иного региона России, что они НЕ русские, а казаки, фино-угры, сибиряки, поморы и т.д.; • убеждение мусульманских народов России в их «закабалении» русскими; • внушение жителям Сибири и Дальнего Востока мысли о значительном экономическом развитии регионов если «перестать кормить Москву»

Рис. 6.4. Способы дестабилизации России

То есть полномасштабная война между ЛЧЦ, как минимум, между российской и западной, становится после 2021 года фактически неизбежной. Правда, нельзя также исключать, что в эту войну будут, так или иначе, вовлечены мусульманская, китайская и латиноамериканская цивилизации.

Все варианты развития сценария глобального «Военно-силового противоборства» предполагают после 2021 года усиление силового воздействия на внутреннюю политику государств и цивилизаций. Более того, можно сказать, что после 2021 г. основной акцент в силовой и собственно военной области противоборства будет сделан именно на ведении операций по уничтожению государств, его институтов и лишения их национальной самоидентификации.

Конечная цель такой политики — превращение государства и его институтов в контролируемый субъект международных отношений, строго выполняющий те законы, нормы и указания, которые формулируются западной ЛЧЦ. Такая цель в обязательном порядке предполагает, в конечном счете, разрушение государства, его институтов, как наиболее эффективных инструментов управления обществом и нацией, и замена этих институтов на контролируемые или подконтрольные структуры, которые в этом качестве начинают выполнять антигосударственные функции. Если такая главная и конечная цель достигается, то уже нет необходимости

ни в уничтожении армии и правоохранительных органов, ни в оккупации территории, ни в захвате столиц и др. традиционных целях войны.

Собственно поэтому основной акцент в военно-силовом противоборстве будет делаться на борьбе с государством, его институтами и структурами. Так, например, к началу военного переворота на Украине уже было заменено до 95% руководства МВД и СБУ страны, а армия фактически самоликвидировалась. Именно поэтому диверсионные сетецентрические операции против руководства страны оказались успешны с самого начала. У В. Януковича уже фактически не оставалось подконтрольных ему силовых структур, а у оппозиции к тому времени уже были созданы таковые.

6.4. Обоснование периода военно-силового использования мощи западной локальной человеческой цивилизации для утверждения норм и правил, соответствующих системе интересов и ценностей этой локальной человеческой цивилизации

В сети информация равносильна власти. Сеть усиливает голоса обладающих властью..., а в киберпространстве... власть принадлежит корпорациям и государству. Великими державами киберпространства являются заказные технологические компании. По своему влиянию они сопоставимы с правительствами КНР, Индии, России и США

*Б. Макконнелл,
политолог (США)*

... в обозримом будущем мы должны уделять большее внимание угрозам, исходящим от государств (а не террористов. — А. П.)

Военная стратегия США, 2015

Период наиболее активного военно-силового использования мощи всей западной ЛЧЦ для утверждения новых норм и правил, соответствующих современным интересам и ценностям, можно

отнести к 2021–2025 годам, хотя фактически Запад начал пере-страивать «под себя» МО уже с 90-х годов XX века. Югославия (1999), Ирак (2003), а так же Афганистан, Ливия, Сирия и Украина и целый ряд других войн и военных конфликтов, укладываются в эту долгосрочную стратегию США. Если вновь обратиться к использованной нами модели политического процесса, то этот период в развитии МО будет означать усиление влияния внешних факторов на систему национальных ценностей и интересов с тем, чтобы деформировать их под стандарты западной ЛЧЦ.

Конечно, это давление существовало и в предыдущие периоды. Оно является характерной чертой всего современного этапа развития сценария «Военно-силового противоборства ЛЧЦ», но именно в этом периоде, вероятно, может произойти качественная смена парадигмы: либо под военно-силовым давлением российская ЛЧЦ капитулирует и «подгонит» свои нормы под «международные», «универсальные» нормы западной ЛЧЦ, либо военно-силовая фаза перейдет в открытую, вооруженную фазу противоборства.

Другое дело, что остатки сохранившейся международно-правовой системы и определенная степень сохранившихся суверенитета не только России, но и даже союзников США (например, Франции и Германии в вопросе о войне в Ираке) мешают Вашингтону полномасштабно использовать эту стратегию. Можно предположить, что когда США удастся завершить реализацию ряда условий, то эта стратегия будет использована полностью, а именно:

- максимально сплотить вокруг лидера западной ЛЧЦ — США — остальных членов военно-политической коалиции, ограничив их суверенитет и создав дополнительные институты этой коалиции (например, ТТП и ТАП);
- максимально реализовав программы развития ВС и ВиВСТ, начатые с конца 90-х годов XX века (которые вылились в 100% увеличение военного бюджета США за одно десятилетие), завершив развертывание новых видов и систем оружия, прежде всего, гиперзвукового, ВТО и систем ПРО;
- максимально ослабив своих потенциальных оппонентов, прежде всего Россию, создав для нее трудности в международной и внутривосточной областях, а также «продвинув» ЕС и НАТО на восток;

- наконец, к этому периоду завершится создание системной и сетевой системы управления государством, обществом и вооруженными силами. Эта система силовых и военных средств принуждения, объединяющая инструменты «жесткой силы», «мягкой силы» и «умной силы» в некую систему силового принуждения, т.е. будет создана система принуждения и система управления принуждением. Как пишет известный американский политолог Б. Макконнелл, «...Во-первых, благодаря превращению «каждого оружия в сенсорный датчик» командиры тактического звена гораздо лучше осведомлены о текущей обстановке на поле боя и даже приобретают известную автономию действий, но тем не менее остаются под гибким руководством центрального командования. Равным образом способность центра узнавать в режиме реального времени обо всех изменениях обстановки на театре военных действий порой зависит от CNN не в меньшей степени, чем от донесений нижестоящих командиров. Иногда командиры среднего звена получают от главного командования запросы относительно происшествий, о которых им самим еще не докладывали с передовых позиций. При такой динамике событий центр вынужден брать оперативное управление рассредоточенными на большой территории силами на себя¹⁰.

Иными словами формирование сети в вооруженных силах не ведет к децентрализации — чего по-прежнему боятся военачальники в России, — а, наоборот, позволяет контролировать обстановку, в том числе минуя промежуточные звенья, по вектору «штаб-солдат».

И другой, очень важный вывод. В XXI веке эффективность экономики, общества и, конечно же, военных, будет во многом определяться степенью их творческих возможностей, «креативности», которая, в свою очередь, во многом будет зависеть от степени свободы и одновременно управляемости той или иной единицей — подразделением, бригадой, танком, самолетом. Тот же пакет инноваций применяется и в гражданской жизни —

¹⁰ Макконнелл Б. Сетевое общество и роль государства // Россия в глобальной политике. 2016. Март–апрель. — №2. — С. 133.

в данном случае в области государственного управления, — считает Б. Макконнелл: «Сегодня мы наиболее отчетливо наблюдаем такие сдвиги в Китае, где проводятся полевые испытания новой сетевой системы государственного управления. У большинства китайцев есть мобильные телефоны, благодаря которым центр осведомлен об их местонахождении. Кроме того телефоны образуют невиданную прежде сеть сенсорных датчиков, способную повысить эффективность борьбы с коррупцией, которую ведет председатель Си Цзиньпин, в том числе на государственных предприятиях, где 600 млн „гражданских журналистов“ записывают на мобильные телефоны неблагоприятные поступки горе-чиновников»¹¹.

При реализации базового сценария противоборства после 2021 года параллельно с эскалацией военных приготовлений и подготовкой к оккупации России будет происходить опережающая их эскалация самых разных силовых действий и спецопераций по демонтажу государства, включая экстремистские и террористические. Пример с Украиной — очень наглядное подтверждение базовой модели такой эскалации, когда захват силовых органов страны и дезорганизация их деятельности привели к параличу власти и не потребовали прямого военного насилия, которое неизбежно было бы связано с серьезными рисками. Сочетание политического использования военной силы (угроз В. Януковичу) с дезорганизацией институтов государства привело к быстрой победе Запада¹². У западной ЛЧЦ уже сегодня сложился устойчивый алгоритм по демонтажу государства, который может быть использован в эти годы уже против России и КНР.

Этот алгоритм совершенствуется постоянно и после 2021 года будет представлять собой более сложную и эффективную систему, полностью интегрирующую все средства силовой и вооруженной борьбы — от космической разведки до активности человека, завербованного для работы в социальной сети.

¹¹ Макконнелл Б. Сетевое общество и роль государства // Россия в глобальной политике. 2016. Март–апрель. — №2. — С. 133.

¹² Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрова. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 577–595.

По сути дела все эти действия — специальный период системной и сетцентрической войны против России, который сознательно организован и управляем извне. К 2016 году стало уже окончательно ясно, что такие мероприятия стали контролироваться руководством ВС в ряде западных государств, но и в ЕС и НАТО. Вероятно, один из первых примеров внешнего управления ВС относится к руководству пакистанским генштабом моджахедами в Афганистане в 80-е годы XX века. Позже эта практика широко применялась в других странах. Этот период активного развертывания специальных операций может сопровождаться прямыми военными действиями, но гораздо безопаснее, — по мнению Запада — если он будет проходить без внешнего, прямого вооруженного вмешательства. Во всяком случае видимого и официально признаваемого. Именно так как это произошло в 2014–2015 годах на Украине¹³.

Важно подчеркнуть, что разработка средств противоборства со стороны России в период 2017–2025 годов будет проходить в условиях, когда военный бюджет должен будет оставаться на прежнем уровне, а ГПВ — 2025 в целом останется в масштабах прежних расходов. Это означает, что новые средства противоборства, создаваемые в рамках прежнего бюджета, предстоит разрабатывать за счет сокращения военных расходов по некоторым прежним статьям, либо за счет собственной финансово-хозяйственной деятельности предприятий ОПК. Так, модернизация трех комплексов в Концерне ВКО «Алмаз-Антей» в течение 5 лет потребовала 160 млрд рублей, из которых 140 составили собственные средства предприятий концерна¹⁴.

Кроме того надо также понимать, что совершенно новое качество приобретают в такой цивилизационной военно-силовой борьбе негосударственные субъекты международных отношений, чья сила и влияние становятся сопоставимы с государственными (что также требует затрат). Например, «Правый сектор», или «ИГИЛ», которые становятся новым международным фактором

¹³ Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — 169 с.

¹⁴ Сафронов И., Сапожков О. Битва при бюджете // Коммерсант, 2016. 4 июля.

в ведении военных действий. Проблема сегодня заключается, однако, в том, что наша военная наука и искусство традиционно воспринимают в качестве субъекта вооруженного противостояния только государства, их военные организации и их вооруженные силы (хотя война в Афганистане и военные операции на Кавказе и внесли свои коррективы), не разрабатывая способов и средств ведения «асимметричных» сетецентрических войн с «облачным противником»¹⁵.

Сегодня, таким образом, «главным противником» может оказаться уже не государство, а некая «общественная организация». Так, сейчас «Исламское государство» как пылесос засасывает в орбиту своего влияния десятки тысяч местных суннитов, — отмечают исследователи МГИМО, — а также боевиков из других исламистских организаций и адептов джихадизма из-за рубежа. По данным американских спецслужб, более одной тысячи боевиков пополняют ряды ИГ ежемесячно, а общее число иностранцев, воюющих на стороне организации, составляет сейчас 16 тысяч человек. По информации западных СМИ, к армии новоявленного «халифата» примкнули около 3 тыс. граждан из Европы, США и республик бывшего СССР, в том числе из России, в основном из Чечни¹⁶. Аналогичные организации могут стать той военной силой, которая будет использована против России на завершающем этапе сетецентрической войны.

В различных вариантах сценария глобального «Военно-силового противоборства», которые будут реализовываться после 2021 года, в конечном счете, победит та ЛЧЦ и то государство, которые смогут обеспечить не только сопоставимую государственную мощь и военный потенциал, но наиболее эффективную, привлекательную и защищенную систему национальных ценностей, эффективную и патриотическую систему государственных и общественных институтов.

---

¹⁵ Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрова. — М.: МГИМО–Университет, 2016.

¹⁶ Феномен «Исламского государства» и борьба с ним: правовые, социально-экономические и политические аспекты. Аналит. записка / подготовлена А.В. Федорченко, А.В. Крылов. М. 2015. Март. С. 3.

6.5. Обоснование необходимости превращения современной военной организации России (государства) в военную организацию локальной человеческой цивилизации (общества и нации) до 2025 г.

Несмотря на демонстрируемый прогресс, в техническом отношении ВКС России в сирийской кампании находятся на уровне американских ВВС периода «Буря в пустыне» 1991 года

*Р. Пухов,
эксперт*

К концу 2018 года Россия, вероятно, компенсирует глубокие провалы своей военной политики 1991–2008 годов и сможет с военно-технической точки зрения считаться вполне современной военной державой. Проблема, однако, в том, что она должна будет после 2018 года:

- сохранить это качество в условиях, когда соотношение ресурсов с западной ЛЧЦ будет 1 : 20;
- суметь ликвидировать технологическое отставание по основным направлениям развития НТР, которое неизбежно приведет не только к экономическому, но и военно-техническому отставанию в создании качественно новых видов и систем ВиВСТ;
- уметь концентрировать и развивать невоенные силовые средства стратегического сдерживания в наиболее важных областях — информационных и социальных технологиях.

Крайне трудно ожидать, что России удастся решить эти задачи при современной военной организации и таком низком качестве государственного и общественного управления.

Учитывая это, в конечном счете, России неизбежно предстоит пересмотр всей концепции военной организации государства, которая пока не учитывает потребностей безопасности, в отличие от американской и не принимает в расчет две важнейшие группы факторов, определяющих в XXI веке мощь военной организации любой страны:

- уровень развития и качество общественных, национальных (негосударственных в целом) институтов общества и нации — от религиозных и профессиональных до молодежных и детских организаций. Именно эти организации в настоящее время (и еще больше в будущем) будут определять качество национального человеческого капитала и мощь, включая военную, страны, нации и ЛЧЦ в целом;
- негосударственные бизнес-структуры за рубежом и внутри самой страны, которые во многом определяют не только экономический, финансовый, оборонный, но и человеческий потенциал того или иного государства¹⁷.

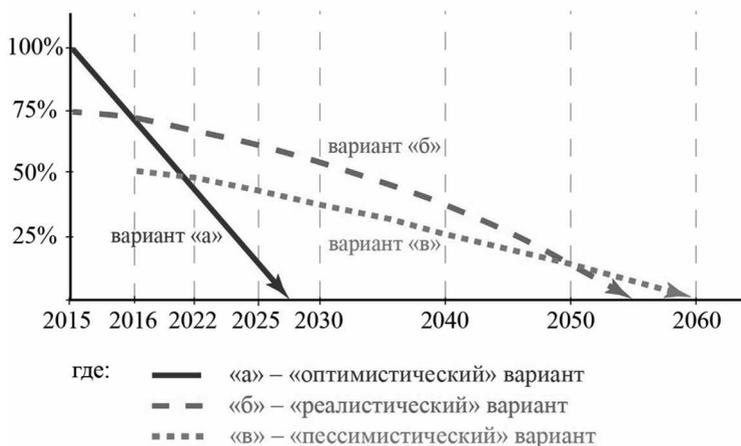
В настоящее время в России существуют лишь самые общие контуры, скромные зачатки в организации этих групп, которые не способны организовать в полной мере эти потенциалы, а тем более противопоставить их внешнему влиянию. Если соотношение в экономике 1:20, то в общественных институтах 1:1000. Очень скромные успехи Общественной палаты, Совета по правам человека при Президенте РФ и других негосударственных институтов и органов власти, содействующих развитию негосударственных институтов, очевидно несопоставимы с новыми задачами, стоящими перед всей военной организацией государства. И еще более эта несоразмерность проявится к 2021 году¹⁸.

Естественно возникает вопрос о том, в каком именно варианте будет реализован сценарий глобального «Военно-силового противоборства» после 2021 года. Пока этот сценарий развивается по «оптимистическому» варианту (с очевидным усилением тенденции на использование военной силы и скатыванию к «реалистическому» варианту еще до 2021 года). Но вопрос о том, какой вариант будет преобладать после 2021 года, остается открытым. Так А. И. Подберезкин писал в 2013–2015 годах¹⁹ и, к сожалению, оказался прав: «оптимистический» вариант сценария практически исчез к 2016 году, а «пессимистический» — превратился в наиболее вероятный.

¹⁷ Подберезкин А. И., Харкевич М. В. Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 430–433.

¹⁸ Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 148–161.

¹⁹ Там же. С. 137–139.

Рис. 6.5. Вероятность реализации одного из вариантов сценария гибридного «Глобального военно-силового противоборства ЛЧЦ»

Приводимая ниже графическая модель вероятностного прогноза, в которой авторы пытаются дать ответ на этот вопрос, была впервые использована в 2013 году, а затем несколько раз уточнялась при помощи экспертов²⁰.

Как видно из рисунка 6.5, наименьшую «нулевую» вероятность имеет «оптимистический» вариант сценария, а наибольшую вероятность, в перспективе после 2021 года, имеют «реалистичный» и «пессимистичный» варианты, что для нас имеет существенное значение: при оценке вероятности любого сценария или его варианта приходится исходить из «худшего» варианта не только потому, что в вопросах безопасности нельзя допустить известной недооценки угрозы, но и потому, что в настоящее время вероятность «худших» вариантов существенно выше, чем «оптимистических» и даже «реалистических».

В конечном счете, можно сделать вывод о том, что в долгосрочной перспективе после 2021 года наибольшую вероятность из всех

²⁰ Подберезкин А.И., Харкевич М.В. Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 431.

возможных сценариев развития МО имеет сценарий глобального «Военно-силового противоборства ЛЧЦ», который может быть реализован в двух наиболее опасных своих вариантах:

- варианте («В») — «пессимистическом» — глобального гибридного силового (вооруженного и невооруженного) противоборства, когда военная сила используется в полном объеме на различных ТВД, вовлекая в такую войну всех участников международных отношений и повышая уровень эскалации вплоть до применения ОМУ;
- варианте («Б») — «реалистическом» — глобального гибридного силового (вооруженного и невооруженного) противоборства, когда военная сила используется в ограниченном масштабе на ограниченных ТВД с привлечением части ведущих стран мира;

И наоборот, вероятность реализации варианта («А») — «оптимистическом», реализуемого в 1990-е гг., будет окончательно исчерпана к 2021 году, хотя изменение ряда условий (внутриполитический конфликт США, развал военно-политической коалиции Запада и др.) может привести к тому, что он останется актуальным и после 2021 года.

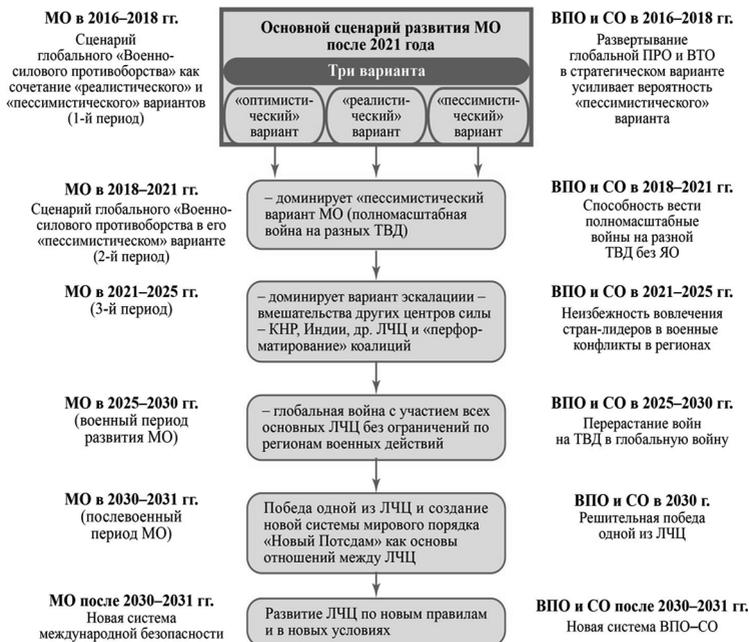
Особую опасность реализации этих двух вариантов развития одного и того же сценария МО представляет то, что они будут нести на себе очень серьезные конкретные черты и особенности ВПО и СО каждого конкретного периода времени после 2021 года. Это, в свою очередь, будет связано, прежде всего, с ускорением военно-технической революции, чьи последствия скажутся радикально как в области ВиВТ, так и средств управления и в военном искусстве. Так, массовое внедрение ВТО и сетцентрических способов управления ВС, например, уже сказалось на развитии МО. Таким образом, переход от одного периода к другому в развитии СО будет решающим образом влиять на развитие различных вариантов МО и их реалистичность.

Если в прежней истории (вплоть до появления ОМУ и средств его доставки) та или иная СО в мире имела подчиненное значение МО и вытекала из нее, являлась «чистым» продуктом, следствием ее развития, то по мере развития ВиВТ, средств управления ими и появления возможностей для ведения гибридных и сетцентрических войн влияние ВПО–СО на формирование сценария

МО постоянно усиливалось. В качестве иллюстрации влияния конкретной СО на МО, в прежние годы, можно привести расположение русских армий перед вторжением коалиции, возглавляемой Наполеоном в 1812 году. То, что три армии находились на разных стратегических направлениях, конечно же, учитывалось Наполеоном, но не более того.

Совершенно другой пример с влиянием СО на МО можно привести, ссылаясь на опыт Суэцкого кризиса 1956 года, когда Н. Хрущев фактически угрожал Великобритании и Франции использованием ядерного оружия, что, безусловно, повлияло на МО в мире и в регионе.

В самом общем виде такая современная «совмещенная» картинка СО и МО может выглядеть следующим образом, что может объяснять растущую зависимость МО от СО, с одной стороны, и ВПО–СО от МО, — с другой (рис. 6.6).

Рис. 6.6. Развитие вероятных вариантов сценария МО после 2021 года и на перспективу до 2045 года

Как видно из этого рисунка-схемы, противоборство западной ЛЧЦ с другими ЛЧЦ будет развиваться по военно-силовому («реалистическому» или «пессимистическому») варианту, продвигаясь достаточно быстро по лестнице эскалации вооруженного конфликта. Этот вариант в 2021–2025 годы переходит в полномасштабную войну на большинстве театров военных действий от Европы и Арктики до АТР без использования ОМУ. Иными словами динамика развития вооруженного противоборства чрезвычайно высока и требует соответствующего политического, государственного и общественного управления из единого центра и с помощью единых средств информации, связи и управления.

В этой связи необходимо предусмотреть комплекс мобилизационно-организационных и политических мер, позволяющих превратить современную военную организацию России (государства) в военную организацию ЛЧЦ (общества и нации).

Кроме того, эта военная организация должна учитывать специфику войны между ЛЧЦ: на втором этапе развития вероятных полномасштабных военных действий между западной и российской ЛЧЦ (2025–2026 гг.) в конфликт неизбежно втягиваются другие ЛЧЦ, прежде всего китайская, индийская и исламская, интересы которых оказываются непосредственно затронутыми в ходе войны. Дело даже не в том, что в войны вовлекаются соседние государства. Дело в том, что ход и исход любой крупной войны неизбежно затрагивает вопросы послевоенного урегулирования, что не может оставить безучастными великие державы, чье влияние в XXI веке усилилось.

На третьем этапе (2026–2029 гг.) можно ожидать превращения глобального военного конфликта с участием всех ЛЧЦ в глобальную войну, которая должна завершиться на четвертом этапе победой одной из ЛЧЦ и возглавляемой ею коалицией, которая будет оформлена с политико-правовой точки зрения в новую систему миропорядка.

Рассматривая подобный гипотетический вариант сценария развития МО и ВПО после 2021 года, следует исходить из того, что это, на наш взгляд, — наиболее вероятный сценарий, реализуемый в нескольких вариантах, из всего множества потенциально возможных сценариев и их вариантов. Некоторые из них описывались как в этой работе, так и в предыдущих работах ЦВПИ,

в частности, в специальной книге «Прогнозирование сценариев развития международной и военно-политической обстановки на период до 2050 года»²¹. Таких теоретически возможных сценариев развития МО может быть несколько. И, естественно, их переход из статуса «возможного сценария» в статус «вероятного сценария» должен внимательно отслеживаться. Более того, их анализ должен всегда сопровождать анализ вероятных сценариев как неожиданная альтернатива.

Вместе с тем, именно наиболее вероятный вариант сценария после 2021 года нас интересует более всего потому, что, в конечном счете, этот вариант, во-первых, окажется, в конце концов, единственным реальным, а, во-вторых, к нему надо готовиться уже сегодня, заранее.

Таким образом, мы наблюдаем очевидное противоречие: с одной стороны, мы не можем «гарантированно» спрогнозировать будущий сценарий развития МО (и его вариантов), а, с другой, — нам в любом случае придется к чему-то готовиться. Разрешить это противоречие можно только выделив из всего спектра возможных и вероятных вариантов сценариев какой-то один, наиболее, «самый» вероятный. И именно этот, наиболее вероятный вариант сценария взять за основу внешнеполитической стратегии и военной политики, базой для стратегического планирования. Надо понимать, что даже теоретически государство и общество не могут одновременно готовиться ко всем сценариям развития МО, а тем более их вариантам: и политически, и идеологически, и организационно. Даже самый точный прогноз может позволить, в конечном счете, указать на наиболее вероятный вектор развития МО, который будет корректироваться множеством конкретных обстоятельств и условий, которые невозможно предусмотреть. И, тем не менее, государство должно выбрать один из базовых прогнозов развития МО, как минимум, для выделения приоритетов своего развития и распределения ресурсов.

---

²¹ Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: моно-графия: в 2 т. / под ред. А.И. Подберезкина. Т.2. Прогнозирование сценариев развития международной и военно-политической обстановки на период до 2050 года. — М: МГИМО, 2015. — С. 693.

Сказанное означает, что прогнозируемый сценарий развития МО и его варианты указывают на необходимость:

- переоценки внешнеполитических приоритетов с учетом приоритета развития военно-силового варианта сценария МО, прежде всего с точки зрения возможных союзников и партнеров;
- пересмотра структуры военной организации России, которая до настоящего времени не включает, как минимум, три крупные группы ресурсов — идеологию, институты гражданского общества и частный бизнес;
- пересмотра планов оборонного строительства с учетом специфики навязываемой системной сетецентрической войны и возможностей экономики в 2016–2025 годах.

Надо признать, что современная «точка отсчета» развития существующего сценария МО уже говорит о начале против России сетецентрической войны и необходимости сделать соответствующие политические выводы. Такое смелое политическое решение, естественно, потребует веского обоснования (хотя никто не может гарантировать абсолютной точности такого обоснования), которое имеет огромные последствия для государства. От этого зависит ресурс времени, который является очень важным, а иногда и невозполнимым ресурсом. Ошибка, например, в оценке со стороны руководства СССР с точной датой войны с Германией на 2–3 недели (т.е. радикального изменения ВПО) привела не только к разгрому в короткие сроки Западного и Юго-Западного фронтов СССР, потере миллионов солдат, тысяч танков и самолетов, но и изменению в МО — вступлению на стороне Германии в войну целого ряда европейских государств, которые поспешили присоединиться к будущему победителю.

Подготовка к современной войне занимает уже не годы, а десятилетия. Она требует не только новых НИОКР, но и фундаментальных социальных исследований, разработки новых технологий, а также существенных корректив в существующей военной организации государства и управлении страной, обществом и вооруженными силами, нового качества национальной мобилизации.

В нашем случае, когда руководство страны ориентируется на негативные сценарии, допускается высокая вероятность экстраполяции нынешнего негативного сценария развития МО (и его «реалистического» варианта) не только до 2021 г., но и далее. При

этом «точка отсчета» перехода «реалистического» варианта в «пессимистический» может быть пройдена уже в 2017–2018 годах, а с 2021 года прогнозируется доминирование «пессимистического» варианта сценария, а именно перехода системного и сетецентрического противоборства в открытую фазу вооруженной борьбы на всех ТВД.

Это означает, что системность и сетецентричность в использовании всех сил и средств западной ЛЧЦ против России будут в значительной степени трансформированы в ведение уже не только силовой, но и открытой вооруженной борьбы. Та ведущая гибридная война против России, о которой в апреле 2015 года говорил командующий Западным военным округом А. Сидоров, будет существенным образом трансформирована в вооруженную борьбу сразу на нескольких ТВД, а затем и глобально. В немалой степени именно «благодаря» нарастающему в 2015–2021 годы противоборству между ЛЧЦ²².

Таким образом, признание в качестве наиболее вероятного «пессимистического» варианта развития сценария глобального «Военно-силового противоборства ЛЧЦ» после 2021 года диктуется не только соображениями логики развития МО, но и обстоятельствами вынужденного характера: для нейтрализации негативных последствий развития подобного негативного сценария МО необходимо уже в настоящее время принять срочные и масштабные меры, включая мобилизацию национальных ресурсов, от которых после 2021 года будет зависеть выживаемость государства и нации. Учитывая бескомпромиссность межцивилизационного противоборства, беспрецедентные риски сохранения национальной идентичности и государственного суверенитета требуют исходить именно из этого, «худшего» сценария.

---

²² Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М: МГИМО, 2015. — С. 13.

ГЛАВА 7
Сценарии развития
международной обстановки
в Евразии в стратегической
перспективе
(до 2050 года)

Я убедился, что его подход
(цивилизационный подход С. Хантингтона. — *Авт.*)
важен не только для понимания современных мировых
отношений, но и для рационального воздействия на них

З. Бжезинский

... подобная стратегия в отношении России
бескомпромиссна по своим целям,
хотя и может несколько отличаться (в отдельных
вариантах) по своим средствам ... С точки зрения
геополитической, Россия как нация и государство
должны быть ликвидированы...

А. Подберезкин, М. Харкевич

Разработка долгосрочного прогноза развития такого много-
факторного явления, каким является международная обстановка,
требует подробного обоснования. В противном случае читателю
предлагается простая декларация, за которой (в лучшем случае)
может стоять экспертная оценка (оценки) или субъективное су-
ждение, вера или иррациональные объяснения. Авторы уверены,
что в итоге анализа и прогноза развития МО должно находиться
обоснование, опирающееся на концепцию и методологию. В дан-
ной работе методология¹ рассматривается, прежде всего, как уче-
ние об организации теоретической и практической деятельности
субъектов и акторов, формирующих МО. В том числе — как ее
часть — в Евразии. В своей совокупности она представляет собой
достаточно сложную систему методов, используемых в настоя-
щей работе. И количество этих методов и методик должно быть

---

¹ **Методология** — зд. тип сознания, направленного на разработку, со-
вершенствование и изучение методов теоретической и практической де-
ятельности в области международных отношений.

максимально широким, учитывая сложность и динамизм такого объекта как МО. Так, на разных этапах в работе используются такие методы, как:

- наблюдение;
- индукция;
- дедукция;
- анализ;
- прогноз;
- синтез;
- сравнение и сопоставление;
- моделирование;
- социологические опросы и др.

Мы полагаем, что только системное и комплексное использование самых разных методов может претендовать на адекватность и объективность, но, главное, иметь практическую ценность. Этой задачи были посвящены несколько работ ЦВПИ МГИМО в 2013–2016 годы². Вместе с тем мы отдаем себе отчет в том, что социальная область вообще, а международно-политическая, в особенности, является областью, где субъективные и иррациональные факторы оказывают очень сильное влияние, оставляя своего рода обязательный «зазор» для научного исследования.

Именно практические потребности внешней и оборонной политики являлись ведущими при использовании тех или иных методов в работе. Так, методологическое обоснование того или иного наиболее вероятного варианта сценария развития МО необходимо для того, чтобы:

- спрогнозировать наиболее вероятные варианты развития такого сценария (которые могут иногда существенно отличаться друг от друга даже в рамках одного сценария) с тем, чтобы максимально эффективно с точки зрения времени и ресурсов, разработать необходимую стратегию противоборства;

---

² См., например: Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А.И. Подберезкина. — М.: МГИМО–Университет, 2015. Т.1. Теоретические основы системы анализа, прогноза и планирования внешней и оборонной политики. 2015. — 796 с.; Т.2. Прогнозирование сценариев развития международной и военно-политической обстановки на период до 2050 года. 2015. — 722 с.

- максимально точно спрогнозировать развитие военно-политической обстановки, вытекающей из развития этих отдельных вариантов базового сценария МО;
- сделать соответствующие предложения для стратегии национальной безопасности, военной доктрины и военного планирования России, исходя из необходимости максимально эффективного использования ресурсов не только России, но и всей ЛЧЦ. Так, проект Стратегии национальной безопасности РФ, подготовленный исходя из предложенного в работе наиболее вероятного варианта сценария развития МО и ВПО до 2050 года (получившего название «Военно-силовое противостояние западной ЛЧЦ»), должен отражать, прежде всего, основные особенности существующей и будущей МО и соотношения сил между ЛЧЦ и центрами сил в мире.

При этом мы исходим из того факта, что развитие этого варианта необходимо разбить на два этапа — среднесрочный (до 2025 года) и долгосрочный (до 2050 года) потому, что развитие базового сценария до 2025 года, т.е. в среднесрочной перспективе, будет происходить в рамках уже известных сегодня политических, экономических и технологических парадигм, преимущественно «их простой экстраполяции» на будущее.

В то же самое время (т.е. еще до 2025 года), параллельно будут зарождаться и уже зарождаются новые будущие парадигмы, которые станут основой для будущих сценариев развития МО уже после 2025 года. Это означает, что до 2025 года необходимо ориентироваться по сути дела на два разных стратегических прогноза: один, основанный на существующих парадигмах, а другой — на основе нарождающихся, которые будут доминировать уже после 2025 года. В данном разделе предлагается рассмотреть именно методологическое обоснование вероятности реализации этих двух прогнозов.

7.1. Наиболее вероятные варианты развития сценария «Военно-силового противоборства ЛЧЦ» до 2050 года (на основе известных парадигм)

Мировое равновесие, и без того ставшее шатким, как никогда, окажется обреченным на новые невиданные испытания

*И. Ильин,
русский философ, 1950 г.*

... наше осознание особенностей различных цивилизаций требует от нас... ориентации на межцивилизационные коалиции, на взаимное уважение и сдержанность в стремлении управлять другими нациями

З. Бжезинский

Методологически, особенно важное значение для долгосрочного прогноза развития МО до 2050 года на основе известных парадигм имеют такие методы (обязательно используемые системно и комплексно), как:

- сценарное программирование МО и вытекающей из нее ВПО, включая ее важнейший аспект — Евразию;
- моделирование МО и, как следствие, ВПО в мире и в Евразии;
- анализ закономерностей развития ЛЧЦ и др. субъектов МО в мире и в Евразии;
- сопоставление и сравнение потенциалов ЛЧЦ, субъектов и акторов МО, а также ряда других факторов и тенденций в мире и в Евразии.

Так, еще в 1950 году русский философ И. Ильин спрогнозировал развитие международной обстановки, пожалуй, по худшему сценарию «расчленения России», включая отделение Украины от России. Удивительно точный прогноз подтвердился чуть более чем через 40 лет, доказывая в очередной раз, что интуиция, основанная на знаниях, и прогноз, основанный на глубоком качественном анализе цивилизационных основ, имеет огромную (по-Бжезинскому) «практическую значимость».

Применительно к задаче долгосрочного прогноза развития МО и ВПО, мы можем сегодня говорить, опираясь и исходя из

знаний, фактов и тенденций, которые нам относительно известны в 2017 году в виде общепринятых парадигм, которые подвергаются сомнениям и оспариваются меньшинством научной общественности. Именно в рамках этой парадигмы сложилось представление о том, что из всех возможных сценариев развития МО в начале XXI века наиболее вероятным сценарием является сценарий «Военно-силового противоборства ЛЧЦ».

Этот сценарий уже до 2025 года может быть реализован, как уже говорилось выше, в нескольких вариантах. Соответственно каждый из вариантов такого сценария предполагает наличие, как минимум, одного варианта развития ВПО в самых различных аспектах и регионах. Для нашего прогноза до 2050 года принципиально важно:

- определить направленность развития этих вариантов МО и ВПО после 2025 года, т.е. экстраполировать их на будущее;
- не менее важно определить вероятность их противоречий друг с другом или другими факторами;

Так, например, в настоящее время достаточно точно и уверенно можно говорить о долгосрочной политике США в области создания систем ПРО и ВТО. В том числе и о намерениях военно-политического руководства страны, которые достаточно четко прогнозируются в отношениях России не только к 2025 году, но и значительно дальше. По оценкам главного конструктора Концерна ВКО «Алмаз-Антей» П. Созинова, они представляют из себя очевидное стремление создать потенциал неядерного ВТО, способного выполнять стратегические функции³.

Это стремление и этот потенциал, создаваемый не только США, но и всей западной ЛЧЦ, определенно рассчитан на долгосрочную перспективу и развитие самых широких возможностей. Так, если говорить о системе ПРО в Евразии, то в Японии и акваториях будут развернуты не только морские системы «Иджис», но системы «Пэтриот» и «Тхаад», которые смогут «плотно» закрыть все юго-восточное направление западной ЛЧЦ не только от угроз со стороны КНДР, но и России и КНР.

---

³ Созинов П. А. Направления развития системы воздушно-космической обороны Российской Федерации / доклад. — М.: МГИМО—Университет, 2014.

Таким образом, мы исходим из предположения о том, что после 2025 года МО, в т.ч. в Евразии, будет развиваться по прежнему сценарию «Военно-силового противоборства ЛЧЦ», в одном из его более «невоенных», менее рискованных с точки зрения глобальной войны, вариантов. Вероятнее всего «Варианта №1», который выше мы называли «оптимистическим» вариантом.

В данном случае мы исходим из того, что наиболее опасные варианты силового сценария до 2025 года были не использованы, либо применены неудачно, а сложившееся после 2025 года соотношение сил в мире и новые риски потребовали от правящей элиты западной ЛЧЦ большей осторожности. Это же означает, что риск использования в массовом масштабе военной силы снизился в результате переноса основных акцентов в силовом противоборстве на новые силовые инструменты политики, появившиеся на рубеже 2025 годов. Это также означает, что парадигма развития МО и ВПО после 2025 года сохраняется. В целях краткости, мы обозначим эту парадигму (Сценарий «Военно-силового противоборства ЛЧЦ») как «Парадигму» развития МО после 2025 года под №1.

Важно также принять допущение, что эволюция базового сценария от «Варианта №3» к «Варианту №1» в Евразии объясняется появлением после 2025 года в АТР не только новых экономических и технологических гигантов — КНР, Индии, Индонезии, — но и их превращением в гигантов военно-политических, которые изменят неизбежно не в пользу США и западной ЛЧЦ соотношение сил в Евразии. Соответствующее повышение степени рисков военного столкновения не компенсирует, по мнению ведущих аналитиков США, возможные преимущества. Так, в исследовании РЭНД-корпорации, сделанном в 2016 году по этому поводу, риски возможного военного конфликта оцениваются как неприемлемые.

Еще раз в этой связи оговоримся, что для практических задач, решаемых предлагаемой методологией, у выбранной нами «Парадигмы №1» соответствующей базовому сценарию развития МО, есть несколько вариантов, из которых мы выбрали «Вариант №1» развития ВПО и соответствующих конкретных СО, войн, конфликтов и даже инцидентов, основываясь на анализе и прогнозе основных известных парадигм развития человеческой цивилизации до 2016–2017 годов. И это вполне естественно, ведь мы не можем экстраполировать развитие неизвестных парадигм. В этой

Рис. 7.1. Модель развития МО, ВПО и СО до 2025 года, ограниченная существующими парадигмами

связи предлагается заведомо упрощенная и (важно подчеркнуть) абстрактная модель самого общего плана развития МО–ВПО–СО, которая является общей логической моделью для Евразии (рис. 7.1).

Как видим на этой (повторимся, самой общей) схеме развития МО, ВПО и СО, мы изначально отсекаем не только теоретически возможные и даже вероятные сценарии развития МО и (естественно, их варианты), оставляя в данном случае только один сценарий и единственный вариант его развития, которые представляются наиболее вероятными. Этот базовый сценария, названный «Парадигма № 1», который, по нашим оценкам, будет не только существовать до 2025 года в одном из трех вариантов сценария, но и, вероятно, будет основным для Евразии после 2025 до 2050 года. Таким образом, мы сознательно сужаем наиболее вероятный из возможных вариантов развития сценария МО и, соответственно, варианты ВПО и СО, до одного. Это отнюдь не означает абсолютного исключения всех других возможных (а тем более вероятных) вариантов, которые необходимо тщательно мониторить. Более того, как показывает история, даже в рамках известной парадигмы

развития возможны неожиданные развороты. Поэтому это обстоятельство надо, безусловно, учитывать.

Тем более мы даже не пытаемся рассмотреть пока что те сценарии развития МО и их варианты после 2025 года, которые неизбежно (по нашему мнению) будут основываться на принципиально новых парадигмах и по отношению к которым такая экстраполяция недопустима. Иными словами мы сознательно концентрируем все свое внимание на единственном варианте сценария МО и его наиболее вероятном варианте, изначально выпуская из виду все остальные сценарии и их варианты. Такой методологический подход имеет свои плюсы и минусы.

Если говорить о плюсах, то главный из них заключается в том, что мы можем выстроить в соответствии с таким достаточно конкретным прогнозом свои планы стратегического планирования. Наша стратегия в этом случае будет вполне понятной, определенной и последовательной, если, конечно в нее не придется вносить радикальные изменения по ходу реализации. Так, применительно к прогнозу развития ситуации в Евразии, такой вариант будет означать, что приоритеты сотрудничества в Евразии и совместного противодействия силовому давлению со стороны западной ЛЧЦ должны превалировать над другими внешнеполитическими приоритетами.

Развитие этого сценария означает, например, что не только до 2025 года, но и далее, Россия должна ориентироваться на создание средств и разработку способов силового противоборства с западной ЛЧЦ в Евразии. В т.ч. на военно-технические программы, имеющие долгосрочное значение — СНВ, ВКО, ВТО всех типов и разумного качества ВМФ.

Выбор одного-единственного сценария развития МО в одном из наиболее его вероятных вариантов дает преимущество в том, что мы искусственно ограничиваем количество факторов, влияющих на формирование МО–ВПО–СО. Так, если на один-единственный вариант развития одного сценария МО влияют 4 группы факторов (о которых мы подробно еще будем говорить), в каждой из которых сотни и тысячи постоянных и переменных величин, то анализ нескольких сценариев и вариантов в десятки раз увеличивает численность этих факторов и тенденций, которые мы сводим в следующие группы:

- субъекты МО (сотни государств, союзов и их коалиций, а также ЛЧЦ);
- акторы МО (десятки тысяч организаций, партий и пр.);
- тенденции (сотни глобальных, региональных и тысячи локальных тенденций);
- человеческий капитал и его институты, а также субъективные и иррациональные факторы.

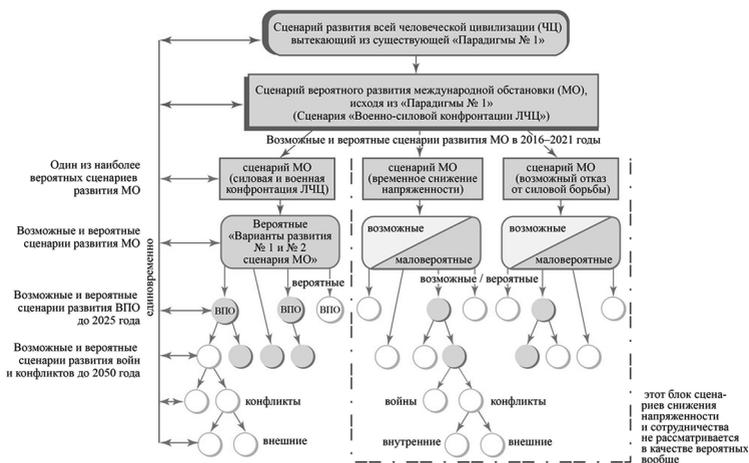
Очевидно, что для того, чтобы построить модель десятков сценариев и их вариантов, количество этих факторов потребуется умножить на количество вариантов, что сделает практически любой прогноз невозможным. Тем более, если вы хотите сохранить много вариантность развития МО–ВПО–СО для долгосрочного прогноза, основанного на еще точно не вполне известных парадигмах и факторах. Мы оказываемся в известном тупике потому, что долгосрочный прогноз и стратегическое планирование должны учитывать не только возможность, но и неизбежность появления новых парадигм развития ЛЧЦ и МО–ВПО не только после 2025 года, возможно, еще до этого срока, например, в области развития военных технологий, информатики или когнитивной области⁴.

В наших оценках и прогнозах мы исходим из наибольшей вероятности эволюции «реалистического» варианта сценария «Военно-силового противоборства ЛЧЦ» развития МО (у которого есть тенденция перехода к 2025 году в «неблагоприятный» вариант сценария, т.е. практически полномасштабной войне), но вероятность сохранения которого после 2025 года постепенно увеличивается.

Эта парадигма силового противостояния теоретически может быть заменена как парадигмой «развития сотрудничества», так и «парадигмой всеобщей войны» еще до 2025 года, но — признавая это — мы не считаем их вероятными и не рассматриваем в качестве конкретных и практически значимых вариантов для разработки национальной стратегии⁵. И первое, и второе — качественно новое состояние МО, которое нельзя исключать. При этом у каждой из

⁴ Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями: аналит. доклад / [А.И. Подберезкин (рук. авт. кол.) и др.]. — М.: МГИМО–Университет, 2016. Июль. — С. 7–31.

⁵ Подберезкин А.И. Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016 г.

Рис. 7.2. Логическая схема развития наиболее вероятного варианта международной обстановки, исходя из существующей парадигмы сценария противоборства локальных цивилизаций до 2025 года

новых парадигм развития ЛЧЦ и МО, а также ВПО–СО может существовать своя логика развития, в т. ч. и неизвестная или пока что непонятная.

Вот почему мы, с одной стороны, должны ограничиться небольшим количеством (даже единственным) сценариев и их наиболее вероятных вариантов развития, а, с другой, понимать, что появление новых парадигм может качественно изменить ситуацию во всем мире, а не только относительно политики какой-то одной ЛЧЦ.

В этих целях мы должны постоянно исследовать и фиксировать изменения в вероятных и возможных сценариях развития МО и ВПО и их вариантах, неизбежно концентрируя внимание на ограниченном количестве наиболее вероятных вариантов. В нашем случае это будут два конкретных варианта развития одного базового сценария МО «Военно-силового противоборства ЛЧЦ» после 2025 года: «Вариант № 1» (Системного и сетечетрического нарастающего противоборства западной ЛЧЦ» с российской, китайской, и исламской ЛЧЦ), а также «Вариант № 2» («Глобальной военно-силовой эскалации противоборства западной ЛЧЦ» с рос-

сийской, китайской и исламской ЛЧЦ). Эти варианты одного базового силового сценария отличаются друг от друга, прежде всего, набором силовых средств и способов, интенсивностью и масштабами использования военной силы в прямой форме среди других силовых средств⁶. «Вариант №3» («Использования военной силы на ТВД и в глобальном масштабе») рассматривается как возможный, но наименее вероятный для прямого практического использования, но как крайне необходимый для обеспечения «силового фона».

Остальные возможные сценарии и их варианты развития, как наименее вероятные мы оставляем на периферии внимания, одновременно отмечая необходимость их постоянного мониторинга с точки зрения их возможного перехода из категории «возможные» в категорию «вероятные» и неожиданного появления новых парадигм до 2025 года. (На схеме, предлагаемой выше, эти два сценария и их варианты отмечены пунктирной линией, выделенной в один блок справа, а вероятный сценарий — слева.

Как видно из рисунка, иллюстрирующего развитие одного из наиболее вероятного вариантов сценария МО (Сценария «Военно-силовой противоборства ЛЧЦ» до 2050 года), вероятность и возможность смены парадигм развития и, соответственно, их сценариев и вариантов, постоянно сохраняется.

Таким образом, в 2016 году наш долгосрочный прогноз развития МО распадается на следующие взаимосвязанные блоки:

- на возможные и вероятные сценарии развития отношений между ЛЧЦ;
- на возможные и вероятные сценарии развития МО;
- на вероятные варианты реализации наиболее вероятного сценария МО;
- на наиболее вероятные варианты формирования ВПО и СО, вытекающие из избранного варианта сценария развития МО.

В рамках существующей парадигмы (с высокой степенью вероятности до 2025 года) эта схема может быть реалистичной, но она потребует корректировки в рамках неизбежного появления новых парадигм (после 2025 года).

---

⁶ Подберезкин А. И., Харкевич М. В. Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 297–454.

Этот наиболее вероятный сценарий глобального «Военно-силового противоборства ЛЧЦ» в обоих своих вариантах предполагает реализацию Западом соответствующей стратегии, которая имеет следующие основные характеристики:

- **основная цель:** сохранение контроля западной локальной ЛЧЦ над созданными ею финансово-экономическими и военно-политическими и международно-правовыми мировыми системами, предполагающая решение следующих задач:
  - подчинения своим нормам и правилам поведения правящих элит ЛЧЦ и государств, а также отдельных акторов;
  - изменения системы ценностей других ЛЧЦ, наций и государств в направлении «универсальных» систем западной ЛЧЦ;
  - изменения представления о национальных интересах, самоидентификации и политическом суверенитете;
  - контроля над территориями, транспортными коридорами и ресурсами;
- **основные средства:** полный и постоянно расширяющийся спектр политико-дипломатических, финансовых, экономических и информационных, а также военных средств, используемых в качестве политики принуждения, угрозы применения силы, и военного насилия, получившей название «новой публичной дипломатии»;
- **основной способ:** системное использование всех силовых, включая военные средств, для достижения поставленной цели. При этом предполагается использование не только государственных, но и общественных и частных ресурсов для достижения поставленных целей, а также всех возможностей наций контролируемой ЛЧЦ;
- **основной принцип:** сетцентричность, объединение всех ресурсов ЛЧЦ, включая информационные в режиме реального времени.

Следует особенно подчеркнуть, что данная стратегия в отношении России является **бескомпромиссной по своим целям**, хотя и может несколько отличаться по своим средствам, среди которых для США желательно было бы избежать наиболее масштабных и острых форм военного противоборства из-за военных рисков и экономических издержек. Сути стратегии (цели) это не меняет:

они остаются решительными и далеко идущими, включая не только уничтожение и раздел российского государства, ликвидацию его суверенитета, но и конечную ликвидацию российской нации в Евразии.

С точки зрения геополитической, в рамках такой стратегии Россия, как нация и государство, должна быть ликвидирована, прежде всего посредством подчинения элиты, потери национальной идентичности, что обеспечит западной ЛЧЦ решение основных конкретных задач:

- устранение геополитического конкурента в Евразии;
- ликвидация потенциального враждебного центра интеграции;
- раздел природных ресурсов и территории;
- ликвидация российского контроля над транспортными коридорами.

Очевидно, что политического или цивилизационного компромисса по этим вопросам с западной ЛЧЦ быть не может. Запад уже не готов к компромиссу относительно раздела сфер влияния и контроля. Ему нужна «окончательная» победа. При этом понимание полной и окончательной победы в XXI веке иное, чем в предыдущей истории: «полная» победа — это контроль над политической элитой, системой ценностей и обществом, а не оккупация территории или разгром армии. Соответственно это обстоятельство формирует не только условия, но и средства, и способы стратегии достижения поставленной цели. Прежде всего, западная ЛЧЦ не рассматривает другие ЛЧЦ в качестве приоритетных объектов для силового воздействия, а тем более предполагая, что по отношению к ним достаточно использовать имеющиеся силовые и ограниченные военные средства. Поэтому представляется маловероятным, чтобы противоборство западной ЛЧЦ с другими ЛЧЦ, кроме российской, перешло из враждебной в вооруженную стадию до 2025 года, а тем более после, до 2050 годов, в силу нескольких причин. Наиболее важными из них являются следующие:

- наиболее мощные альтернативные западной ЛЧЦ центры силы (Китай, Индия, Индонезия, Пакистан, Иран) не будут до 2025 года обладать сколько-нибудь достаточной военной мощью для ведения активных военных действий, а исламская ЛЧЦ, разделенная на суннитскую и шиитскую ветвь, во

многим будет контролироваться США. По отношению к исламской ЛЧЦ Запад по-прежнему может использовать весь набор инструментов силовой политики, ограничивая прямое военное вмешательство использованием авиации и сил для проведения специальных операций;

- ни китайская, ни индийская ЛЧЦ, которые по своей мощи постепенно становятся сопоставимыми с западной ЛЧЦ, не будут в среднесрочной перспективе оспаривать первенство последней. Их стратегия во многом предопределяется созданием собственного цивилизационного окружения (включая и элементы западной ЛЧЦ);
- другие нарождающиеся центры силы в среднесрочной перспективе не будут в состоянии сколько-нибудь эффективно противостоять западной ЛЧЦ;
- единственный центр силы, который уже заявил публично о своей самостоятельности и готовности защищать свою систему ценностей, — российская ЛЧЦ. Она фактически уже вступила в стадию конфронтации и силового противоборства с западной ЛЧЦ. Соответственно и сценарий противоборства западной и российской ЛЧЦ в наиболее опасном варианте уже начал реализовываться и получать свое развитие. Этот вариант является, как видно на рисунке ниже, частью более общего сценария силового противоборства между западной ЛЧЦ с другими ЛЧЦ, инициированного США. Место этого варианта среди других вариантов одного и того же сценария можно обозначить следующим образом⁷ (рис. 7.3).

Таким образом, налицо очевидное противоречие между объективным ходом мирового развития, которое в перспективе ведет к неизбежному краху глобального доминирования западной ЛЧЦ, с одной стороны, и усилению силовых и военных компонентов (на фоне общего падения влияния) в политике западной ЛЧЦ, с другой. Но такой «крах», очевидно, не является реальной перспективой до 2025 года. Такие глубокие противоречия, как показывает мировая история, ведут к региональным и даже глобальным войнам между

---

⁷ Подберезкин А. И., Харкевич М. В. Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 428–433.

Рис. 7.3. Модель среднесрочного развития отношений западной ЛЧЦ с другими ЛЧЦ

ЛЧЦ, их коалициями и нациями, стоящими во главе этих цивилизаций. Вот почему период 2016–2025 годов можно рассматривать как **вероятный период перехода** от «Варианта №3» («Военно-силового противоборства западной ЛЧЦ с другими ЛЧЦ») к «Варианту №2» («Системной и сетцентрической войны против российской ЛЧЦ»). Можно предположить, что при таком переходе от силового к военно-силовому варианту противоборства западная ЛЧЦ будет в максимальной степени готова к эскалации всего спектра силовых средств политики — от использования дипломатического и гуманитарного давления и информационно-психологической войны до применения экстремистских террористических организаций и ведения проху-wars.

При реализации такого варианта сценария глобального «Военно-силового противоборства западной ЛЧЦ» против российской ЛЧЦ до 2025 года Запад попытается использовать стратегию «новой публичной дипломатии», когда эффективность эскалации силовых способов влияния на Россию подкрепляется военно-силовыми решениями на всех уровнях конфликтов и во всех регионах планеты, а после 2025 года (если Россия выстоит) вернуться к более рациональному силовому варианту сценария. Поэтому Евразия в период до 2025 года объективно становится самым вероятным

регионом военного противостояния по всему периметру границ России — от Арктики, КНДР до Северного Кавказа, Прибалтики и Финляндии с Норвегией.

При этом границы между локальными, региональными и глобальными военными конфликтами и войнами для России в Евразии стираются. Массовое производство и размещение ВТО в неядерном оснащении США предполагает, что оно постепенно вытеснит уже на начальных стадиях военных конфликтов СЯС и может быть использовано в массовом порядке. Для этого США будут использовать, прежде всего, силы и средства своих союзников в Евразии таким образом, чтобы самим как можно дольше оставаться на периферии военного конфликта.

7.2. Обоснование развития наиболее вероятного варианта сценария «Военно-силового противоборства ЛЧЦ» после 2025 года (на основе новых парадигм)

... Северная Америка заменила Европу в качестве мирового центра притяжения, и тому, кто будет господствовать в Северной Америке, фактически гарантирована роль доминирующей мировой державы.

В XXI веке (как минимум) такой державой будут США

*Дж. Фридман,
политолог*

Культура как социальная конструкция содействует максимальной стабильности данного варианта мира...

*Г. Почепцов,
политолог (Украина)*

Методологическое обоснование долгосрочного прогноза развития сценария МО основывается на обострении цивилизационной борьбы, в т.ч. и из-за появления новых парадигм в развитии ЛЧЦ, которая уже произошла в начале XXI века, а также на стремлении США сохранить и даже упрочить свое геополитическое положение и роль в мире даже в условиях усиления новых центров силы.

Надо понимать, что стратегический прогноз мирового развития должен исходить из некоторых базовых посылок — парадигм, — существование которых в начале XXI века, как минимум, не оспаривалось. На наш взгляд, эти парадигмы следующие:

Во-первых, основное противостояние и развитие МО в мире будет определяться отношениями между ЛЧЦ и их лидерами — США, Китаем, Россией, шиитским Ираном и суннитской Саудовской Аравией.

Во-вторых, геополитически, экономически и технологически США являются сильнейшим лидером всей западной ЛЧЦ, способным сохранить на неопределенное время свой огромный отрыв в экономической, финансовой и военной мощи от других государств.

В-третьих, центр противостояния — США — будет находиться между Атлантикой и АТР, а с помощью своих «крыльев» (ТПП и ТАП) он контролирует развитие основных мировых процессов.

В-четвертых, единственным противвесом США может стать Евразия, которую способны объединить Китай и Россия для противостояния западной ЛЧЦ.

Очевидно, что перекокс центра борьбы между ЛЧЦ в конце XX — начале XXI века в области борьбы за продвижение своих и уничтожение чужих систем ценностей и идентичности, наносит мощный удар по культуре и духовности, которые являются основой международной и внутривосточной стабильности⁸. Украина в 2014–2016 годах это наглядно показала. Поэтому следует ожидать неизбежного мощного подрыва стабильности во всех ЛЧЦ, который неизбежно последует из-за реализации западной стратегии противоборства. Прогноз развития наиболее вероятного варианта базового сценария «Военно-силового противоборства ЛЧЦ» после 2025 года, таким образом, основывается на:

- прогнозе вероятного сохранения известных тенденций, факторов и акторов, формирующих МО–ВПО в настоящее время, и их экстраполяции на долгосрочную перспективу;
- на предположении и прогнозе появления принципиально новых (неизвестных в 2016 году), политических, экономических, финансовых и военных парадигм после 2025 года;

---

⁸ Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрова. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 215–265.

Если говорить о сохранении современных парадигм, то, прежде всего, следует сказать, что сценарий развития МО, получивший изначально название глобального «Военно-силового противоборства западной ЛЧЦ» сохранится с высокой степенью вероятности и после 2025 года. При условии, конечно же, что в 2025–2030 годах удастся избежать глобальной войны между ведущими ЛЧЦ, к чему, к сожалению, будут вплотную развиваться события в предыдущий период.

Если же такая глобальная война (или война на двух ТВД — в Европе и на Дальнем Востоке) произойдет, то после ее окончания уцелевшие правительства и государства будут договариваться о новом мировом порядке, либо просто-напросто его диктовать.

Пока что, к сожалению, не видится никаких предпосылок реализации сценария сотрудничества или хотя бы мирного соперничества ведущих мировых ЛЧЦ. Но если глобальной войны в 2025–2030 годах все-таки не будет, то на наш взгляд, после 2025 года и вплоть до 2040 годов XXI века в рамках сценария противоборства ЛЧЦ, будут соперничать два его военно-силовых варианта — реализуемый сегодня «Вариант №3» («Военно-силового противоборства западной ЛЧЦ») и «Вариант №2» («Системной и сетецентрической войны против российской ЛЧЦ»). В этом случае в зависимости от множества внутренних и внешних факторов западная ЛЧЦ в 2025–2040 годы будет переходить от одного военно-силового варианта сценария к другому (и обратно). На такой переход может влиять целый ряд внешних и внутренних факторов и особенностей развития МО в этот период.

Во-первых, способность российского руководства обеспечить эффективную политику национальной безопасности, сочетающую меры по укреплению обороны, внутривластной стабильности и результаты опережающего социально-экономического развития. Если внутренняя политика России будет относительно успешной, а ее правящая элита сплоченной, то военные риски и экономические, и иные издержки для западной ЛЧЦ будут значительно перевешивать возможные преимущества от уничтожения или ослабления российской ЛЧЦ.

Во-вторых, политика других ЛЧЦ, прежде всего, исламской и китайской, которая может быть достаточно враждебна западной ЛЧЦ и перейти в открытое военно-политическое противостоя-

ние. Маловероятно, что западная ЛЧЦ во главе с США захочет развивать военный конфликт одновременно против двух и более ЛЧЦ. В этом смысле расширение международного сотрудничества и развитие «российского ядра» ЛЧЦ, безусловно, влияет на вероятность перехода западной ЛЧЦ к открытому военному конфликту.

В-третьих, состояние собственно западной ЛЧЦ, ее готовность к активным военным (а не только силовым) действиям против российской, исламской или китайской ЛЧЦ. Внутренние конфликты в коалиции (внутри НАТО, ЕС или в отношениях друг с другом или с США), как показывает история, не столь уж, невероятны. Как нельзя исключать и внутривнутриполитическую нестабильность в США.

Таким образом, в зависимости от ряда условий, в первую очередь от степени и эффективности противодействия российской стороны, данный сценарий «Военно-силового противоборства» может иметь в период 2025–2040 годов, как минимум, два варианта своего развития с точки зрения использования вооруженного насилия. Причем эти варианты могут, как чередоваться друг с другом, так и совмещаться, в результате чего могут появляться «временные» или «гибридные» варианты. Можно, однако, предположить, что после 2025 года предпочтение будет, скорее всего, отдаваться наиболее масштабным (с точки зрения применения военной силы) вариантам. При этом конкретный вариант будет зависеть от роли, масштабов и способов использования военной силы, а также возможностям противодействия со стороны российской ЛЧЦ, что ставит перед ней до 2025 года вполне конкретные задачи с точки зрения эффективности ее обороны.

Модель гипотезы использования военно-силового варианта со стороны Запада в упрощенном виде представляет собой следующую картину (рис. 7.4).

Как видно из рисунка, после 2025 года рассматриваются, как минимум, четыре наиболее вероятных стратегии западной ЛЧЦ. При этом возможны, даже вероятны их «гибридные» клоны. Так, по сути дела, ни один из вариантов не противоречит остальным и вполне совместим с ними, что может говорить в пользу появления «синтезированного» пятого варианта как комбинации всех четырех вариантов после 2025 года. Это и есть современная парадигма внешней политики США, которая будет экстраполирована на период после 2025 года.

Рис. 7.4. Модель гипотезы реализации наиболее вероятного варианта сценария развития МО глобальное «Военно-силовое противоборство западной локальной цивилизации» после 2025 года

Как представляется именно такой пятый, «синтезированный» вариант наиболее эффективен в качестве стратегии Запада: переводя противоборство с российской ЛЧЦ в военную плоскость, Запад может сохранить достаточно мирное отношение с другими ЛЧЦ, но одновременно будет пытаться их дестабилизировать и укрепить собственную коалицию.

Элементы такой стратегии США уже просматриваются в настоящее время. В частности, в Стратегии национальной безопасности США, принятой в феврале 2015 года, говорится об укреплении коалиционных основ и военно-техническом превосходстве как принципах политики США⁹.

Что же собственно касается вероятного военно-силового противоборства между ЛЧЦ после 2025 года (в случае, если война все-таки не состоится), то оно может происходить в самых разных формах, пропорциях и областях. Однако на этом этапе оно будет исключать,

⁹ National Security Strategy. — Wash.: GPO, 2015. June.

как правило, прямое масштабное использование военной силы. Оно будет не только опасно, но и не нужно. Это объясняется, прежде всего, сохраняющимся в настоящее время и в ближайшей перспективе военным превосходством западной ЛЧЦ над другими ЛЧЦ, которому трудно сопротивляться, ибо результат известен заранее. Как известно, войны и конфликты между государствами начинаются тогда, когда есть сомнения относительно соотношения сил и возможностей победы. Когда же очевидно превосходство одной из сторон, то войну начинать, как минимум бессмысленно, а, как максимум, — опасно для тех, кто принимает решение о войне. Хотя и здесь бывают исключения. Достаточно вспомнить войны США в Корее и Вьетнаме.

Это общее правило, однако, стало видоизменяться в XXI веке, когда появились «асимметричные» войны и войны с «облачным противником», а именно, когда достаточно радикально изменились традиционные условия и правила войны. В таких новых войнах, когда противником государства выступает не оформленная до конца или не идентифицированная точно политическая сила, а война ведется нетрадиционными средствами и способами, равенство военных сил уже не имеет принципиального значения. Никто не задавался, например, сравнением соотношения сил правительства Сирии и ИГИЛ, или ХАМАЗ и Израиля¹⁰.

Это общее правило «признания военного превосходства» также не относится к военному противоборству между западной и российской ЛЧЦ, которое уже инициировал Запад во втором десятилетии XXI века и которое будет развиваться и дальше, приобретая все более отчетливые формы военного конфликта¹¹. Прежде всего, потому, что сохраняется военно-стратегическое равновесие, которое во многом компенсирует военное превосходство США.

На наш взгляд, начальный этап этой войны против России уже в самом разгаре, хотя по политическим и иным мотивам публично это признавать никто не хочет ни в России, ни на Западе. Те инциденты, которые регулярно происходят в море, в воздухе и на суше — демонстрируют, что обе стороны демонстрируют готовность

¹⁰ Подберезкин А. И., Харкевич М. В. Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 99–128.

¹¹ Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 139.

к применению военной силы друг против друга в открытой, публичной форме. В дальнейшем вероятно эскалация подобной политики на самых различных ТВД. Так, решение частных военных задач на Украине должно привести к возникновению очага напряженности на протяжении всей 2000 километровой границы с Россией, а также созданию максимально враждебной России внешней среды при минимальных рисках и издержках США. Но апогей наступит именно после 2021–2025 годов, когда смена старой парадигмы развития МО вызовет уже не локальное, а масштабное использование военной силы и дальнейшую эскалацию. Сегодня можно выделить несколько основных особенностей этой вероятной будущей войны после 2025 года¹²:

- будет продолжаться формирование новых союзов и военно-политических коалиций («обновление союзов», как говорил Б. Обама), под эгидой США, объединяющих основные демографические, материальные и иные ресурсы ведущих стран западной ЛЧЦ, в которые будут включаться те страны, правящие элиты которых будут готовы принять «универсальные» ценности США и отказаться от суверенитета не зависимо от принадлежности к той или иной ЛЧЦ;
- будет еще больше усиливаться публичный акцент в политике и экономике на сохранении лидерства в технологической и военно-технической области, а также в качестве ВиВТ Соединенных Штатов и их ближайших военно-политических союзников;
- особенное внимание будет уделяться максимальной интеграции всех усилий западной ЛЧЦ для оказания эффективного системного военно-силового воздействия на потенциального противника во всех областях получившее название политики «новой публичной дипломатии», прежде всего в области экстремистской и террористической деятельности;
- будет усилено противодействие и предотвращение создания возможных новых союзов и коалиций, направленных против западной ЛЧЦ. Болезненная реакция США на БРИКС, ШОС, ОДКБ, ТС и любые интеграционные институты, каждый раз

---

¹² Подберезкин А. И., Соколенко В. Г., Цырендоржиев С. Р. Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты. — М.: МГИМО-Университет, 2014. — С. 148–156.

- подтверждает это, даже если в них и участвуют представители западной ЛЧЦ (как это было с инициативой КНР по созданию банка инфраструктурных инвестиций в Евразии);
- будет усиливаться внимание к сохранению и превращению в открытое доминирование идеологического лидерства западной ЛЧЦ, включая силовое навязывание западной системы ценностей, «привлекательных» концепций, прогнозов, планирования и идей социального проектирования;
  - общая тенденция развития МО после 2025 года будет свидетельствовать в пользу того, что силовое противоборство между ЛЧЦ будет усиливаться, перерастая в военно-силовое, а механизмы — международно-правовые и переговорные — обеспечения международной безопасности ослабевать в силу их одностороннего использования западной ЛЧЦ. Иначе говоря, по мере усиления со стороны западной ЛЧЦ ставки на военную силу и неизбежно вытекающей из этого политики девальвации значения международных институтов, сложившаяся международная система безопасности после Второй мировой войны окончательно прекратит свое существование. И высока вероятность того, что произойдет замена системы международной безопасности, основанная на международном праве и роли международных институтов, прежде всего ООН и ОБСЕ.

Она будет заменена военно-силовой системой, создаваемой США на основе западной ЛЧЦ и существующих у нее механизмов — НАТО, союзов и двусторонних договоренностей.

Готовность США и западной ЛЧЦ к практической реализации одного из вариантов сценария «Глобального военно-силового противоборства» предполагает разработку еще более широкого набора средств, интегрированных в единую систему, под сетечентрическим управлением в глобальном масштабе. Такая система ориентирована на опережающий по времени процесс сбора и передачи информации, ее анализ и принятие решений, которые позволяют полностью контролировать развитие того или иного варианта сценария МО, включая и вероятную эскалацию военного конфликта. Информационное превосходство западной ЛЧЦ — главная особенность развития будущих сценариев МО, позволяющая сохранять инициативу и выбирать тот или иной, наиболее предпочтительный, вариант развития сценария МО и ВПО.

**Выводы и предложения,
вытекающие из анализа
и долгосрочного прогноза
влияния развития отношений
между локальными
человеческими цивилизациями
на международную обстановку
в Евразии**

... главная ответственность западных лидеров состоит вовсе не в том, чтобы попытаться изменять другие цивилизации по образу и подобию Запада — что выше его клонящегося к упадку могущества, — но чтобы сохранить, защитить и обновить уникальные качества западной цивилизации¹

*С. Хантингтон,
политолог*

В начале нового столетия **основным субъектом** влияния на формирование международной обстановки в Евразии, стали локальные человеческие цивилизации, которые представляют собой сложившиеся к настоящему времени политические, культурно-исторические и экономические коалиции нескольких субъектов и акторов, объединенных общей системой ценностей и совпадающими интересами во главе с крупным и влиятельным субъектом МО — страной-лидером этой общности.

Главной **тенденцией** развития международной обстановки в первой половине XXI века в Евразии будет усиление противостояния локальных человеческих цивилизаций, которое в возрастающей степени будет опираться на силовые инструменты политики, включая комплексное использование военной силы. Основные локальные человеческие цивилизации Евразии — западная ЛЧЦ (во главе с США), китайская, индийская, исламская и российская — имеют часто пересекающиеся и не совпадающие интересы в Евразии, которые по мере усиления новых центров силы, возникших на базе ЛЧЦ, будут стремиться защитить, прежде всего, силовыми средствами.

ЛЧЦ будут в долгосрочной перспективе в возрастающей степени противопоставляться друг другу в Евразии по мере усиления

---

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций [пер. с англ. Т. Велимеева]. — М.: АСТ, 2016. — С. 509.

китайской, индийской и исламской ЛЧЦ, на базе которых будут созданы и окрепнут военно-политические и финансово-экономические коалиции по аналогии с существующей широкой коалицией западной ЛЧЦ и зарождающейся коалицией российской ЛЧЦ. Прежде всего, потому, что Евразия станет **центром пересечения** глобальных интересов ведущих ЛЧЦ и столкновением **их систем ценностей**.

Инициатором и главным действующим лицом такого нарастающего противоборства будет западная ЛЧЦ, которая в начале XXI века уже сосредоточила основные мировые ресурсы влияния и контроля, а также сформировала лидирующую «универсальную» систему ценностей и соответствующие им нормы международного права, которые **готова защищать силовыми средствами политики**. Стремление сохранить этот контроль в условиях усиления других ЛЧЦ и соответствующих центров силы военно-силовыми средствами будет лежать в основе стратегии западной ЛЧЦ в первой половине XXI века, которую с определенной степенью условности можно назвать стратегией «Военно-силового противоборства западной ЛЧЦ» против других ЛЧЦ. В центре такой стратегии будет находиться «стратегия принуждения» («the power to coerce») — система силовых (включая военные) средств и способов политики, направленных на принуждение правящих элит оппонентов к выполнению требований, норм и правил западной ЛЧЦ.

Система всех средств и способов принуждения западной ЛЧЦ объединена в политику «новой публичной дипломатии», которая представляет **собой синтез всех политических, экономических, информационных и иных силовых средств западной ЛЧЦ**. Эта политика в Евразии представляет собой очевидную угрозу другим ЛЧЦ, включая, естественно, российскую. В том числе и потому, что требует очень быстрой и гибкой реакции со стороны России. Прежде всего, разработки принципиально новых средств и способов противодействия такой силовой политике, «синтезирующей» военные и невоенные политические средства и способы принуждения.

Эти самые общие выводы относительно состояния и перспектив развития МО в мире и в Евразии в долгосрочной перспективе требуют конкретизации применительно к специфике влияния собственно ЛЧЦ, а также относительно возможных рекомендаций для государственных и общественных институтов, а именно:

1. Необходимо признать, что высокая точность современного анализа и долгосрочного прогноза развития МО в мире и в Евразии будет находиться, в том числе, **под влиянием следующих основных факторов и тенденций, так или иначе связанных и вытекающих из закономерностей развития отношений между ЛЧЦ, что предполагает необходимость учета при формировании стратегических прогнозов и планировании:**

- важно учитывать при прогнозах и планировании внешнеполитической деятельности в мире и в Евразии развитие иерархической взаимосвязи и разноскоростной **динамики** развития сценариев самого разного уровня — от сценария развития всей человеческой цивилизации и взаимоотношений отдельных ЛЧЦ до влияния всех четырех основных групп и факторов, — формирующих современную МО и ВПО в мире и в Евразии:
  - а) основных субъектов формирования МО, прежде всего, ЛЧЦ;
  - б) главных негосударственных акторов, формирующих МО;
  - в) основных тенденций в развитии человеческой цивилизации;
  - г) особенностей развития национального человеческого капитала и его институтов отдельных ЛЧЦ;
- при долгосрочном прогнозировании и планировании необходимо учитывать **системную взаимозависимость** между различными сценариями и их вариантами развития как «по вертикали», так и «по горизонтали» между сценариями развития ЛЧЦ и МО, а также вытекающими из них сценариями развития военно-политической и стратегической обстановки, а также вероятными особенностями войн и военных конфликтов в мире и в Евразии;
- стратегическое прогнозирование и планирование государственной политики в самых **разных областях** (социально-экономической, финансовой, научно-технической, культурной и образовательной) и на самых разных **уровнях** (федеральном, региональном, местном) должно включать в себя обязательный учет и планирование целей на цивилизационном уровне, который должен быть наиболее приоритетным и исходить из зависимости государственного суверенитета от качества национальной идентичности;
- необходимо признать и учитывать в работе тот факт, что эффективное долгосрочное национальное и государственное

прогнозирование и планирование без разработки и существования идеологической базы, как общепризнанной системы ценностей и интересов ЛЧЦ, **невозможно**.

2. С 90-х годов XX века основные противоречия между традиционными субъектами МО, государствами — были перенесены с идеологического и экономического уровня на цивилизационный, точнее на **системы ценностей ЛЧЦ** и их закрепление в системе интересов и международных правовых норм. Это было замечено целым рядом ведущих политологов и некоторыми политиками, но не стало пока что в центре политического, общественного и научного внимания по конъюнктурным политическим мотивам: Западу какое-то время не требовалось акцентировать внимание на его победе в холодной войне, а России не выгодно было признавать свое поражение.

Другие ЛЧЦ и нации были настолько слабы, что не стали еще полноценными субъектами мировой политики, что со временем изменилось: на мировую политическую арену стали выходить вполне влиятельные экономически и демографически новые центры силы, которые формировались на базе ценностей ЛЧЦ — китайской, исламской, индийской. Такой вывод справедлив, прежде всего, для Евразии, где интересы и системы ценностей **наиболее развитых ЛЧЦ вошли в непосредственное соприкосновение и конфликт**.

События в мире и особенно в Евразии в последние 25–30 лет развивались именно **по нарастающему конфликтному сценарию** в связи с тем, что абсолютное господство западной ЛЧЦ во главе с США надо было не только закрепить политически и юридически, но и подготовить западную ЛЧЦ к будущей борьбе с новыми центрами силы, которые (как хорошо понимали уже в то время на Западе) неизбежно возникнут в качестве следствия быстрого развития, как минимум, некоторых ведущих ЛЧЦ.

Такой сценарий **необходимо принимать во внимание, когда разрабатываются концептуальные и программные документы внешней и военной политики** (Концепции внешней политики, Военной доктрины и пр.), а также при разработке новой редакции Стратегии национальной безопасности Российской Федерации и отдельных документов, имеющих, в том числе, социально-экономический и иной характер.

3. Необходимо иметь в виду, что в основе политики западной ЛЧЦ в мире и в Евразии в настоящее время и, вероятно, в долго-

срочной перспективе будут лежать **два базовых принципа**, которые должны обеспечить стремление сохранить контроль над созданными в XX веке военно-политическими и финансово-экономическими системами в мире западной ЛЧЦ, с одной стороны, в условиях неизбежного усиления отдельных ЛЧЦ и превращения их в конкурирующие центры силы, с другой. При этом такая цель должна быть обеспечена при соблюдении следующих принципов:

- создания еще более широкой **коалиции западной ЛЧЦ** под эгидой и контролем США, в которую должны войти на разных условиях более 60 государств и наций, в т.ч. традиционно не относящихся к Западу (например, Саудовская Аравия);
- сохранением и развитием технологического и **военно-технического превосходства** и возможности системного использования силы принуждения.

Именно эти базовые принципы являются фундаментом для формирования стратегии западной ЛЧЦ и наиболее вероятных сценариев развития МО в Евразии в XXI веке и их возможных вариантов.

4. В краткосрочной и среднесрочной перспективе наиболее вероятным сценарием развития МО в XXI веке в мире и в Евразии **является сценарий глобального «Военно-силового противоборства западной ЛЧЦ»** с другими ЛЧЦ, прежде всего российской и китайской, на евразийском ТВД от северной Европы до Ю.-В. Азии.

Этот базовый силовой сценарий в Евразии означает и практически будет означать не только в среднесрочной, но и долгосрочной перспективе, что:

- ослабление мощи и господства западной локальной цивилизации будет достаточно быстро сопровождаться **ростом военного и иного насилия** в мировой политике с ее стороны, которое практически уже началось с самого начала нового века в Евразии. Все основные войны и конфликты последних десятилетий состоялись и идут в Евразии, но еще большее их число может **быть в будущем по мере усиления политики западной ЛЧЦ по дестабилизации ситуации на континенте**. Этот факт необходимо учитывать при планировании внешнеполитических мероприятий и разработке **новых силовых (но не военных) средств внешней политики, прежде всего в информационной**

области, а также в сфере противодействия экстремистским и террористическим организациям;

- приходится констатировать, что в Евразии военная сила неизбежно **вернется в качестве определяющего фактора лидерства западной ЛЧЦ** и ликвидации остатков самостоятельности других ЛЧЦ в мировой политике. Она станет тем катализатором силовой политики западной ЛЧЦ, который должен привести к ее усилению во всех областях и регионах, прежде всего в регионах Евразии;
- в условиях роста значения военной силы в политике западной ЛЧЦ в Евразии необходимо **максимально активизировать евразийскую военно-политическую интеграцию, особенно** в области ВКО и, в частности, ускорить создание объединенной ВКО стран-участниц ОДКБ, которую следует рассматривать как необходимое условие сохранения российской евразийской ЛЧЦ и развития Евразийского экономического и военно-политического союза;
- усиление процесса многополярности **в будущем не позволит сократить количество конфликтов идентичности и противостояния внутри отдельных** локальных цивилизаций. При этом масштаб и интенсивность столкновений между отдельными локальными цивилизациями и внутри ЛЧЦ вероятно увеличится.

5. Отношения между ЛЧЦ и формируемыми на их основе коалициями и центрами силы будут решительным образом влиять на то, **по какому из конкретных** вариантов сценария «Военно-силового противоборства между ЛЧЦ» будет развиваться МО и ВПО в Евразии. Исходя из оценок, существующих в настоящее время, таких вариантов одного и того же сценария может быть несколько, как минимум, три. Они могут отличаться друг от друга в некоторых деталях, прежде всего **пропорциями использования военной силы**, среди других силовых инструментов политики. Условно, деление базового военно-силового сценария на его конкретные варианты в Евразии в среднесрочной и долгосрочной перспективе можно представить следующим образом, учитывая, что **его реализация уже начата** (рис. 8.1).

Во-первых, это вариант, при котором западная ЛЧЦ захочет воспользоваться в самые короткие сроки своим коалиционным, и военно-техническим и экономическим превосходством, чтобы

Рис. 8.1. Базовый сценарий «Военно-силового противоборства между ЛЧЦ» до 2025 года и его наиболее вероятные варианты реализации

преимущественно военными средствами обеспечить **консервацию существующего статус-кво в мире** и остановить процесс изменения соотношения сил и существующих норм не в пользу Запада. («Вариант № 1»).

Такой вариант сценария «Военно-илового противоборства между ЛЧЦ» означал бы **начало полномасштабных военных действий** не только с ведущими представителями исламской ЛЧЦ, но и с российской, а в перспективе и с китайской ЛЧЦ. Но, прежде всего, речь идет о политике дестабилизации ряда стран и регионов, создания «ситуации хаоса» в Евразии, когда влияние западной ЛЧЦ будет решающим. Классические примеры — Украина, Ливия, Египет, Сирия, Афганистан и Ирак, — но не исключается, что **дестабилизация искусственно будет простимулирована и по границам российской и китайской ЛЧЦ.**

С самых разных точек зрения, но, прежде всего, с точки зрения военных рисков и экономических затрат, этот вариант представляется наиболее рискованным и поэтому наименее вероятным, наиболее опасным и экономически дорогим. Велики также и другие

издержки. Поэтому такой вариант силового сценария развития не исключается, более того, продолжает разрабатываться в качестве средства политико-психологического давления стратегии «силового принуждения» в рамках политики «новой публичной дипломатии».

Во-вторых, это вариант, реализуемый в настоящее время («Вариант №2»), при котором военная сила играет роль «усилителя» других средств силовой политики, обеспечивая им дополнительную эффективность. Этот вариант требует не просто сохранения военно-технического превосходства, но и увеличения его в отдельных областях (например, ВТО и ПРО) и на отдельных ТВД, прежде всего, в Европе и Юго-Восточной Азии.

Наконец, **в-третьих**, это вариант базового сценария, который, как представляется, имеет наибольшую перспективу в представлении западной ЛЧЦ («Вариант №3»). Этот вариант предполагает усиление силового потенциала западной ЛЧЦ за счет наращивания невоенных силовых средств и способов достижения политических целей, получивший название «новой публичной дипломатии». Речь идет, прежде всего, об опережающем развитии информационных, социальных и иных технологий, ориентированных на продвижение ценностей и норм западной ЛЧЦ и оказывающих решительное давление на правящие элиты противостоящих ЛЧЦ.

6. Стратегическое сдерживание, являющееся основой стратегии национальной безопасности России в настоящее время, должно быть скорректировано в направлении большей приоритетности защиты системы ценностей ЛЧЦ, безопасности ее национальной элиты и общества и суверенитета «российского ядра» ЛЧЦ. В этой связи можно сделать некоторые конкретные предложения в методику анализа и долгосрочного прогноза развития МО и ВПО в мире и в Евразии, вытекающие из новой роли и значения ЛЧЦ в XXI веке:

6.1. Необходимо оперативно **внести изменения в методику оценки и стратегического прогноза** угроз национальной безопасности России, исходя из переноса акцентов политического и военного противоборства от традиционных субъектов МО — наций и государств — в направлении учета факторов опережающего развития противостояния между ЛЧЦ. В частности:

- соотношение сил между различными субъектами МО и ВПО должно оцениваться и прогнозироваться, прежде всего, с учетом соотношения сил между противостоящими и другими

ЛЧЦ. В частности, приоритетное значение имеет сравнение и сопоставление военных сил между лидерами ЛЧЦ или их «ядрами», например, США и Китая, чему было посвящено, например, недавнее исследование РЭНД-корпорации²;

- необходимо внести коррективы в некоторые основные положения военного искусства, исходя из новой роли и значения ЛЧЦ, как основ для коалиций и фундамента новых центров силы;
- важно пересмотреть основные цели и задачи военного и силового противоборства ЛЧЦ и вытекающие из них угрозы безопасности России;
- исключительно важное значение имеет анализ и прогноз средств противоборства между ЛЧЦ с учетом нарастающего значения силовых (но невоенных) инструментов политики.

6.2. Необходимо уточнить методику **оценки военно-политического характера внешних военных угроз** с точки зрения преобладания цивилизационных угроз, нейтрализация которых не может быть обеспечена использованием только военной силы. Так, в бывшей Югославии и Сербии, прежде всего в Косово и других районах страны, уничтожены церкви, приходы, школы, институты и др. институты православно-славянской цивилизации. Аналогичная ситуация наблюдается в Сирии, Ираке и даже на Украине, где с помощью военных средств уничтожаются цивилизационные основы общества: религия, образование, культура, традиции.

6.3. Необходимо пересмотреть методику оценки **потенциальных угроз** национальной безопасности России, выделив в качестве наиболее приоритетных угрозы опережающему развитию национального человеческого капитала как в демографической, так и в социально-экономической и интеллектуальной области, а также его институтам (университетам, НКО и пр.).

В настоящее время НЧК и его институты рассматриваются в стратегии национальной безопасности России преимущественно с социально-экономической точки зрения, а институты — как средство укрепления или ослабления политической стабильности. Между тем именно НЧК и его институты в случае реализации «Варианта №3» будут играть роль своего рода «абсолютного оружия».

---

² The U.S.-China Military Scorecard: Forces, Geography, and the Evolving Balance of Power, 1996–2017. — RAND, California, 2015.

Примечательно, что и в случае развития базового сценария по «Варианту №1» или «Варианту №2» роль НЧК и его институтов будет стремительно расти и стане в короткие сроки.

6.4. Необходимо расширить спектр внешних военных угроз стратегического характера, включив в них:

- угрозы отставания в темпах технологического, демографического и социально-экономического развития России;
- угрозы дальнейшей утраты позиций российского НЧК среди мировых показателей;
- отставание в темпах, количестве и качестве развития институтов НЧК.

6.5. Динамичное развитие ЛЧЦ в XXI веке отразилось на методике определения внешних военных конфликтов с учетом РФ и ее союзников до 2040 года. На наш взгляд, основным и, может быть, единственным, но главным ТВД станет Евразия по всему периметру границ России — от Арктики до границ с Монголией и регионом Дальнего Востока.

На каждом из отдельных участков этого евразийского ТВД будут лидировать отдельные представители западной ЛЧЦ делегированные США, которым во втором эшелоне будут оказывать полную поддержку США и другие союзники по западной ЛЧЦ. На западном направлении это будут Германия и Польша, на юго-западном — Румыния, на южном — Турция и коалиция проамериканских арабских режимов, наконец, на восточном — Япония, Австралия, Новая Зеландия и США.

6.6. С точки зрения прогнозирования влияния противоборства ЛЧЦ на военно-политический характер возможных внешних военных конфликтов с участием РФ до 2040 года, следует иметь ввиду, что такой характер будет определяться:

- будущим характером политики западной ЛЧЦ, доминирующим вариантом базового сценария развития МО, ее целями относительно России и ее союзников. Представляется маловероятным, что характер западной ЛЧЦ и базовый сценарий противоборства будут радикально изменены до 2040 года. Речь может идти о важных, но частных изменениях между отдельными вариантами реализации базового сценария. В нашем случае — «Вариантом №1», «Вариантом №2» и «Вариантом №3», но вполне возможно и появление «гибридного» варианта этого

сценария. Так, резкое обострение МО и отношений между ЛЧЦ (как, например, это произошло в 2001 году между западной и частью исламской ЛЧЦ) может привести к доминированию наиболее радикального «Варианта №1»;

- особенностью возможных войн, военных конфликтов, а также формируемой уже в настоящее время ВПО и СО. Этот вывод имеет важное значение в связи с неизбежными «технологическими прорывами», которые могут привести к резким изменениям в боевой эффективности не только отдельных систем, но и видов ВиВСТ. Так, возможное появление гиперзвукового ВТО или новых типов РЭБ может существенно повлиять на стратегическое искусство, а резкое повышение прицельной дальности (до 3 км.), точности и мощности стрелкового оружия уже в ближайшие годы — к новой тактике на поле боя.

На наш взгляд, военные конфликты западной ЛЧЦ с российской ЛЧЦ будут с высокой степенью вероятности иметь:

- **глобальный** пространственный характер, ограниченный «по суше» Евразией, но не ограниченный воздушно-космическим и информационным пространством;
- стремлением использовать против РФ **всю мощь** и полный состав коалиции западной ЛЧЦ, т.е. порядка 50-ти государств, контролируемых США;
- стратегией **эскалации силовых средств**, когда собственно военная сила служит обеспечением эффективности использования других средств новой публичной дипломатии — от образования и официальной дипломатии, до создания и поддержки экстремистских и террористических групп.
- массовым применением новых социальных и информационных технологий, дезинформации и специальных средств против представителей правящих элит и институтов развития НЧК.

6.7. С точки зрения противостояния ЛЧЦ, представляется необходимым внести **коррективы в методику прогнозирования стратегического характера** возможных внешних военных угроз РФ и ее союзникам до 2040 года в следующих областях;

- необходимости развития тактики и оперативного искусства, т.е. возвращения к классической формуле военного искусства — от тактических побед к стратегическому выигрышу, от которой во многом отошли с появлением стратегического

ЯО и наработки которых не развивались с конца 80-х годов XX в. Военные действия между ЛЧЦ крайне маловероятно будут вестись сразу же на уровне СНВ из-за крайней степени риска. Военный конфликт будет развиваться по эскалации от применения невоенных силовых средств, через использование экстремистских групп и «пятой колонны», массового применения ВТО и создания «облачного противника» с применением ЧВК;

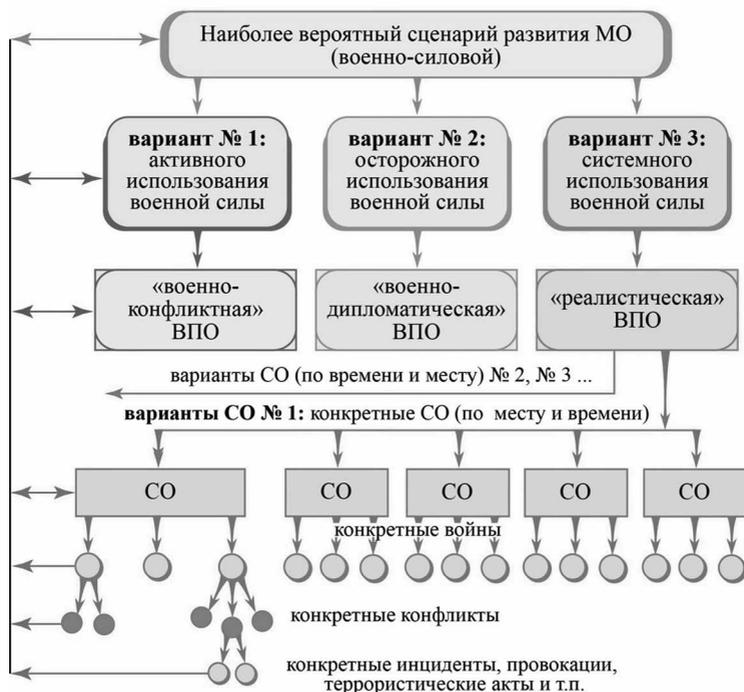
- стратегический характер внешних военных конфликтов с развитием ЛЧЦ будет определяться, прежде всего, интересами и ценностями этих ЛЧЦ, которые защищают и продвигают правящие элиты и институты развития НЧК. Прежде всего западной ЛЧЦ. Соответственно главными стратегическими целями в военных конфликтах до 2040 года станут правящие элиты противостоящих ЛЧЦ, их институты гражданского общества и управления. Это — главные объекты для силового воздействия (военного и невоенного) западной ЛЧЦ в России и странах-союзниках;
- необходимо учитывать, что в XXI веке будет возрастать «обратное» (реверсное) влияние конкретной СО на ВПО и МО.

6.8. Развитие противоборства между ЛЧЦ в XXI веке требует переоценки методики прогнозирования вариантов ведения войн и отдельных военных конфликтов в целом, которые в будущем будут иметь:

- **системный характер**, т.е. использовать весь арсенал не только военных, но и гражданских средств и способов насилия, а также информационных и социальных технологий. Собственно война и военные конфликты перестанут быть «чисто» военным явлением. Как уже показывает реальность сегодняшнего дня, отдельная война или конфликт становятся, прежде всего, цивилизационным конфликтом.

Примечательно, что эта тенденция быстро развивается и применительно к внутренним войнам и конфликтам, которые могут возникнуть или быть инициированы извне на цивилизационной (национальной, религиозной и пр.) основе;

- **сетцентрический характер**, когда системное использование насилия предполагается против многих объектов, включая персонально лиц, отвечающих за управление государством и ВС.

Рис. 8.2. Иерархия СО, войн и конфликтов в XXI веке

7. Противоборство ЛЧЦ в XXI веке вносит существенные изменения в формирование конкретных вариантов СО, характер и особенности войн, и военных конфликтов. В этой связи предлагается рассматривать их, прежде всего, в иерархии развития отношений между ЛЧЦ, которые выражаются в тех или иных сценариях и их вариантах МО и ВПО, позволяющей выделить их конкретные особенности (рис. 8.2).

Из предлагаемого рисунка видно, что основные характерные черты и особенности будущих войн, конфликтов и инцидентов формируются, прежде всего, под влиянием отношений между ЛЧЦ, которые, в свою очередь, формируют тот или иной сценарий (и его варианты) развития МО и ВПО.

Нельзя, однако, игнорировать и обратное влияние — когда СО и даже отдельные конфликты и инциденты влияют на формиро-

вание ВПО и даже МО. Можно привести два примера, иллюстрирующих эту мысль.

Так, военный конфликт на востоке Украины в 2014–2016 годах резко ухудшил МО и ВПО в Европе и во всем мире, хотя нельзя говорить, что он стал единственным и даже главным фактором, повлиявшим на развитие МО и ВПО.

Другой пример, более частный: сбитый в Сирии бомбардировщик ВС РФ — вряд ли можно отнести к категории военного конфликта. Это — военный инцидент, быстро переросший в политико-дипломатический конфликт России и Турции.

Таким образом, **методика анализа и прогноза возможных и вероятных вариантов будущих войн и конфликтов** должна исходить, прежде всего, из анализа и прогноза развития сценариев (и их вариантов) развития МО, ВПО, а также вероятных конкретных СО, войн, конфликтов и инцидентов, которые сами могут также влиять на формирование МО и ВПО.

Сказанное также означает, что при анализе и прогнозе будущего характера войн и конфликтов необходимо учитывать перспективы развития ЛЧЦ, вероятные сценарии развития МО (и их варианты), а также другие невоенные факторы.

8. Развитие различных сценариев (и их вариантов) взаимоотношений ЛЧЦ в XXI веке, реализуемых в тех или иных сценариях (и их вариантах) МО и, как следствие, ВПО, создает не только основу для анализа и прогноза будущих войн и конфликтов, но и фундамент для анализа и прогноза **способов их ведения по направлениям развития кризисных ситуаций.**

Динамичное развитие ЛЧЦ в XXI веке ведет к революционным изменениям в средствах ведения войн и осуществления всей силовой политики, а также способах их ведения, что уже на самой ранней стадии анализа позволяет сделать важные методологические выводы:

а) способы ведения вооруженной борьбы в XXI веке меняются радикально, революционно, требуя **пересмотра традиционных положений военного искусства**. Учитывая революционные изменения в информатике, средствах связи и управления, можно сказать, что в XXI веке произошла революция в области военного искусства, которая пока что не нашла до конца своего осмысления. Так, если прежде система управления войсками допускала управ-

ление из главного штаба соединениями и отдельными частями, то уже в ближайшем будущем это будет возможно применительно к отделению и даже отдельному военнослужащему.

На место центрального управления в массовом порядке приходит сетевое управление из разных центров в режиме on-line, а также высокая степень сочетаемости военных, политических, экономических и иных решений;

б) следует признать, что разработка новых способов ведения войн и конфликтов (как и все социальные теории) в настоящее время отстает от разработки средств и технологий, т.е. новые материальные и информационные военные и иные возможности значительно опережают знание о том как их применяют. Это означает, что особенное внимание требуется уделить развитию военного искусства на качественно новой теоретической и методологической основе;

в) среди новых способов ведения войн особенное значение приобретают силовые, но невоенные способы борьбы, прежде всего, информационной, социальной и кибернетической.

9. Прогноз развития военно-силового противоборства ЛЧЦ предполагает, что особое значение приобретает прогноз **исхода этого военного конфликта и его последствий**. Любая война преследует конечные политические цели, которые прежде, как правило, носили ограниченный характер и предполагали возможности достижения компромисса, удовлетворяющего обе стороны. Даже капитуляция без всяких условий Германии и Японии в 1945 году не предполагала уничтожения этих государств, а тем более наций.

Противоборство ЛЧЦ существенно изменило эту ситуацию. Теперь победа в противоборстве между ЛЧЦ предполагает:

- признание норм и правил, созданных той или иной ЛЧЦ на базе их системы ценностей и интересов, в качестве единственных и универсальных;
- потерю национальной идентичности и государственного суверенитета;
- смену правящих элит на такие элиты, которые смогут эффективно выполнять установки, сформулированные победившей ЛЧЦ.

Таким образом, военный конфликт между ЛЧЦ, а тем более война не предполагают компромисса изначально, а переговорный процесс предполагает только политическую победу. В такой войне

преследуются самые решительные цели, а значит используются самые эффективные средства и способы ведения военных и иных действий. Бескомпромиссность таких войн дополняется усилением их антигуманной направленности по отношению к мирным жителям, которые чаще и в больших масштабах становятся жертвами таких войн и конфликтов.

10. Предложения в **методику прогнозирования состава сил**, их расстановки и положения, формулируются исходя из анализа и прогноза возможного развития конкретной ВПО и СО в мире и в регионах, но уже ясно, что такая методика должна исходить из ряда положений, характеризующих особенности развития ЛЧЦ в XXI веке, а именно:

- **состав сил** включает потенциально весь набор сил и средств государств, наций и акторов коалиции, в основе которой находится та или иная ЛЧЦ. В том или ином конфликте может участвовать только часть (иногда небольшая) сил ЛЧЦ. Как это было, например, с операциями «международной коалиции» в Югославии, Афганистане, Ираке или Сирии. Но именно столько, сколько это необходимо для данной войны или операции.

Глобальный конфликт, а тем более война между ЛЧЦ, предполагает глобальный охват и использование всех ресурсов ЛЧЦ. Причем не только военных, но и гражданских;

- **расстановка сил** ЛЧЦ происходит еще до начала военного конфликта или войны, так как требует не только создание соответствующих ВиВСТ, но и инфраструктуры заранее, что существенно повышает их боевую эффективность. Учитывая, что конфликт между западной ЛЧЦ и другими ЛЧЦ в Евразии может происходить на начальной стадии вдоль периметра границ РФ–ОДКБ и КНР, то следует неизбежный вывод о стремлении западной ЛЧЦ создать соответствующую инфраструктуру, а также разместить тяжелые ВиВСТ вдоль этих границ. Размещение систем ПРО в Польше и Румынии, частей тяжелой техники вдоль границ с РФ в 2016 году, — примеры таких действий.

Исходное положение вооруженных сил ЛЧЦ оценивается исходя из сценария развития ВПО «Военно-силового противостояния ЛЧЦ».

Литература

1. *Алешин Б. С.* Вступительное слово / *Алексахин А. А., Гарбук С. В., Губинский А. М.* Российский оборонно-промышленный комплекс: история, современное состояние, перспективы. — М.: МГУ, 2011. — С. 5.
2. *Блохин К.* В поисках стратегических приоритетов // *Национальная оборона*, 2017. Февраль. — №2. — С. 13.
3. *Бовин А. Е.* XX век как жизнь. Воспоминания. — М.: Захаров, 2003. — 488 с.
4. *Бутрин Д.* Генштаб не верит несекретным прогнозам // *Коммерсант*, 2017. 14 марта / <http://www.kommersant.ru/doc/3107308>
5. *Ваттимо Дж.* После христианства. М.: Три квадрата, 2007. 176 с.
6. *Гилев А.* Многомерная война и новая оборонная стратегия // *Россия в глобальной политике*. 2014. — Т. 12. — №5. — С. 80.
7. Государственные программы вооружения Российской Федерации: проблемы исполнения и потенциал оптимизации. — ЦАСС, 2015. — С. 8.
8. *Дьяченко О. В.* Российские СМИ в социальных сетях FACEBOOK и в «ВКонтакте»: анализ активности и информационных предпочтений аудиторий // *Вестник московского университета. Серия №10. Журналистика*, 2016. — №1. — С. 28–31.
9. *Зиновьева Е.* Цифровая дипломатия, международная безопасность и возможности для России / *Индекс безопасности*. — №1(104), — Т. 19. — С. 213 / <http://www.pircenter.org/media/content/files/10/13559069820.pdf>

10. *Зиновьева Е. С.* Международно-политические аспекты развития интернета // Вестник МГИМО Университета. 2013. №4 (31). С. 135–140.
11. *Иванов В.* Гимн натовской Атлантиде / НВО, 31.03.2017 / http://nvo.ng.ru/gpolit/2017-03-31/1_942_nato.html
12. *Капица Л. М.* Индикаторы мирового развития. — М.: МГИМО–Университет, 2016.
13. Китайская военная мощь как новый фактор мировой политики — М.: Научный эксперт, 2016. — 112 с. / <https://centero.ru/wp-content/uploads/2016/10/kitayskaya-voennaya-mosch-kak-faktor-mirovoy-politiki.pdf>
14. *Константинов В.* Евразийская интеграция меняет формат: что изменится с расширением ШОС / Европейская правда. 2017. 13 июня / <http://www.eurointegration.com.ua/rus/experts/2017/06/13/7067034/>
15. *Кофман М.* War On The Rocks / Гибридная война России и другие темные искусства. 2016. 26 марта / <http://sputnikipogrom.com/translated/52682/dark-russian-arts/#.V5EHcdSLRiw>
16. *Кудряшова И. В.* Фундаментализм в пространстве современного мира // Полис. Политические исследования. 2002. №1. С. 66.
17. *Кузык Б. Н., Яковец Ю. В.* Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. Т. V. Цивилизации: прошлое и будущее. — М.: ИНЭС, 2008.
18. *Лисовская Е.* США выделили 3,4 млрд на «сдерживание» России / Эл. ресурс: «Госновости», 2016, 24 декабря / <http://gospovosti.com/2016/12>
19. Макконнелл Б. Сетевое общество и роль государства // Россия в глобальной политике. 2016. Март–апрель. — №2. — С. 133.
20. *Нариньяни А. С.* Математика XXI — радикальная смена парадигмы. Модель, а не алгоритм // Вопросы философии. 2011. 22 февраля / <http://vphil.ru>
21. Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки: монография / под ред. А. И. Подберезкина, К. П. Боришполец. М.: МГИМО, 2014. — 874 с.
22. Одобренные конгрессменами санкции против КНДР вводят особый контроль за портами Приморья / Ведомости, 2017. 5 мая.
23. *Подберезкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016 г.

24. Подберезкин А. И. Военная сила и политика новой публичной дипломатии / Обозреватель, 2016. Декабрь. — №12. — С. 20.
25. Подберезкин А. И. Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014.
26. Подберезкин А. И. Долгосрочный прогноз развития сценария международной и военно-политической обстановки в XXI веке / Международная научная конференция «Долгосрочное прогнозирование развития международных отношений в интересах национальной безопасности России». — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 11–20.
27. Подберезкин А. И. Евразийская воздушно-космическая обора. — М.: МГИМО–Университет, 2014.
28. Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал: монография в 3 т. Т. 1–3. — М.: МГИМО, 2011–2013 гг.
29. Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО–Университет, 2011. — Т. 3.
30. Подберезкин А. И. Современная военная политика России: учебно-методический комплекс. — М.: МГИМО–Университет, 2017.
31. Подберезкин А. И. Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016 г.
32. Подберезкин А. И. Стратегия ОДКБ / Презентация на круглом столе послов стран-участниц ОДКБ. — Братислава. 2017. 17 мая.
33. Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015.
34. Подберезкин А. И., Боршшполец К. П., Подберезкина О. А. Россия и Евразия. — М.: МГИМО–Университет, 2014 г.
35. Подберезкин А. И., Родионов О. Е., Харкевич М. В. Стратегический прогноз развития отношений между локальными человеческими цивилизациями. — М.: МГИМО–Университет, 2016.
36. Подберезкин А. И., Соколенко В. Г., Цырендоржиев С. Р. Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — 464 с.
37. Подберезкин А. И., Харкевич М. В. Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений. — М.: МГИМО–Университет, 2015.
38. Подберезкин А. И. Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 560.

39. *Пожидаев Е.* Ядерный клинч: США готовят почву для внезапного удара по России и Китаю. 2017. 10 апреля / https://eadaily.com/ru/news/2017/04/10/yadernyy-klinch-ssha-gotovyat-pochvu-dlya-vnezapnogo-udara-po-rossii-i-kitayu?utm_source=smi2
40. Россия и мир в 2020 году: Контуры тревожного будущего. — М.: Эксмо, 2015. — С. 26.
41. *Савин Л. В., Федорченко С. Н., Шварц О. К.* Сетевые методы в государственном управлении. — М.: ООО «Сам полиграфист», 2015. — 146 с.
42. Сафронов И., Сапожков О. Битва при бюджете // Коммерсант, 2016. 4 июля.
43. *Симония Н. А.* Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного / отв. ред. Л. И. Рейснер. — М.: Восточная лит-ра, 1984 г. С. 194–402.
44. *Смирнов А. И., Кохтюлина И. Н.* Глобальная безопасность и «мягкая сила 2.0»: вызовы и возможности для России / А. И. Смирнов, И. Н. Кохтюлина. — М.: ВНИИГеосистем, 2012. — С. 27.
45. Созинов П. А. Направления развития системы воздушно-космической обороны Российской Федерации / доклад. — М.: МГИМО–Университет, 2014.
46. Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А. И. Подберезкина. — М.: МГИМО–Университет, 2015. Т. 1. С. 175–264.
47. Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А. И. Подберезкина, М. В. Александрова. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — 743 с.
48. *Тойнби А.* Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад. М.: АСТ, 2011. 320 с.
49. *Узланер Д.* Введение в постсекулярную философию / Логос. 2011. №3. С. 14.
50. Феномен «Исламского государства» и борьба с ним: правовые, социально-экономические и политические аспекты. Аналит. записка / подготовлена А. В. Федорченко, А. В. Крылов. М. 2015. Март. С. 3.
51. *Хайдеггер М.* Бытие и время. Харьков: Фолио, 2003. 503 с.
52. Хамзатов М. М. «Облачный противник»: новая угроза международной безопасности / Доклад на конференции «Со-

- временные аспекты международной безопасности». — М.: МГИМО–Университет, 2014. 9 апреля.
53. *Хамзатов М. М.* Новая технология войны: «Системно-сетевая война». 21 февраля 2017 г. / <http://www.milresource.ru/War-Hamzatov.html>
  54. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций [пер. с англ. Т. Велмеева]. — М.: АСТ, 2016.
  55. *Хрусталеv М. А.* Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. — М.: «Аспект Пресс», 2015.
  56. *Цветкова Н. А.* Программы Web 2.0 в публичной дипломатии США / США и Канада: экономика, политика, культура, 2011. — №3.
  57. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Том 1. Образ и действительность. М.: Попурри, 2009. 656 с.
  58. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Том 2. Всемирно-исторические перспективы. М.: Попурри, 2009. 704 с.
  59. *Adler E.* Europe as a Civilizational Community of Practice / Civilizations in World Politics: Plural and Pluralist Perspectives. Ed. by P.J. Katzenstein. New York: Routledge, 2010. 248 p.
  60. *Bettiza G.* Civilizational Analysis in International Relations: Mapping the Field and Advancing a “Civilizational Politics” Line of Research // International Studies Review. 2014. Vol. 16. Pp. 1–28.
  61. *Bhonsle R.* US Defence Secretary Carter Visit: A Test of India’s Multi-Alignment Foreign Policy. 2016, April, 8 / www.security-risks.com
  62. *Bolgov R., Zimovieva E., Karachay V.* Information Society Development In Eurasian Economic Union Countries: Legal Aspects // ACM International Conference Proceeding Series 8. “ICEGOV 2014 — 8th International Conference on Theory and Practice of Electronic Governance — Proceedings” 2014. Pp. 387–390.
  63. *Bottici Ch., Challand B.* The Myth of the Clash of Civilizations. Abingdon, Oxon; New York: Routledge, 2010. 192 p.
  64. *Braudel F.* A History of Civilizations. New York: A. Lane, 1994. 640 p.
  65. *Browning C.S., Lehti M.* The Struggle for the West: A Divided and Contested Legacy. Abingdon, Oxon; New York: Routledge, 2010. 256 p.

66. *Cheung, K. S. K., Lee, F. S. L., Ip, R. K. F., & Wagner, C.* The Development of Successful On-line Communities // *International Journal of the Computer, the Internet and Management*. — Vol. 13. — №№1, 2005. — P. 71–89.
67. *Chiozza G.* Is There a Clash of Civilizations? Evidence from Patterns of International Conflict Involvement, 1946–97 // *Journal of Peace Research*. 2002. Vol. 39. Pp. 711–734.
68. *Cordesman A.H., Collay S., Wang M.* Chinese strategy and military modernization in 2015 // *A comparative analysis*. CSIS. December, 2015. — P. 203.
69. *Cox R.* Thinking About Civilizations // *Review of International Studies*. 2000. Vol. 26. Pp. 217–234.
70. *Eisenstadt Sh.N.* *Comparative Civilizations and Multiple Modernities*. Leiden; Boston: Brill, 2003. 1059 p.
71. *Elias N.* *The Civilizing Process*. Oxford, England; Cambridge, MA: Blackwell, 1994. 592 p.
72. *Global Terrorism Index 2016 / Trends / Institute for Economics and Peace (IEP)*. P. 44 / http://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/Global%20Terrorism%20Index%202016_0.pdf
73. *Gordon A.E., Ganesan K.* Automated Story Capture From Conversational Speech, K-CAP'05, October 2–5, 2005, Banff, Canada.
74. *Hall M., Jackson P.T.* *Civilizational Identity: The Production and Reproduction of “Civilizations” in International Relations*. New York: Palgrave Macmillan, 2007.
75. *Hasan, H. and Pfaff, C.C.* 2006. «Emergent Conversational Technologies that are Democratizing Information Systems in Organisations: the case of the corporate Wiki» // *Proceedings of the Information Systems Foundations (ISF): Theory, Representation and Reality Conference*, Australian National University, Canberra, 27–28 September 2006.
76. *Hobson J.M.* *The Eastern Origins of Western Civilisation*. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, 2004. 394 p.
77. *Huntington S.P.* *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster, 1996. 368 p.
78. *Huntington S.P.* *The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs*. 1993. Vol. 72. Pp. 22–49.
79. *Jackson P.T.* *Civilizing the Enemy: German Reconstruction and the Invention of the West*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2006. 304 p.

80. *Katzenstein P.J.* Civilizations in World Politics: Plural and Pluralist Perspectives. New York: Routledge, 2010. 248 p.
81. *Linklater A.* Global Civilizing Processes and the Ambiguities of Human Interconnectedness / *European Journal of International Relations*. 2010. Vol. 16. Pp. 155–178.
82. *Petito F.* In Defence of Dialogue of Civilisations: With a Brief Illustration of the Diverging Agreement between Edward Said and Louis Massignon / *Millennium: Journal of International Studies*. 2011. Vol. 39. Pp. 759–779.
83. *Said E.* Orientalism. Penguin Classics. London: Penguin, 2003. 432 p.
84. *Said E.W.* The Myth of 'The Clash of Civilizations': Professor Edward Said in Lecture. Media Education Foundation, 2002. 14 p.
85. *Sen A.K.* Identity and Violence: The Illusion of Destiny, 1st edition. New York: W. W.Norton & Co., 2006. 240 p.
86. The National Security Strategy / The White House. — Wash.: GPO, 2015. February.
87. The U.S.-China Military Scorecard: Forces, Geography, and the Evolving Balance of Power, 1996–2017. — RAND, California, 2015.
88. *Vygotsky L.* «Mind in Society», Cambridge, MA: Harvard University Press; *Leidner, D. & Jarvenpaa.* — S. 1995 / «The use of information technology to enhance management school education: A theoretical view», *MIS Quarterly*, 1978. — Vol. 19. — №3. — P.265–291.

Научное издание

**Подберезкин Алексей Иванович, Харкевич Максим Владимирович,
Родионов Олег Евгеньевич, Подберезкина Ольга Алексеевна**

**Долгосрочное прогнозирование развития отношений
между локальными цивилизациями в Евразии**

Монография

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 г. №436-ФЗ
данная продукция маркировке не подлежит

Оригинал-макет подготовлен
ИД «Международные отношения»

Компьютерная верстка А. С. Туманова

Подписано в печать 20.11.2017
Формат 60×84¹/₁₆. Усл. печ. л. 22,3. Уч.-изд. л. 14,4.
Тираж 300. Заказ № 8812

Издательский дом «Международные отношения»
125481, Москва, ул. Свободы, 91

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1.
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, 8(499) 270-73-59